

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации**

На правах рукописи

ЕВДОКИМОВА АРИНА ЭДУАРДОВНА

**ПРИЧИНЫ И КЛИНИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛИМФОПЕНИИ ПРИ
КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19**

3.1.22. Инфекционные болезни

3.3.3. Патологическая физиология

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата медицинских наук

Научные руководители:
доктор медицинских наук,
доцент Х.С. Хаертынов;
доктор медицинских наук,
доцент И.С. Рагинов

Казань – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ	13
1.1 Клинико-лабораторные проявления тяжелых форм коронавирусной инфекции COVID-19	13
1.2 Иммунный ответ при COVID-19	16
1.3 Лимфопения при COVID-19. Причины развития	24
1.4 Предикторы летальности при COVID-19	33
1.5 Лимфопения как предиктор тяжести COVID-19 и летальности	40
ГЛАВА 2 МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ	43
2.1 Дизайн исследования. Общая характеристика пациентов с COVID-19 ...	43
2.1.1 Характеристика пациентов для проведения специфических лабораторных методов исследования	47
2.2 Методы исследования и обработки результатов	48
2.2.1 Лабораторные и инструментальные методы исследования	49
2.2.2 Морфологические исследования	50
2.2.3 Методы статистической обработки данных	51
ГЛАВА 3 РЕЗУЛЬТАТЫ СОБСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	53
3.1 Анализ клинико-лабораторных проявлений COVID-19	53
3.2 Частота лимфопении у пациентов, госпитализированных с COVID-19	57
3.3 Цитокиновый профиль пациентов с COVID-19	65
3.4 Влияние воспаления на выраженность лимфопении	69
3.5 Изучение выраженности апоптоза лимфоцитов крови у пациентов с COVID-19	71
3.6 Определение выраженности лимфоцитарной инфильтрации тканей легких и селезенки пациентов, умерших от COVID-19	77
3.7 Частота развития бактериальных, грибковых и герпесвирусных инфекций у пациентов с COVID-19	93
3.8 Предикторы летальности при коронавирусной инфекции COVID-19	101

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	110
ВЫВОДЫ	120
ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.....	122
ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАЗРАБОТКИ ТЕМЫ	122
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	124
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	127
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	158

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Пандемия коронавирусной инфекции (англ. coronavirus disease 2019, COVID-19) сопровождалась высокой частотой развития тяжелого течения заболевания и значительной летальностью [57]. За годы пандемии COVID-19 в мире заболело более 6,5 млрд человек и более 7 млн погибло [276]. Тяжелое течение COVID-19 ассоциировалось с развитием диффузного альвеолярного поражения легких (ДАП), которое проявлялось развитием острого респираторного дистресс-синдрома (ОРДС) [82]. ОРДС и тромбозы легочных сосудов были основными причинами летальных исходов у пациентов с COVID-19 [277]. Показатели смертности от COVID-19 значительно варьировали в разных странах: в Германии и во Франции он составил 0,4%, в США – 1,1%, в Российской Федерации – 1,8%, в Мексике – 4,5%, в Перу – 4,9% [140].

Уже в начале пандемии COVID-19 было установлено, что ключевыми факторами риска развития тяжелого течения заболевания и неблагоприятного исхода были: возраст пациентов старше 60 лет, наличие коморбидных состояний – сердечно-сосудистых заболеваний, сахарного диабета, ожирения, хронических заболеваний легких и почек, иммунодефицитных состояний [244]. Однако, ключевую роль в формировании тяжести COVID-19 играла чрезмерная активация клеток врожденного иммунитета, характеризовавшаяся повышением в крови различных провоспалительных цитокинов и других маркеров воспаления – нейтрофилов, С-реактивного белка (СРБ), ферритина [35, 97]. Частым гематологическим отклонением у пациентов с COVID-19 было снижение в крови числа лимфоцитов [7, 113]. Лимфопения развивалась, в среднем, у 63% пациентов с COVID-19 [84], в т.ч. в 72-82,1% случаев при тяжелом течении заболевания [186]. COVID-19 является одной из немногих вирусных инфекций, сопровождающихся лимфопенией. Среди вирусных инфекций,

характеризующихся развитием лимфопении, наиболее известной и распространенной является инфекция, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция). Как известно, ключевая причина лимфопении при ВИЧ-инфекции – репликация вируса в CD4-лимфоцитах, результатом которой является постепенное (длящееся годами) снижение числа лимфоцитов в периферической крови [9]. Итогом является формирование вторичного иммунодефицита, характеризующегося развёртыванием клиники различных оппортунистических инфекций [9]. При COVID-19, в отличие от ВИЧ-инфекции, не происходит репликации коронавируса в лимфоцитах, а снижение их количества в крови отмечается уже в начальном периоде поражения легких. При этом, не совсем ясно, происходит ли формирование иммунодефицита у пациентов с COVID-19 и лимфопенией. Поэтому, представляет интерес установление причины (возможно, она не одна), приводящей к снижению числа лимфоцитов в периферической крови у пациентов с COVID-19. Как известно, лимфопения при инфекционных заболеваниях ассоциируется с неэффективностью адаптивного иммунитета, ключевыми функциями которого является формирование противоинфекционного иммунитета, иммунологической памяти и элиминация возбудителя [163, 75]. Продолжительная и выраженная лимфопения у пациентов с COVID-19 может стать причиной развития вторичных инфекций (бактериальных, вирусных, грибковых) [38, 14, 118, 257], а также повлиять на исход заболевания. Какова глубина и продолжительность лимфопении у пациентов с COVID-19 и отражает ли снижение числа лимфоцитов в крови формирование иммунодефицита? Или это транзиторное состояние, не имеющее клинического значения? Ответы на эти вопросы крайне актуальны для практического здравоохранения и представляют значительный научный интерес. Поэтому, представляется актуальным проведение исследований, направленных на установление основных причин и клинического значения лимфопении у пациентов с COVID-19. С этой целью и было организовано данное исследование.

Степень разработанности темы исследования

Различными авторами проведены исследования по изучению частоты и тяжести лимфопении при коронавирусной инфекции COVID-19 [109, 186, 188]. Отмечается ассоциация между тяжестью заболевания и лимфопенией. Однако, нет работ по оценке влияния на выраженность лимфопении объема поражения легких при COVID-19.

Исследований причин снижения числа лимфоцитов в периферической крови при COVID-19 предпринято достаточно много. Были предположены несколько механизмов, способных привести к лимфопении у пациентов с COVID-19 – гибель лимфоцитов, вызванная репликацией SARS-CoV-2, процессами апоптоза и пироптоза, перераспределение лимфоцитов вследствие их миграции в легочную ткань и угнетение лимфопоэза [191]. Возможно лимфопения – результат комплекса, развивающихся при COVID-19 патологических процессов? Ясности в ответе на этот вопрос нет, так как работы, касающиеся определения механизмов лимфопении, в основном, ограничивались проведением либо клинико-лабораторных, либо патоморфологических исследований. При этом, исследования по оценке содержания в легочной ткани и органах иммунной системы лимфоцитов носят, в основном, описательный характер. Комплексных исследований, объединивших проведение клинико-лабораторных и патоморфологических исследований, направленных на изучение причин лимфопении, в литературе нет. Еще одной вероятной причиной снижения числа лимфоцитов в крови может быть малоизученный потенциальный механизм - потребление их в процессе тромбообразования. Публикаций, целенаправленно рассматривающих эту гипотезу, в специальной литературе не обнаружено.

Один из результатов развивающейся лимфопении у пациентов с COVID-19 – увеличение риска развития вторичных инфекций. У пациентов с COVID-19 увеличивается риск развития мукормикоза [14, 38], инфекции, обусловленной вирусом Эпштейна-Барр [118], бактериальных инфекций системы кровотока

[257]. В исследовании Ripa M. и коллег было показано, что риск развития вторичных бактериальных инфекций возрастает у пациентов с COVID-19, находящихся на искусственной вентиляции легких (ИВЛ) и при снижении числа лимфоцитов в периферической крови менее $0,7 \times 10^9/\text{л}$ [257]. Однако в опубликованных работах отсутствует стратификация частоты вторичных инфекций по степени выраженности лимфопении; не проведена оценка независимого прогностического вклада лимфопении в развитие бактериальных, грибковых и вирусных осложнений.

Различными авторами показано, что лимфопения является значимым предиктором неблагоприятного исхода у пациентов с COVID-19 [158, 276]. В основном эти выводы сделаны на результатах монофакторного анализа. Целесообразно проведение многофакторного анализа, который учитывал бы прогностическую роль коморбидных факторов, тяжести COVID-19, выраженность воспалительной реакции и степень выраженности лимфопении.

Изучение причин снижения числа лимфоцитов в крови у пациентов с COVID-19 позволит расширить и углубить наши представления о патофизиологии данного явления, установить роль лимфопении в развитии вторичных инфекций и прогнозе заболевания.

Цель

Определить причины формирования лимфопении и обосновать её прогностическое значение при тяжёлых формах COVID-19

Задачи

1. Установить частоту, выраженность и продолжительность лимфопении, а также её связь с развитием вторичных инфекций, для оценки прогностического значения лимфопении при COVID-19.

2. Изучить выраженность воспалительной реакции при COVID-19 и оценить её вклад в развитие лимфопении.
3. Оценить выраженность апоптоза лимфоцитов периферической крови у пациентов с COVID-19 в зависимости от степени выраженности лимфопении.
4. Оценить возможную связь активности тромбообразования с числом лимфоцитов периферической крови.
5. Определить содержание субпопуляций лимфоцитов в тканях легких и селезенки у пациентов, умерших от COVID-19.
6. Разработать прогностическую модель неблагоприятного исхода COVID-19 на основе комплекса клинико-лабораторных показателей и оценить её диагностическую значимость.

Научная новизна

Впервые определена частота и выраженность лимфопении у пациентов с COVID-19 с различным объемом поражения легких в динамике заболевания. При госпитализации самая высокая частота лимфопении регистрировалась в группе пациентов, чей объем поражения легких при проведении компьютерной томографии (КТ) органов грудной клетки соответствовал КТ-3 (84%), самая низкая – в группе пациентов с КТ-1 (30%). В исходе заболевания частота лимфопении в группе пациентов со степенью поражения легких, соответствующей КТ-4, составила 100% и в 20 раз превышала показатель группы пациентов с КТ-1 (5%).

Впервые выявлено, что потребление лимфоцитов в процессе тромбообразования является одним из ключевых механизмов лимфопении при COVID-19. Медиана Д-димера у пациентов с тяжелым течением составила 5552 нг/мл, медиана числа лимфоцитов – $0,6 \times 10^9/\text{л}$.

Установлено, что причинами формирования лимфопении при тяжелых формах COVID-19 являются: активация апоптоза лимфоцитов венозной крови,

перераспределение лимфоцитов из селезенки в легочную ткань, потребление в процессе тромбообразования.

Впервые обнаружено, что лимфопения сопровождается увеличением частоты развития бактериальных (в том числе оппортунистических) инфекций у пациентов с COVID-19. При количестве лимфоцитов в периферической крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ вероятность развития бактериальной инфекции увеличивалась в 2,7 раза. Чувствительность и специфичность теста составили 81,1% и 61,1%, соответственно.

Впервые была разработана прогностическая модель для определения вероятности неблагоприятного исхода COVID-19. Было установлено, что у пациентов с уровнем лимфоцитов в крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ вероятность летального исхода возрастает в 3,1 раза. Чувствительность и специфичность полученной прогностической модели составили 84,9% и 82,7%, соответственно.

Теоретическая и практическая значимость работы

Полученные данные свидетельствуют о том, что основными причинами лимфопении при COVID-19 являются активация апоптоза лимфоцитов и перераспределение их пула (уменьшение в селезенке с накоплением в лёгочной ткани) и потребление лимфоцитов в процессе тромбообразования.

Показано, что выраженность лимфопении и воспалительной реакции напрямую сопряжена с объёмом поражения лёгочной ткани. Это позволяет рассматривать лимфопению не только как лабораторный феномен, но и как отражение глубины патологического процесса в лёгких, связывающее системный воспалительный ответ, иммунное истощение и локальное повреждение лёгочной ткани. Полученные данные развивают представление о лимфопении как о маркере, интегрирующем тяжесть воспаления и объём поражения, что углубляет понимание патогенетических взаимосвязей между системным воспалением, иммуносупрессией и органным повреждением при COVID-19.

Показано, что у пациентов с COVID-19 и лимфопенией увеличивается риск развития вторичных инфекций (бактериальных, грибковых и герпесвирусных). Группу риска представляют пациенты с уровнем лимфоцитов в крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$.

Выявлено, что при оценке прогноза COVID-19 необходимо учитывать коморбидную патологию (ожирение, хроническую обструктивную болезнь легких (ХОБЛ)), тяжесть COVID-19, уровень в крови ферритина, лимфоцитов.

Методология и методы исследования

Диссертационное исследование проводили с использованием общенаучных и отраслевых подходов в соответствии с поставленными целью и задачами. При выполнении работы применяли клинические, лабораторные методы исследования, иммуноферментный, молекулярно-генетический, цитофлуориметрический и иммуногистохимический анализы.

Внедрение результатов работы

Основные результаты, полученные в ходе проведения исследования, и практические рекомендации применяются в работе ГАУЗ «Республиканская клиническая инфекционная больница имени профессора А.Ф. Агафонова» (ГАУЗ «РКИБ») МЗ РТ, ГАУЗ «Республиканская клиническая больница» (ГАУЗ «РКБ») Минздрава Республики Татарстан, ГАУЗ «Городская клиническая больница №7 имени М.Н. Садыкова» г. Казани, включены в образовательный процесс кафедр общей патологии, детских инфекций и инфекционных болезней ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава России.

Положения, выносимые на защиту

1. Лимфопения — проявление COVID-19, выраженность и продолжительность которого определяют тяжесть и исход заболевания.

2. Развитие тяжёлых форм COVID-19 связано со снижением числа лимфоцитов, обусловленным активацией апоптоза, перераспределением лимфоцитов из селезёнки в ткань лёгкого и потреблением их в процессе иммунотромбообразования. Уменьшение площади белой пульпы селезёнки при тяжёлых формах является морфологической основой формирования иммуносупрессии.

3. Тяжелая лимфопения у пациентов с COVID-19 ассоциируется с развитием бактериальных суперинфекций и является неблагоприятным прогностическим фактором.

Степень достоверности и апробация результатов

Исследование выполнено на современном уровне, благодаря правильно спланированному дизайну, достаточной выборке пациентов, четко сформулированной цели и поставленным задачам.

Материалы исследования были доложены на XI конференции с международным участием "Социально значимые и особо опасные инфекционные заболевания" (Сочи, 2024 г.), IV и V ежегодной конференции по инфекционным болезням «Покровские чтения» (Москва, 2024, 2025 гг.), Межрегиональной научно-практической конференции «Современные инфекции на поликлиническом и госпитальном этапе» (Казань, 2025 г.), XII международном молодежном научном медицинском форуме «Белые цветы» (Казань, 2025 г.), Межрегиональной научно-практической конференции «Современные инфекции на поликлиническом и госпитальном этапе» (Казань, 2026 г.), XIII международном молодежном научном медицинском форуме «Белые цветы» (Казань, 2026 г.).

Личный вклад автора

В процессе выполнения диссертационного исследования автор непосредственно принимал участие на всех этапах работы: осуществление

научно-информационного поиска, проведение осмотра и клинического обследования пациентов, ведение и систематизация первичной документации, выполнение лабораторных исследований, комплексная оценка клинических и лабораторных данных, проведение статистического анализа результатов.

Автор самостоятельно осуществил: систематизацию и научное обобщение полученных результатов, формулировку научной концепции, разработку основных положений исследования, формулировку выводов и практических рекомендаций, подготовку материалов для публикации научных работ. Доля личного участия в работах, опубликованных в соавторстве, составляет 89%.

Публикации

По теме диссертации опубликовано 17 научных работ, из них 7 – в рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по специальностям 3.1.22. Инфекционные болезни и 3.3.3. Патологическая физиология, в том числе 3 – в научных изданиях, входящих в базы данных SCOPUS, RSCI. По результатам проведенного исследования получено свидетельство государственной регистрации базы данных №2025624228 «Клинико-лабораторные характеристики пациентов с COVID-19» от 03.10.2025.

Структура и объем диссертации

Диссертация изложена на 162 страницах, состоит из введения, обзора литературы, материала и методов исследования, главы, посвященной результатам собственных исследований, обсуждения, выводов, практических рекомендаций, описания перспектив дальнейшей разработки темы, списка сокращений, списка литературы и списка иллюстративного материала. Работа иллюстрирована 35 таблицами, 35 рисунками. Список литературы включает 295 источников, из которых 37 – отечественных, 258 – зарубежных.

ГЛАВА 1 ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1.1 Клинико-лабораторные проявления тяжелых форм коронавирусной инфекции COVID-19

В конце 2019 г. мир столкнулся с ранее неизвестным вирусом – SARS-CoV-2 (от англ. severe acute respiratory syndrome coronavirus 2), возбудителем коронавирусной инфекции COVID-19 [181]. Появившись в г. Ухань (Китай), SARS-CoV-2 в течение 3-4-х месяцев распространился по всему миру и превратился в глобальную угрозу [57]. COVID-19 стал пятой пандемией после испанского гриппа 1918 г. (H1N1), азиатского 1957 г. (H2N2), гонконгского 1968 г. (H3N2) и свиного гриппа 2009 г. (H1N1) [181].

За годы пандемии COVID-19 в мире заболело более 6,5 млрд человек и более 7 млн погибло [276]. Летальность от COVID-19 была сравнима с таковой в периоды гриппозных пандемий. Количество умерших от испанского гриппа 1918 г. (H1N1) оценивается в 50 млн [216], от азиатского гриппа 1957 г. (H2N2) – 1,5 млн, от гонконгского гриппа 1968 г. (H3N2) и пандемического гриппа 2009 г. (H1N1) – 1 млн и 300 тыс, соответственно [140, 171, 216]. Показатели смертности от COVID-19 значительно варьировали в разных странах: в Германии и во Франции он составил 0,4%, в Испании и Швеции – 0,9%, в США – 1,1%, в Российской Федерации – 1,8%, в Индонезии – 2,4%, в Мексике – 4,5%, в Перу – 4,9% [276].

У большинства инфицированных SARS-CoV-2 инфекция протекала в бессимптомной и легкой формах, среднетяжелое и тяжелое течение регистрировались в 15% и 5% случаев, соответственно [127]. Пациенты с тяжелым и крайне тяжелым течением COVID-19 оказались в фокусе внимания врачей из-за высокого риска неблагоприятного исхода. Тяжелые формы заболевания характеризовались вовлечением в патологический процесс легочной ткани, что проявлялось развитием ДАП, выявляемого по результатам

постмортальных исследований [223, 112, 233, 18, 19]. При проведении компьютерной томографии органов грудной клетки изменения в легких у пациентов с COVID-19 характеризовались формированием «матовых стекол» [111, 142, 198], что позволило трактовать их как пневмонию. Однако, использование различных схем противовирусной и антибактериальной терапии не сопровождалось заметным клиническим улучшением. Исследования механизмов поражения легких у пациентов с COVID-19 позволили установить ключевую роль воспаления и тромбообразования в мелких сосудах легочной ткани [142, 198]. Современные представления об иммунном ответе при различных вариантах течения COVID-19 будут представлены ниже в соответствующей главе. Клинически ковидная пневмония проявлялась признаками дыхательной недостаточности в виде нехватки воздуха, одышки, снижения насыщения гемоглобина кислородом (SpO_2) и необходимостью проведения респираторной поддержки. Наиболее тяжелые формы поражения легких при COVID-19 сопровождались развитием ОРДС [32]. Другим клинически значимым признаком COVID-19 было развитие коагулопатии, проявлявшейся гиперкоагуляцией и тромбообразованием [22, 32]. Изменения в коагулограмме при COVID-19 характеризовались удлинением протромбинового времени, повышением уровней фибриногена, фактора фон Виллебранда (ФФБ) и Д-димера [46, 82, 37, 35]. Нарушения в свертывающей системе крови у пациентов с SARS-CoV-2-инфекцией получили обозначение COVID-19-ассоциированной коагулопатии [37]. Ключевая роль в развитии дисбаланса в свертывающей системе крови и формировании тромбов при COVID-19 принадлежит гипервоспалительной реакции, характеризовавшейся повышением в крови различных маркеров воспаления – нейтрофилов, СРБ, ферритина, провоспалительных цитокинов [290, 208]. Индуцированное воспалительной реакцией тромбообразование стало основанием появления терминов «тромбовоспаление» и «иммунотромбоз» [125, 127]. ОРДС и тромбозы легочных сосудов были основными причинами летальных исходов при COVID-19 [277]. Таким образом, для тяжелых форм инфекции, вызванной SARS-CoV-2, была характерна триада клинико-лабораторных

синдромов – гипервоспалительная реакция, ОРДС и COVID-19-ассоциированная коагулопатия. Это нашло отражение при проведении терапии инфекции, вызванной SARS-CoV-2. Отличительной особенностью лечения тяжелых форм COVID-19 от других инфекционных заболеваний являлась необходимость проведения, кроме этиотропной, комплексной патогенетической терапии, включавшей респираторную поддержку, назначения противовоспалительных и антикоагулянтных препаратов.

Для раннего выявления тяжелых форм заболевания кроме оценки клинико-инструментальных проявлений дыхательной недостаточности (увеличение частоты дыхания, снижение SpO_2), объема поражения легочной ткани по результатам компьютерной томографии органов грудной клетки использовались различные лабораторные показатели, прежде всего, маркеры воспаления и тромбообразования, а также показатели органной дисфункции [85, 88, 174, 137, 79]. Различными исследователями было показано, что тяжелые формы COVID-19 сопровождаются повышением в крови количества нейтрофилов, индекса нейтрофилы/лимфоциты (Н/Л), уровня СРБ, ферритина и различных провоспалительных цитокинов – фактора некроза опухоли-альфа (ФНО-альфа), интерлейкинов-1, 6, 8, 18, 33 (ИЛ), гранулоцитарно-макрофагального колониестимулирующего фактора (ГМ-КСФ) [131, 49, 204, 281]. Частым гематологическим признаком тяжелых форм инфекции, обусловленной SARS-CoV-2, являлось развитие лимфопении [7, 113]. Повышение в крови одних маркеров воспаления (нейтрофилов, СРБ, провоспалительных цитокинов) и снижение других (лимфоцитов) при тяжелых формах COVID-19 свидетельствует о дисрегуляции иммунного ответа [67]. Было показано, что эти лабораторные показатели могут быть использованы как для оценки тяжести, так и прогноза COVID-19 [90, 277, 280, 292]. Другими клинически значимыми маркерами тяжелого течения SARS-CoV-2-инфекции были высокий уровень в крови Д-димера [82] и лактатдегидрогеназы (ЛДГ) [82, 86].

Кроме маркеров воспаления и тромбообразования факторами, с которыми ассоциировалось развитие тяжелого течения COVID-19, были: возраст пациента

старше 65 лет, наличие коморбидной патологии – ишемической болезни сердца (ИБС), цереброваскулярных заболеваний, сахарного диабета, ожирения, хронических заболеваний легких и почек, злокачественных новообразований [269, 244].

Хорошо известно, что формирование тяжелого и крайне тяжелого течения COVID-19 определяется 4 основными факторами: вирулентностью SARS-CoV-2, дисрегуляцией иммунного ответа, нарушением баланса в свертывающей системе крови и коморбидной патологией. Однако, наиболее значимым из них является иммунная дисрегуляция, развитие которой лежит в основе формирования органной дисфункции и тромбообразования. Наиболее сложным в управлении этими факторами является дисрегуляция иммунного ответа – повышение одних клеток иммунной системы (нейтрофилов, СРБ и др.) и снижение других (лимфоцитов). Как уже было отмечено, лимфопения – одно из наиболее распространенных иммунологических нарушений у пациентов с COVID-19, регистрирующееся в 72-82,1% случаев при тяжелом течении заболевания [186]. Каковы причины снижения числа лимфоцитов в крови при COVID-19 и имеет ли это клиническое значение? Что делать в случае выявления лимфопении? Вот основные вопросы, на которые необходимо было получить ответы.

1.2 Иммунный ответ при COVID-19

Возбудитель COVID-19 – SARS-CoV-2, как известно, обладает тропностью к клеткам, несущим на своей поверхности рецептор ангиотензин-превращающего фермента 2 типа (АПФ2) [203, 180]. Взаимодействие SARS-CoV-2 с рецептором АПФ2 и проникновение его в клетку происходит при участии шиповидного белка S (англ. – spike-protein) вируса [203, 42, 251]. В S-протеине выделяют два домена: S1 и S2 [3, 252, 179]. Домен S1 опосредует связывание с АПФ2 [42], а S2 – последующее слияние вирусной оболочки с клеточной мембраной [252, 179]. Ключевой компонент S-белка, который отвечает за связывание SARS-CoV-2 с АПФ2 – рецепторсвязывающий домен (РСД) [3, 252, 266, 267]. Однако, для

проникновения в клетку вирусу нужен не только АПФ2, но еще и сериновая протеаза 2-го типа TMPRSS2 (англ. – transmembrane protease serine 2) [247]. TMPRSS2 расщепляет S-белок и рецептор АПФ2, способствуя слиянию вируса с клеточной мембраной и интернализации вируса в клетку-мишень [247]. В респираторном тракте наиболее высокая экспрессия АПФ2 отмечается на поверхности клеток назального эпителия и бронхов [203]. В легких экспрессия рецептора наблюдается преимущественно на поверхности альвеолоцитов 2-го типа [203]. Рецепторы АПФ представлены и в других органах и системах – клетках пищеварительного тракта, сердце, почках, печени (холангиоцитах), головном мозге, яичках [61, 129, 180, 264]. Поэтому мишенями для SARS-CoV-2 могут быть как легкие, так и другие органы – сердце, почки, пищеварительный тракт, нервная система [146, 203]. Развитие тяжелых форм COVID-19 ассоциируется с поражением легочной ткани в виде диффузного альвеолярного повреждения, результатом которого является нарушение газообмена с необходимостью проведения респираторной поддержки [112]. В период пандемии у 80% пациентов COVID-19 характеризовался развитием легких и бессимптомных форм заболевания [294]. Среднетяжелые формы COVID-19 регистрировались у 15% пациентов, тяжелые формы – в 5% случаев [128]. Что является причиной развития тяжелых и крайне-тяжелых форм заболевания? Вирус SARS-CoV-2 или реакция иммунной системы на инфекционную агрессию? За период пандемии было зафиксировано несколько волн подъема заболеваемости COVID-19, которые были обусловлены различными вариантами SARS-CoV-2, отличавшихся контагиозностью и вирулентностью [173, 255]. Причина этого – мутации гена, кодирующего синтез S-протеина SARS-CoV-2 [251]. По образному выражению Kupferschmidt K., новые варианты SARS-CoV-2 меняли лицо пандемии COVID-19 [173]. В период доминирования дельта-варианта коронавируса это проявилось, в частности, укорочением инкубационного периода заболевания, длительным выделением вируса из ротоглотки, увеличением доли тяжелых форм заболевания [173]. Среди различных штаммов SARS-CoV-2 максимально вирулентными и наиболее часто индуцировавшими развитие

тяжелых форм заболевания за весь период пандемии COVID-19 были следующие варианты коронавируса: альфа (линия B.1.1.7), бета (линия B.1.351), гамма (линия P.1) и дельта (линия B.1.617.2) [2]. Показатель летальности варьировал при различных штаммах вируса: для альфа-варианта он составил 2,62%, для бета-варианта – 4,19%, для гамма-, дельта- и омикрон-вариантов, соответственно: 3,6%, 2,01% и 0,7% [64]. Однако, инфекционный процесс - всегда участие двух сторон - микроорганизма и иммунной системы. Взаимодействие возбудителя и иммунной системы имеет решающее значение в формировании тяжести заболевания.

Тяжелые формы COVID-19 характеризуются последовательной сменой двух стадий – репликативной и воспалительной [273]. Начальная стадия COVID-19 (первые 3-5 дней заболевания) характеризуется репликацией SARS-CoV-2, вирус-индуцированным повреждением тканей, экспрессирующих рецептор АПФ2, и активацией клеток врожденного иммунитета (моноцитов, макрофагов, нейтрофилов, дендритных клеток) [71]. Недостаточность факторов врожденного иммунитета, медленное и позднее их реагирование на SARS-CoV-2 может способствовать усилению репликации вируса в эпителии респираторного тракта, в легких, увеличению вирусной нагрузки в органах-мишенях и индуцировать развитие тяжелых форм заболевания [258]. Раннее назначение противовирусных препаратов, эффективных в отношении SARS-CoV-2, а также моноклональных антител, нейтрализующих S-белок вируса - основное направление терапии в этом периоде [25].

В следующей стадии COVID-19 отмечается развитие гипервоспалительной реакции организма, характеризующейся повышением в крови ключевых маркеров воспаления – СРБ, ферритина, провоспалительных цитокинов (ФНО-альфа, ИЛ-1, ИЛ-6, ИЛ-8, ИЛ-33 и др.) [67, 71, 79, 282]. Стадии тяжелого течения COVID-19 представлены на рисунке 1.

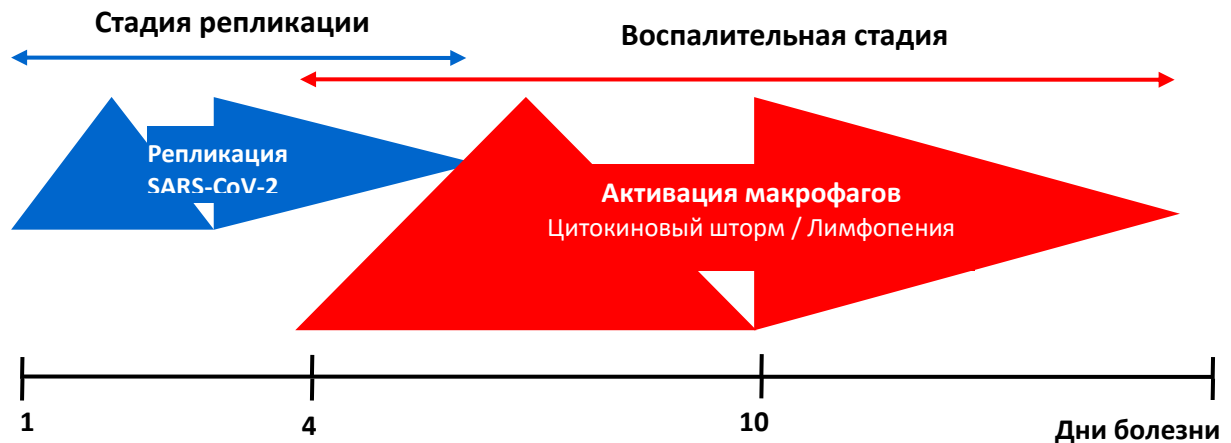

Рисунок 1 - Стадии тяжелого течения коронавирусной инфекции COVID-19

Следует отметить, что иммунный ответ при тяжелых формах заболевания характеризуется дисбалансом цитокинового профиля – сдвигом в сторону провоспалительных интерлейкинов. При бессимптомных и легких формах заболевания сохраняется баланс между про- и противовоспалительными цитокинами [149, 219]. Именно в стадию гипервоспаления развивается картина ОРДС, основного клинического синдрома, определяющего тяжесть состояния при COVID-19 [246, 206]. Современные критерии ОРДС были сформулированы в 2012 г. и включают: острое его развитие (в течение недели), признаки дыхательной недостаточности, которая не ассоциируется с сердечной патологией, диффузные двусторонние затенения в легких по данным рентгенографии или компьютерной томографии органов грудной клетки, необходимость в проведении респираторной поддержки [48]. ОРДС являлась основной причиной госпитализации пациентов с COVID-19 в отделения реанимации и интенсивной терапии (ОРИТ). Летальность от ОРДС у пациентов с COVID-19 варьировала от 23 до 56% [209].

Основная причина значительного повышения в крови медиаторов воспаления при COVID-19 – избыточная активация клеток врожденного иммунитета (в первую очередь, макрофагов) [160, 203]. Иммунный ответ при инфекционном заболевании, как известно, направлен на элиминацию возбудителя и локализацию инфекционного процесса с минимизацией повреждения органа

[250]. Чрезмерная иммунная реакция может индуцировать развитие «цитокинового шторма» – ключевой причины прогрессирования заболевания и неблагоприятного исхода [131, 50, 199]. Феномен «цитокинового шторма» лежит в основе дисфункции различных органов, в т.ч. легких с развитием ОРДС [131]. Следует отметить, что избыточный синтез цитокинов с развитием органной дисфункции ранее уже был описан при пандемическом гриппе А (2009 г.) [283, 100], лихорадке денге [265], хантавирусной инфекции [147], сепсисе [78, 63]. Очевидно, что чрезмерная активация клеток врожденного иммунитета с гиперпродукцией провоспалительных цитокинов представляет собой универсальный механизм, лежащий в основе развития тяжелых форм как вирусных, так и бактериальных инфекций. Пик достижения концентрации провоспалительных цитокинов в крови при тяжелых формах COVID-19 приходится, в среднем на 8-11 день от начала заболевания [158, 183].

Рядом авторских коллективов на основании своего опыта были предложены критерии диагностики цитокинового шторма при COVID-19 [115, 83, 102, 12]. Например, критерии Kaiser Permanente Southern California (KPSC) включают: 1) уровень сывороточного ферритина > 2000 нг/мл и повышение концентрации в крови любого другого маркера воспаления, или 2) повышение в крови ≥ 4 маркеров воспаления, включая СРБ > 70 мг/л; ферритин > 700 нг/мл, Д-димер > 1000 нг/мл, триглицериды > 265 мг/дл, аспартатаминотрансфераза (АСТ) > 59 ЕД/л, ЛДГ > 300 ЕД/л, абсолютное количество лимфоцитов в крови менее 800 клеток/мкл и повышение количества нейтрофилов > 8000 клеток/мкл [104]. Группой американских исследователей были предложены клинико-лабораторные критерии диагностики гипервоспалительного синдрома у пациентов с COVID-19 (таблица 1) [83].

Таблица 1 - Критерии гипервоспалительного синдрома при COVID-19

Критерий	Расшифровка
Лихорадка	Температура тела $> 38^{\circ}\text{C}$
Активация макрофагов	Повышение содержания ферритина ≥ 700 мкг/л

Продолжение таблицы 1

Критерий	Расшифровка
Гематологические изменения	Индекс Нейтрофилы/Лимфоциты ≥ 10 , или 2 признака: содержание гемоглобина $\leq 9,2$ г/дл и тромбоцитов $\leq 110 \times 10^9$ /л
Коагулопатия	Содержание D-димера $\geq 1,5$ мкг/мл
Повреждение печени	ЛДГ ≥ 400 ЕД/л или АСТ ≥ 100 ЕД/л
Цитокинемия	Содержание ИЛ-6 ≥ 15 пкг/мл, или триглицеридов ≥ 150 мг/дл, или С-реактивного белка ≥ 15 мг/дл

Bhaskar S. с коллегами для оценки риска развития цитокинового шторма у пациентов с COVID-19 разработали диагностическую панель «The COVID-19 Pandemic Health System REsilience PROGRAM consortium» (REPROGRAM), которая включает: повышение содержания одного из маркеров воспаления (ферритин > 1000 нг/мл, СРБ > 25 мг/л и повышение уровня ИЛ-6); высокие значения по шкале SOFA (Sequential Organ Failure Assessment, изначально Sepsis-related Organ Failure Assesment), наличие дыхательной недостаточности, двусторонней пневмонии и прогрессирующее увеличение потребности в неинвазивной респираторной поддержке; Д-димер > 1000 нг/мл, ЛДГ > 300 ЕД/л, число лимфоцитов в крови < 800 клеток/мкл и уровень АСТ > 40 ЕД/л [102].

Как уже было отмечено выше клиническим проявлением цитокинового шторма при COVID-19 является развитие органной дисфункции, в частности, ОРДС [131]. В результате формирования мультисистемного воспалительного синдрома (МСВС) возможно формирование и полиорганной недостаточности [145, 12]. Развитие МСВС при COVID-19 чаще всего регистрировалось среди детей [221]. Однако, и среди взрослых пациентов отмечались случаи развития МСВС – Multisystem Inflammatory Syndrome in Adults (MIS-A) [145, 65, 60, 139, 15].

Повышение концентрации провоспалительных цитокинов у пациентов с COVID-19 отмечается не только в крови, но и в ткани легких. В исследовании

Frisoni P. и коллег была установлена высокая степень экспрессии ФНО-альфа, ИЛ-1 β , ИЛ-6 и ИЛ-15 в лёгких у пациентов, умерших от тяжёлой пневмонии, вызванной SARS-CoV-2 [101]. ИЛ-6 занимает центральное место среди медиаторов воспаления как причина развития ОРДС, он индуцирует повышение проницаемости сосудов, интерстициальный отёк и повреждение легочной ткани [271]. Другие биологические эффекты ИЛ-6 при тяжелых формах COVID-19 – синтез белков острой фазы воспаления (СРБ, ферритин, фибриноген), стимуляция образования молекул адгезии ICAM-1 (англ. – intercellular adhesion molecule-1) и VCAM-1 (англ. – vascular cell adhesion molecule-1) [33]. Проведение противовоспалительной терапии антицитокиновыми препаратами, направленной на нейтрализацию ИЛ-6 и его рецептора (ИЛ-6р) стало одним из основных направлений терапии тяжелых форм COVID-19. Антицитокиновые препараты вошли в Национальные рекомендации по лечению COVID-19 в России, Китая, Греции, Израиле, Ирландии, Испании, Италии, Турции, Швейцарии, Японии и других странах [12, 25]. Использование тоцилизумаба (рекомбинантное гуманизированное моноклональное антитело к человеческому рецептору ИЛ-6 из подкласса иммуноглобулинов IgG1) в сочетании с системными глюкокортикостероидами (ГКС) улучшало прогноз COVID-19 [12]. Было показано, что блокирование ИЛ-6 препаратом тоцилизумаб повышало выживаемость пациентов с тяжелыми формами заболевания [114, 286].

В обеспечении эффективного иммунного ответа на инфекционную агрессию важную роль играют клетки адаптивного иммунитета – Т- и В-лимфоциты. Реакция клеток врожденного иммунитета в начале заболевания в дальнейшем сменяется активацией адаптивного иммунитета (рисунок 2). Адаптивный иммунитет, как известно, представлен CD4 $^{+}$ -, CD8 $^{+}$ -Т-клетками и В-клетками [159, 258]. Основная функция адаптивного иммунитета – формирование специфического иммунитета, элиминация возбудителя и формирование иммунологической памяти [163, 75]. Как известно, CD4 $^{+}$ -клетки обладают способностью дифференцироваться в клетки-хелперы и эффекторные клетки, CD8 $^{+}$ Т-клетки – уничтожать инфицированные вирусом клетки, а В-клетки -

продуцировать антитела [258]. CD4⁺-лимфоциты выполняют роль «дирижера» в «иммунном оркестре» организма, поскольку, стимулируют как CD8⁺ Т-клеточный ответ, так и гуморальный иммунитет [258, 162, 160]. Кроме того, CD4⁺-лимфоциты дифференцируются в Th1 (Т-хелперы 1-го типа) и Tfh-клетки (Т-фолликулярные хелперы) [258]. Th1-клетки продуцируют интерферон-гамма (ИФН-гамма) и обладают противовирусной активностью [258], Th-клетки стимулируют синтез В-клетками вирус-нейтрализующих антител [98]. Быстрая генерация SARS-CoV-2 специфичных CD4⁺ Т-клеток ассоциируется с легким течением COVID-19 и быстрой элиминацией вируса [116], а длительное их отсутствие – с тяжелым течением и высоким риском летального исхода [53, 254]. Однако, ключевую роль в элиминации вируса выполняют CD8⁺ Т-лимфоциты, благодаря способности уничтожать инфицированные вирусом клетки [53, 258]. Генерация достаточного количества эффекторных Т-лимфоцитов для обеспечения контроля репликации SARS-CoV-2 процесс длительный – необходимо 6-10 дней после их активации [258]. Раннее формирование цитотоксического CD8⁺ Т-клеточного ответа, обычно происходящее в течение 7 дней от начала заболевания и достигающее пика к 14 дню, коррелирует с элиминацией вируса [167] и легким течением заболевания [182]. Сероконверсия у пациентов, инфицированных SARS-CoV-2, происходит в течение 5-15 дней после заражения, достигая 90% к 10 дню [52, 53, 215, 239].

Тяжелые формы COVID-19 характеризуются задержкой в формировании Т-клеточного ответа. В периферической крови у пациентов отмечается снижение абсолютного числа лимфоцитов [79], развивающееся в результате дисбаланса между процессами активации и депрессии Т-клеточного ответа: отмечается снижение в периферической крови до 80% Т-клеток одновременно с интенсивной пролиферацией около 20% пула CD8⁺ Т-клеток [39, 92].

В условиях отсутствия или задержки Т-клеточного иммунного ответа происходит усиление активности клеток врожденного иммунитета, что проявляется увеличением в крови числа нейтрофилов, провоспалительных цитокинов и снижением количества лимфоцитов [258]. Задержка формирования

адаптивного иммунитета, сохраняющаяся высокая вирусная нагрузка и «цитокиновый шторм» – ключевые причины формирования тяжелых форм COVID-19 (рисунок 2) [163].

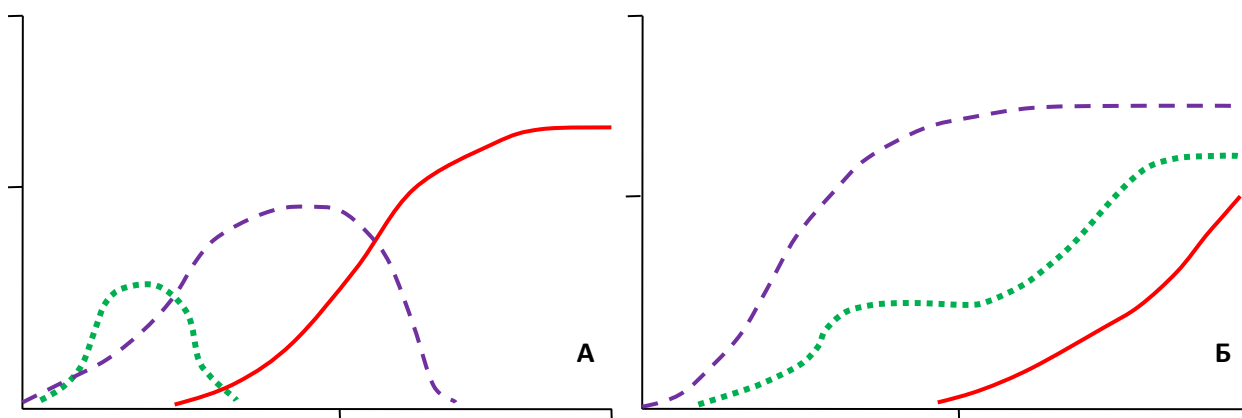

Рисунок 2 - Иммунный ответ при коронавирусной инфекции COVID-19

Примечание - А - среднетяжелое течение COVID-19;

Б - тяжелое течение COVID-19;

--- репликация SARS-CoV-2;
 ..... врожденный иммунитет;
 ..... адаптивный иммунитет;

Из-за меньшего содержания наивных Т-клеток, более медленного формирования Т-клеточного ответа и синтеза вирус-специфических антител, образование которых контролируется Т-клетками, развитие тяжелых форм COVID-19 чаще отмечалось у людей пожилого возраста [163].

1.3 Лимфопения при COVID-19. Причины развития

Тяжелые и осложненные формы инфекционных заболеваний часто сопровождаются снижением в периферической крови абсолютного числа лимфоцитов. Лимфопения регистрируется при тяжелых формах гриппа [261, 259], коронавирусной инфекции, обусловленной SARS-CoV [235], внебольничной пневмонии [195] и сепсисе [220]. Уменьшение в крови абсолютного количества лимфоцитов часто ассоциируется с неэффективностью иммунного ответа, развитием иммуносупрессии и риском летального исхода. Поэтому, оценка

уровня лимфоцитов в крови у пациентов с инфекционной патологией имеет огромное клиническое значение.

Снижение количества лимфоцитов в периферической крови – одно из наиболее часто регистрируемых гематологических проявлений у пациентов с COVID-19 [7, 113]. Лимфопения диагностируется при снижении уровня лимфоцитов в крови менее 1000 клеток/мкл [190, 194, 279]. Абсолютное количество лимфоцитов в крови менее 500 клеток/мкл рассматривается как тяжелая лимфопения [260]. При вирусных инфекциях, в большинстве случаев, отмечается относительный лимфоцитоз [191]. Лишь несколько вирусов непосредственно индуцируют развитие лимфопении – вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) [262], вирус Эбола [117], SARS-CoV [120] и SARS-CoV-2 [187]. Какова частота и продолжительность лимфопении при COVID-19, каково клиническое значение лимфопении? Снижение числа лимфоцитов в периферической крови отмечается, в среднем, у 63% пациентов с COVID-19 [187], в т.ч. в 44,6% случаях легкого варианта течения и в 72-82,1% при тяжелых формах [186]. Самые низкие значения лимфоцитов в крови у больных с COVID-19 регистрируются на 7-е сутки заболевания [2]. В исследовании, проведенном Scalia G. с коллегами, было показано, что лимфопения при COVID-19, как правило, имеет транзиторный характер: уже через неделю после госпитализации значения циркулирующих в крови лимфоцитов у пациентов как с легкими, так и тяжелыми формами заболевания повышались до нормы [185]. Исключение составили только пациенты, у которых наступил летальный исход. Было установлено, что выраженность лимфопении прямо коррелировала с тяжестью и прогрессированием заболевания [196]. В исследовании, проведенном корейскими коллегами, было показано, что пациенты с COVID-19 при уровне лимфоцитов в периферической крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$, в 2,7 раза чаще нуждались в проведении искусственной вентиляции легких по сравнению с пациентами без лимфопении [189].

Лимфопения при COVID-19 потенциально может быть обусловлена рядом причин: вирус-индуцированной гибелью лимфоцитов, избыточным синтезом

провоспалительных цитокинов, ингибированием лимфопоэза, миграцией лимфоцитов в органы дыхания, иммуносупрессией (рисунок 3) [180].

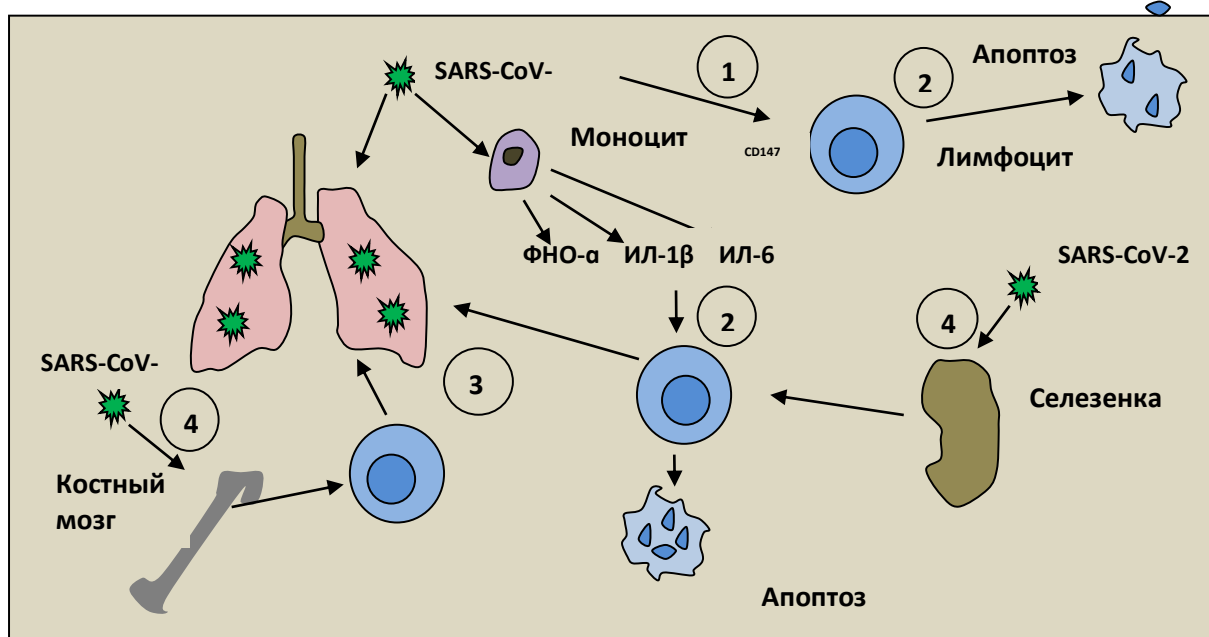

Рисунок 3 – Возможные причины лимфопении при COVID-19

Примечание - 1) SARS-CoV-2-индуцированная гибель лимфоцитов; 2) апоптоз лимфоцитов, обусловленный цитокиновым штормом; 3) миграция лимфоцитов в легкие; 4) ингибирование лимфопоэза

SARS-CoV-2-индуцированная лимфопения. Предположение о вирус-индуцированной лимфопении при COVID-19 представляется наиболее вероятным и логичным, учитывая способность SARS-CoV-2 инфицировать самые разные клетки организма [203]. Проникновение SARS-CoV-2 в клетки-мишени, как известно, происходит в результате взаимодействия S-протеина вируса с АПФ2 [203].

В исследовании Ren X. и соавт. было показано, что рибонуклеиновая кислота (РНК) SARS-CoV-2 обнаруживается в клетках иммунной системы — нейтрофилах, макрофагах и лимфоцитах (Т-, В- и NK-клетки) [95]. При этом, экспрессия АПФ2 на лимфоцитах очень низкая [47]. Следовательно, рецепторы АПФ2 не могут играть значимой роли для SARS-CoV-2 в инфицировании лимфоцитов и должен существовать альтернативный механизм проникновения вируса в клетки. Ещё в начале пандемии COVID-19 был установлен АПФ2-

независимый путь инфицирования лимфоцитов, реализующийся через гликопротеин CD147, экспрессированный на различных клетках, в том числе на Т-лимфоцитах [68]. В исследовании Shen X.-R. и коллег было показано, что для инфицирования лимфоцитов входной молекулой для SARS-CoV-2 может быть белок LFA-1 (от англ. leukocyte function-associated antigen-1), находящийся на поверхности, в том числе лимфоцитов [47]. Однако, несмотря на способность SARS-CoV-2 проникать в лимфоциты, доказательств репликации в них вируса нет. Кроме того, разными исследовательскими группами было показано, что у пациентов с бессимптомными и манифестными формами COVID-19 вирусная нагрузка примерно одинаковая [253, 291]. Таким образом, можно заключить, что SARS-CoV-2 и вирусная нагрузка не являются значимыми причинами лимфопении при COVID-19.

Воспаление и лимфопения. Как уже было отмечено выше, при тяжелых формах COVID-19 отмечается значительное повышение в крови концентрации провоспалительных цитокинов (ФНО-альфа, ИЛ-1, ИЛ-6, ИЛ-8, ИЛ-33 и др.) с формированием «цитокинового шторма», результатом которой является развитие ОРДС и полиорганной недостаточности [94, 109, 131]. При этом, у пациентов с бессимптомными формами COVID-19 повышения в крови уровня цитокинов не происходит. Какое влияние цитокины могут оказать на лимфоциты? Известно, что провоспалительные цитокины ФНО-альфа и ИЛ-6 в высоких концентрациях могут индуцировать апоптоз лимфоцитов, вызывая снижение их количества в крови [14]. активации Гибели лимфоцитов также может способствовать повышенное содержание в крови ИЛ-2 [118]. Таким образом, гипервоспалительная реакция при тяжелых формах COVID-19 подавляет адаптивный иммунный ответ. Схожий процесс цитокин-индуцированной лимфопении ранее был описан при сепсисе [193, 192].

Апоптоз и пироптоз.

Одной из вероятных причин лимфопении при COVID-19 может быть апоптоз – генетически программируемая гибель клеток, наблюдаемая при различных инфекционных заболеваниях (сепсис, ВИЧ-инфекция) [123]. В отличие

от некроза, при котором гибель клеток сопровождается лизисом, при апоптозе отмечается конденсация хроматина с последующей фрагментацией ядра [103, 123]. Морфологическими признаками апоптоза являются – «дегидратационное сжатие» клеток, утрата ими межклеточных контактов, разрушение цитоскелета, фрагментация ядра и деградация дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) [144]. Лабораторные маркеры апоптоза клеток – экспрессия белков CD95 (Fas-рецептор) и CD120 (рецептор к фактору некроза опухоли) на плазматических мембранах, снижение мембранного потенциала митохондрий, транслокация фосфатидилсерина с внутренней поверхности мембраны клеток на наружную, повышение активности каспаз [123].

Рядом исследователей было показано, что тяжелые формы COVID-19 сопровождается апоптозом лимфоцитов [54, 55]. Однако, отсутствие репликации SARS-CoV-2 в лимфоците ставит под сомнение механизм апоптоза, обусловленный прямым действием вируса. Апоптоз при COVID-19 может быть индуцирован не только, и не столько самим вирусом, сколько развивающейся системной воспалительной реакцией организма [250]. Системная воспалительная реакция или, точнее, синдром системного воспалительного ответа (ССВО), с его типичными клиническими проявлениями в виде лихорадки, тахикардии, тахипноэ с гипервентиляцией и повышением в крови СРБ в полной мере регистрируется при COVID-19 и, по мнению ряда авторов, может рассматриваться как один из механизмов лимфопении [250]. Ещё в 2002 г. в эксперименте *in vitro* было показано, что ФНО-альфа может индуцировать апоптоз Т-лимфоцитов человека [143], а ИЛ-1 β и ИЛ-6 могут способствовать активации проапоптотического Fas-рецептора [132]. Giamarellos-Bourboulis E.J. с коллегами установлена обратная корреляционная связь концентрации ИЛ-6 с абсолютным числом лимфоцитов в крови у пациентов COVID-19 [91]. Эти факты позволяют рассматривать «цитокиновый шторм» в качестве одной из ключевых причин апоптоза лимфоцитов, приводящей в конечном итоге к лимфопении. В исследовании André S. и коллег было установлено, что выраженность апоптоза Т-лимфоцитов при COVID-19 коррелировала с тяжестью заболевания [268]. Как известно,

активация апоптоза клеток может происходить как по внешнему пути – через экспрессию Fas-рецепторов плазматической мембраны, так и по внутреннему – в результате снижения мембранного потенциала митохондрий [123, 184]. Значимая роль в процессе апоптоза клеток принадлежит каспазам [28]. При этом внешний путь активации апоптоза опосредован каспазой-8, а внутренний – каспазой-9 (рисунок 4) [28, 184]. В завершающей стадии ключевую роль играет каспаза-3, в активации которой участвуют и каспаза-8, и каспаза-9 [66].

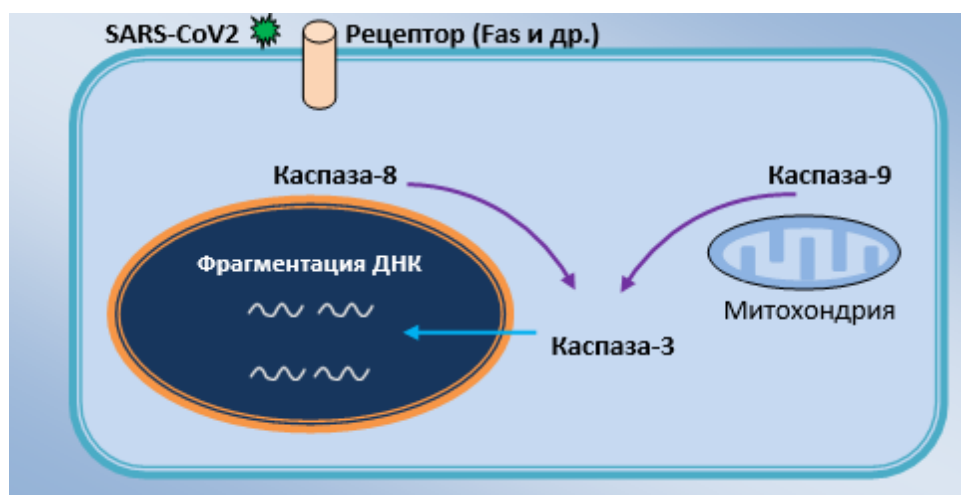

Рисунок 4 – Пути активации апоптоза клетки

Апоптозу при COVID-19 подвержены не только лимфоциты, но и эндотелиальные, а также эпителиальные клетки [69, 124, 234]. В исследовании Rep Y. и соавт. было показано, что апоптоз клеток при COVID-19 происходит по внешнему пути – в результате активации каспазы-8 белком ORF3a (от англ. open reading frames) SARS-CoV-2 [278]. Рядом исследователей было установлено повышение экспрессии гена каспазы-3 у пациентов с COVID-19 [168, 270]. В работе Yildiz Gulhan P. и коллег было показано, что уровни белка каспазы-3 в сыворотке крови и экспрессия гена каспазы-3 в клетках крови имели статистически значимые различия у пациентов с разной тяжестью течения COVID-19 [270]. Поэтому, определение каспазы-3 в крови может быть использовано как для оценки степени повреждения клеток, вызванного SARS-CoV-2, так и для прогнозирования тяжести течения заболевания [270]. Клиническое значение апоптоза лимфоцитов при COVID-19, с одной стороны, ассоциируется с элиминацией вируса, с другой – апоптоз-индуцированная

лимфопения может стать причиной формирования иммуносупрессии и прогрессирования заболевания [55]. Развитие иммуносупрессии при COVID-19 подтверждается результатами патоморфологических исследований, демонстрирующих истощение лимфоидной ткани [248].

В тканях умерших от COVID-19 пациентов выявляют не только биохимические признаки апоптоза клеток, но и пироптоза – формы клеточной гибели, сочетающей признаки апоптоза и воспаления [236]. Пироптоз – воспалительная форма запрограммированной гибели клеток, характеризующаяся газдермин-опосредованным образованием мембранных пор, отеком клеток, разрывом клеточной мембраны и высвобождением цитозольного содержимого во внеклеточное пространство [293]. Ключевыми биомаркерами пироптоза являются высокие уровни в крови газдермина D, ИЛ-1, ИЛ-8 и ЛДГ [293]. Пироптозу при COVID-19 подвергаются различные типы клеток, включая лейкоциты (моноциты, Т-клетки, ассоциированные со слизистой оболочкой), адипоциты, эпителиальные и эндотелиальные клетки [238]. SARS-CoV-2 индуцирует пироптоз в клетках посредством активации инфламماسомы NLRP3 (от англ. nucleotide-binding oligomerization domain (NOD)-like receptor) [238, 293]. Из иммунных клеток пироптозу, в основном, подвержены моноциты [133, 293]. В результате массивного пироптоза моноцитов развивается неконтролируемое воспаление [133, 293]. Несмотря на частое развитие лимфопении при тяжелых формах COVID-19, ни одна из субпопуляций лимфоцитов не продемонстрировала повышенного пироптоза [133]. Очевидно, что апоптоз лимфоцитов, а не пироптоз является основной причиной лимфопении у пациентов с COVID-19. Клиническое значение пироптоза моноцитов при COVID-19 состоит в том, что он препятствует образованию новых вирусных частиц и облегчает высвобождение провоспалительного содержимого, что способствует привлечению клеток иммунной системы [133]. С другой стороны, чрезмерный пироптоз моноцитов может индуцировать неконтролируемые иммунные реакции, сопровождающиеся повышенной секрецией провоспалительных цитокинов ФНО-альфа, ИЛ-1 и ИЛ-6 [133], усиливая «цитокиновый шторм» [237] и приводя к развитию ОРДС и

полиорганному поражению [293]. В исследовании Junqueira С. и коллег было показано, что уровни ключевых биомаркеров пироптоза газдермина D, ИЛ-1, ИЛ-8 и ЛДГ в плазме крови коррелировали с тяжестью COVID-19 [293].

Гибель лимфоцитов, обусловленная аутофагией. Одной из форм клеточной гибели является аутофагия [4, 77, 245]. Аутофагия характеризуется деградацией органелл и цитоплазматического материала клетки, развивается при участии внутриклеточных мембранных структур и активации аутофагосом [4]. Процесс аутофагии активируется клетками врожденного иммунитета для противодействия вирусной инфекции [77]. В исследовании Barbatì С. и коллег было выявлено увеличение образования аутофаголизосом в CD4 и CD8-лимфоцитах у пациентов с COVID-19 [4]. При этом, была установлена положительная корреляционная связь между маркерами аутофагии и апоптоза [4].

Миграция лимфоцитов. Лимфоцитарная инфильтрация ткани легких и почек. Другой значимой причиной лимфопении при COVID-19 является миграция лимфоцитов из крови в органы-мишени. Постмортальные исследования легких пациентов, умерших от COVID-19 демонстрируют признаки диффузного альвеолярного поражения и макрофагально-лимфоцитарной инфильтрации [96, 19, 20]. В исследовании Poloni Т.Е. и коллег было показано, что лимфоцитарные инфильтраты, в основном, выявляются в двух органах – легких и почках [96]. Причем, в легких они были представлены, преимущественно, Т-лимфоцитами, в почках – Т- и В-лимфоцитами [96]. Миграция лейкоцитов в легкие обеспечивается хемокинами и цитокинами ИЛ-1, ИЛ-6 и ИЛ-18 [207, 272]. Хемокины, как известно, играют ключевую роль в привлечении лейкоцитов в очаг воспаления. Хорошо известный хемокин CXCL8 (ИЛ-8) обеспечивает хемотаксис нейтрофилов в очаг воспаления при бактериальных инфекциях [207]. В миграции лимфоцитов в легкие при COVID-19 могут быть задействованы несколько хемокинов: CCL2-5, CXCL9-11 [272].

Хемокины могут продуцироваться различными типами клеток – моноцитами, макрофагами, эндотелиальными и эпителиальными клетками, фибробластами и др. [207]. Кроме того, в зону воспаления привлекать лимфоциты

могут C3a и C5a компоненты системы комплемента [207]. Роль ИЛ-1 и ИЛ-18 в привлечении лимфоцитов в легкие ассоциируется, вероятно, с процессом пироптоза макрофагов в легких, сопровождаемого выбросом этих цитокинов в результате гибели клеток [272].

Лимфопения, обусловленная развитием гемофагоцитарного синдрома. Одним из проявлений тяжелых форм COVID-19 является синдром активации макрофагов, результатом которой является развитие вторичного гемофагоцитарного синдрома (ГФС) [36]. Как известно, критериями ГФС являются: лихорадка, цитопения (угнетение не менее двух ростков кроветворения), спленомегалия, гипертриглицеридемия, гипофибриногенемия, гемофагоцитоз в костном мозге, селезенке и лимфоузлах, повышение в крови ферритина выше 500 нг/мл, низкая активность НК-клеток, повышение растворимого рецептора ИЛ-2 (sCD25) выше 2400 ЕД/л [151]. Результаты патоморфологических исследований демонстрируют признаки ГФС в лёгких (в экссудативную и пролиферативную фазы ДАП) и в лимфоидной ткани: в просветах альвеол выявляются макрофаги, содержащие в своей цитоплазме фрагменты лимфоцитов и эритроцитов [19, 20]. Однако, частота ГФС при COVID-19 невысока. В литературном обзоре, проведенном Retamozo S. с коллегами, сообщается о развитии ГФС менее, чем у 5% пациентов с COVID-19 [145].

Нарушение лимфопоэза. С учетом развивающейся при тяжелом течении COVID-19 лимфопении и снижения числа лимфоцитов в периферических органах иммунной системы (лимфоузлах и селезенке) особый интерес представляет оценка функционального состояния ее центральных органов. Одним из маркеров созревания функционально активных Т- и В-клеток является определение содержания в периферической крови кольцевых молекул ДНК – Т-клеточных эксцизионных колец (TREC – T-cell receptor excision circles) и В-клеточных («каппа») эксцизионных колец (KREC – Kappa-deleting recombination excision circles) [289]. Рядом исследователей сообщается о снижении в крови у пациентов различных возрастных групп с тяжелой формой COVID-19 уровня молекул TREC/KREC [288, 249]. В исследовании Хаджиевой М.Б. и коллег было показано

снижение показателей TREC/KREC у пациентов в возрасте от 18 до 45 лет с COVID-19, осложненной ОРДС [289]. В исследовании Савченко А.А. и соавторов установлено, что у пациентов с неблагоприятным исходом в острой стадии заболевания отмечалось нулевое содержание в крови ДНК TREC [288]. Результаты этих исследований демонстрируют, что низкие значения молекул TREC/KREC в крови у пациентов с COVID-19 являются предикторами тяжести заболевания и неблагоприятного прогноза. Сниженные уровни молекул TREC/KREC в крови у пациентов с COVID-19 могут быть обусловлены нарушениями лимфопоэза вследствие SARS-CoV-2-индуцированного поражения предшественников лимфоцитов в костном мозге или тимусе до инициации процессов антиген-независимой дифференцировки и формирования молекул TREC/KREC [288, 289]. В исследовании, опубликованном итальянскими авторами, было показано, что SARS-CoV-2 может инфицировать клетки тимуса и приводить к нарушению ее функции [249]. Было установлено, что у пациентов с COVID-19 наблюдается значительное снижение образования Т-клеток тимуса, а тяжесть заболевания коррелирует со снижением функции тимуса [249].

Нарушение функции тимуса у пациентов с COVID-19 потенциально может иметь клинически значимые последствия. Снижение функции тимуса и, как следствие, уменьшение экспорта Т-клеток может усугубить лимфопению у пациентов с COVID-19 в острой фазе и увеличить время, необходимое для восстановления количества и функций, циркулирующих Т-клеток после выздоровления [249]. Замедленное восстановление функции тимуса может способствовать развитию вторичных инфекций, которые могут усугубить тяжесть заболевания, повысить риск прогрессирования болезни.

1.2 Предикторы летальности при COVID-19

Прогноз при инфекции, вызванной SARS-CoV-2, определяется с одной стороны, тяжестью заболевания, с другой – развитием жизнеугрожающих состояний, возникающих в результате дисфункции различных органов [240, 277].

В мета-анализе, проведенном *Shi C.* с коллегами, объединившим 27 исследований, было установлено, что наиболее значимыми факторами риска летального исхода у пациентов с COVID-19 были: шок, при котором относительный риск смерти (ОР) составил 12,6 (95% доверительный интервал (ДИ)): 1,25-127,1), острое повреждение почек (ОР – 9,64; 95% ДИ: 6,01-15,4), острая сердечная патология (ОР – 8,22; 95% ДИ: 4,95-13,7), ОРДС (ОР – 6,82; 95% ДИ: 2,56-18,2), сердечная аритмия (ОР – 4,86; 95% ДИ: 1,24-19), острая сердечная недостаточность (ОР – 4,18; 95% ДИ: 2,37-7,36), острая печеночная недостаточность (ОР – 3,78; 95% ДИ: 1,18-12,1) и сепсис (ОР – 2,59; 95% ДИ: 2,11-3,17) [228]. Однако, основными причинами неблагоприятного исхода при COVID-19 были ОРДС и тромбообразование [11, 217, 223, 277]. ОРДС среди госпитализированных пациентов диагностировался в 20-67% случаев [80, 81], у пациентов, находившихся на ИВЛ – в 100% [72]. Общая распространенность ОРДС, вызванного SARS-CoV-2, в мире оценивается в 32,2% [141]. По данным мета-анализа, проведенного *Hasan S.S.* с коллегами, суммарная смертность от ОРДС у пациентов с COVID-19 в 2020 г. составила 39% (95% ДИ: 23-56%); в Китае – 69% (95% ДИ: 67-72%), в Польше – 73% (95% ДИ: 58-86%), в Германии – 13% (95% ДИ: 2-29%) [234]. Тромботические осложнения регистрировались у 25-85% пациентов с COVID-19, госпитализированных в ОРИТ [234, 230, 130]. Частота обнаружения микротромбов у умерших пациентов составляла 91,3% [21].

Ключевыми патологическими процессами, приводившими к развитию органной дисфункции при COVID-19, были гипервоспаление и гиперкоагуляция [277]. Поэтому, биомаркеры воспаления, тромбообразования и органной дисфункции могут представлять прогностическую ценность у пациентов с COVID-19 [24].

Еще в начале пандемии COVID-19 было установлено, что высокие значения в крови СРБ, ферритина, ИЛ-6 и Д-димера коррелировали как с тяжестью заболевания, так и плохим прогнозом [292]. Однако, прогностическая ценность различных маркеров воспаления и тромбообразования неодинакова.

Роль маркеров воспаления в оценке прогноза COVID-19. Важнейшими лабораторными показателями воспалительного процесса, повышение концентрации которых в крови отмечается при тяжелых формах COVID-19, являются СРБ и ферритин. Из них наиболее доступным для определения и часто используемым в клинической практике является СРБ. Ценность этого маркера воспаления как предиктора COVID-19 носит противоречивый характер. В мета-анализе, проведенном *Chi L.* с коллегами, объединившее 18 исследований, было показано, что уровень СРБ в крови среди умерших от COVID-19 пациентов был в 1,32 раза выше, чем у выживших [225]. *Stringer D.* с соавторами установлено, что показатель СРБ в крови выше 40 мг/л у пациентов с SARS-CoV-2-инфекцией ассоциируется с риском летального исхода [280]. Схожие результаты были получены *Villoteau A.* с коллегами, которыми выявлено, что уровень СРБ выше 35 мг/л у пожилых пациентов с COVID-19 ассоциировался с 14-дневной летальностью [122]. По мнению других исследователей, высокие значения в крови СРБ в большей степени коррелируют с тяжестью COVID-19, но не с исходом заболевания [90].

Роль другого маркера воспаления, ферритина, в оценке прогноза COVID-19 также является неоднозначной. В обзоре, включавшем 8 исследований и 1234 пациента, было показано, что у погибших от COVID-19 пациентов уровень ферритина в крови при поступлении составил около 1400 нг/мл, что было в среднем в 3–4 раза выше по сравнению с выжившими [153]. *Paranga T.G.* с коллегами отмечается, что повышение в крови концентрации ферритина у пациентов с COVID-19 указывает на высокий риск неблагоприятного исхода [90]. *Alroomi M.* с коллегами было показано, что уровень ферритина в крови выше 1000 нг/мл ассоциируется с высоким риском летальности [136]. В тоже время, по мнению итальянских исследователей, высокий уровень ферритина коррелирует с объемом поражения легких и тяжестью COVID-19, но не с прогнозом [135].

Одним из показателей, часто используемым для оценки тяжести COVID-19, является повышение в крови индекса Н/Л, представляющего отношение числа нейтрофилов к лимфоцитам [178]. Какова прогностическая ценность этого

показателя? Различными группами исследователей было установлено, что индекс Н/Л среди умерших от COVID-19 пациентов был выше, чем среди выживших [178, 231, 232, 165]. Yan X. с коллегами было показано, что индекс Н/Л выше 11,75 коррелировал с госпитальной смертностью (отношение шансов (ОШ) – 44,3; 95% ДИ: 4,62-425) [210]. В исследовании Prozan L. и коллег индекс Н/Л выше 6,82 ассоциировался с риском летального исхода (ОШ – 2,9, $p = 0,001$) [232]. В мета-анализе, проведенном Li X. с коллегами, включавшем 10 исследований и 2967 пациентов, было показано, что индекс Н/Л обладает высокой прогностической ценностью: чувствительность (Se) и специфичность (Sp) показателя составила 83%, площадь под кривой (AUC) – 0,9 [221].

Маркеры органной дисфункции в оценке прогноза COVID-19 (роль лактатдегидрогеназы). ЛДГ, как известно, фермент, катализирующий превращение пирувата в лактат, обнаруживается в клетках различных органов и систем, [59]. Известны 5 изоформ ЛДГ: ЛДГ1 присутствует в кардиомиоцитах, ЛДГ2 – в клетках ретикулоэндотелиальной системы, ЛДГ3 – в пневмоцитах, ЛДГ4 – в клетках почек и поджелудочной железы, ЛДГ5 – в гепатоцитах и клетках поперечно-полосатой мускулатуры [175, 169]. Повышенный уровень ЛДГ в крови указывает на повреждение клеток и тканей, что позволяет рассматривать этот фермент в качестве маркера клеточной и органной дисфункции [176]. В ряде исследований было показано, что высокий уровень ЛДГ является предиктором летальности COVID-19 [86, 82]. В сводном анализе, проведенном Henry B.M. с коллегами, было установлено, что повышенный уровень ЛДГ ассоциируется с 16-кратным увеличением риска смертности у пациентов с COVID-19 [175]. Мао М. с соавторами отмечают, что у ковидных пациентов повышение в крови ЛДГ сопровождается лимфопенией [176]. В исследовании Li G. и коллег была изучена роль гематологического индекса лактатдегидрогеназа/лимфоциты (ЛДГ/Л) в прогнозе COVID-19 [177]. Было показано, что индекс ЛДГ/Л >345 является независимым предиктором прогноза при COVID-19 (OR (odds ratio)=9,1; 95% ДИ: 2.674–31.487, $p<0,001$) [284].

Роль маркеров тромбообразования в прогнозе COVID-19. Уже в начале пандемии был установлен факт значимого удлинения протромбинового времени, повышения уровней фибриногена, ФФБ и Д-димера у пациентов с тяжелыми формами COVID-19 [284]. При этом, высокий уровень Д-димера ассоциировался с риском неблагоприятного исхода COVID-19 [46, 82, 263]. Различными исследователями было показано, что риск летального исхода у госпитализированных пациентов увеличивался при уровне Д-димера в крови выше 2 мкг/мл [105, 106]. По мнению Li Y. и коллег повышенный уровень Д-димера является независимым предиктором неблагоприятного исхода при COVID-19 [87]. В мета-анализе, проведенном Varikasuvu S.R. с коллегами отмечается, что Д-димер представляет ценность для оценки прогрессирования и исхода COVID-19, AUC для которых составила 0,93 и 0,79, соответственно [104]. Однако, повреждение эндотелия сосудов у пациентов с COVID-19 может быть обусловлено не только SARS-CoV-2, но и коморбидной патологией – атеросклерозом, гипертонической болезнью, сахарным диабетом и ожирением [295, 10, 126, 287]. Кроме того, гипергликемия и ожирение способствуют высвобождению провоспалительных цитокинов – ФНО-альфа, ИЛ-1 и ИЛ-6 [154, 201, 150, 212], что может усилить SARS-CoV-2-индуцированный цитокиновый шторм, являющегося одним из ключевых механизмов развития эндотелиальной дисфункции у пациентов с COVID-19 [242].

Роль коморбидной патологии в прогнозе COVID-19. Еще в начале пандемии, вызванной SARS-CoV-2, было замечено, что наибольшая летальность от COVID-19 отмечалась среди пациентов, имевших хронические бронхолегочные, сердечно-сосудистые заболевания и онкологическую патологию [56, 76, 218, 93]. В мета-анализе, проведенном Dessie Z.G. с коллегами, было показано, что ключевыми факторами риска смертности при COVID-19 были: пожилой возраст, мужской пол, хронические сопутствующие заболевания – гипертоническая болезнь, сахарный диабет, ожирение, ХОБЛ, онкологические заболевания [108]. В Израиле на долю лиц в возрасте 65 лет и старше приходится 17% от общей численности населения, при этом у 74% случаев COVID-19 у них протекал в

тяжелой форме и 91% из них умерло [166]. В другом мета-анализе, по результатам анализа 106 потенциальных факторов риска неблагоприятного прогноза было установлено, что ключевыми предикторами летальности у пациентов с COVID-19 являлись: пожилой возраст, мужской пол, курение, хронические заболевания почек (ХБП), органов дыхания, сердечно-сосудистой системы и цереброваскулярная патология [277]. У пациентов с ХБП, хроническими заболеваниями легких и сердца, гипертонической болезнью риск летального исхода был в 2-8 раз выше по сравнению с общей популяцией [277]. В мета-анализе, проведенным Booth A. с коллегами установлено, что основными факторами, влиявшими на неблагоприятный исход COVID-19, были возраст пациента более 75 лет (ОШ – 2,65; 95% ДИ: 1,81-3,9), мужской пол (ОШ – 2,05; 95% ДИ: 1,39-3,04), ожирение (ОШ – 2,57; 95% ДИ: 1,31-5,05) и активное онкологическое заболевание (ОШ – 1,46; 95% ДИ: 1,04-2,04) [222]. Мета-анализ, проведенный Ganaza-Domingues K.L.T. с коллегами, показал, что сердечно-сосудистые, цереброваскулярные заболевания и почечная патология увеличивали смертность у пациентов с COVID-19 на 114%, 143% и 139%, соответственно [119]. У пациентов с сахарным диабетом, артериальной гипертензией, онкологическими заболеваниями риск летального исхода от COVID-19 возрастал на 95%, 88% и 84%, соответственно [119]. У пациентов с хронической бронхолегочной патологией вероятность неблагоприятного исхода увеличивалась на 98%, при наличии онкологического заболевания – на 84% [119]. Рядом исследователей было показано, что риск смертности при COVID-19 возрастает при увеличении количества коморбидных состояний [213, 74, 27, 89]. В мета-анализе, проведенном Tuty Kuswardhani R.A. с коллегами, было установлено, что индекс коморбидности Чарлсона выше 1 балла ассоциировался с риском летального исхода, который возрастал на 16% с каждым баллом [27]. Imam Z.C. с соавторами показано увеличение смертности у пациентов с индексом коморбидности Чарлсона более 3 баллов в 2,71 раза [213].

Таким образом, в оценке прогноза при COVID-19 ценность могут представлять различные клинико-лабораторные показатели. Однако, показывает

практика, что наибольшую прогностическую ценность представляет оценка не одного показателя, а нескольких – клинических и лабораторных. Рядом авторов на основе многофакторного анализа были предприняты попытки создания шкал для определения прогноза COVID-19. Altschul D.J. с коллегами была разработана шкала оценки тяжести COVID-19, включавшая возраст, сатурацию, среднее артериальное давление, международное нормализованное отношение (МНО), уровень в крови креатинина и СРБ [41]. Было показано, что при количестве баллов менее 3 вероятность смерти составила 11,8%, от 4 до 6 баллов – 39%, от 7 до 10 баллов – 78% [41]. Группой китайских и итальянских исследователей еще в начале пандемии COVID-19 была разработана интегрированная система оценки прогноза (OURMAPCN), включавшая 8 факторов: SpO₂, уровень в крови креатинина, СРБ, прокальцитонина, абсолютное количество в крови нейтрофилов, частоту дыхания, возраст 60 лет и старше, госпитализацию до достижения первого национального максимального числа новых случаев заболевания в сутки [44]. Исследование было проведено в трех когортных группах: среди пациентов из г. Ухань, других городов Китая и г. Милан (Италия). AUC в группе пациентов из г. Ухань составила 0,89, во второй группе – 0,9, у пациентов из г. Милан (Италия) – 0,81 [44]. В исследовании Gopalan N. и коллег для оценки прогноза COVID-19 было предложено использовать комбинацию 5 показателей – возраст старше 50 лет, частота пульса выше 100 в минуту, уровень мочевины в крови выше 50 мг/дл, индекс нейтрофилы-лимфоциты в крови > 3 и наличие сахарного диабета [227]. Чувствительность разработанной на основе этих показателей шкалы при количестве баллов ≥ 25 составила 90%, специфичность 64%, а площадь под кривой – 0,85, что свидетельствует о высокой прогностической ценности этой шкалы [227]. Российскими коллегами для прогнозирования госпитальной летальности у пациентов с COVID-19 были проанализированы пять шкал: NEWS (от англ. – National Early Warning Score), NEWS-2 (от англ. – National Early Warning Score-2), REMS (от англ. – Rapid Emergency Medicine Score), qSOFA (от англ. – quick Sequential Organ Failure Assessment) и SIRS (от англ. – Systemic Inflammatory Response Syndrome) [17]. Анализ включал 60

наблюдательных исследований с участием 619 494 пациентов. Наивысшую прогностическую ценность продемонстрировала шкала REMS ($AUC = 0,80$) [17].

Таким образом, на прогноз при инфекции, вызванной SARS-CoV-2, оказывают влияние различные клинические и лабораторные факторы. Поэтому, для оценки прогноза COVID-19 представляется оптимальным использование комплекса клинико-лабораторных показателей, отражающих выраженность воспалительной реакции, тромбообразования, органной дисфункции, а также учитывать наличие и количество коморбидной патологии.

1.3 Лимфопения как предиктор тяжести COVID-19 и летальности

Известно, что лимфопения является одним из ключевых предикторов неблагоприятного исхода при тяжелых формах инфекционных заболеваний [188, 192]. У пациентов с бактериальным сепсисом количество лимфоцитов в крови менее $0,76 \times 10^9/\text{л}$ более 3-х дней ассоциируется с более высокой 28-дневной летальностью [211]. В испанском исследовании L-CAP (Lymphopenic-Community Acquired Pneumonia) было показано, что у пациентов, госпитализированных с острой внебольничной пневмонией, ранее не имевших признаков иммуносупрессии, при количестве лимфоцитов в крови менее $724 \text{ клеток}/\text{м}^3$ риск летального исхода увеличивался в 1,93 раза [197]. Авторами было предложено включить определение числа лимфоцитов в крови в шкалу CURB-65 (от англ. – Confusion, Urea, Respiratory rate, Blood), традиционно используемую для прогнозирования течения внебольничных пневмоний [34]. Было установлено, что прогностическая ценность шкалы CURB-65L (L – лимфоциты) была статистически выше, чем у CURB-65 [197]. Испанскими исследователями было показано, что у госпитализированных с внебольничной пневмонией пациентов, вызванной *Streptococcus pneumoniae*, уровень лимфоцитов в крови менее $300 \text{ клеток}/\text{мкл}$ является надежным предиктором летального исхода [164]. Лимфопения у этих пациентов превосходила индекс PSI (от англ. – Pneumonia Severity Index) в прогнозировании ранней и 30-дневной смертности [164].

Различными исследователями показано, что лимфопения является значимым предиктором неблагоприятного исхода у пациентов с COVID-19 [107, 189]. В публикации Lee J. и коллег было показано, что количество лимфоцитов в крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ регистрировалось исключительно среди умерших пациентов с COVID-19, в то время как отсутствие лимфопении отмечалось у больных с легким и среднетяжелым течением заболевания [157].

Итак, развитие лимфопении у пациентов с COVID-19 ассоциируется с развитием тяжелых форм заболевания и летальностью. Однако, возникает вопрос – как меняется содержание в крови различных субпопуляций лимфоцитов? Различными исследователями отмечается снижение в крови, в основном, клеток Т-клеточного иммунитета. Рядом исследователей установлено значительное снижение CD4+, CD8+ Т-лимфоцитов и В-клеток в периферической крови пациентов с COVID-19 [73, 157]. В работе Свирцевской Е.В. и коллег было выявлено снижение уровня CD3+, CD4+, CD8+-лимфоцитов в крови [30]. При этом снижение CD8+-клеток было более выраженным, что приводило к достоверному увеличению индекса CD4/CD8 [30]. В исследовании турецких авторов было показано, что низкие значения в крови CD3+ и CD4+-лимфоцитов коррелировали с тяжелыми формами COVID-19 [138]. В мета-анализе, проведенном Yan V. с соавторами было показано, что уровни CD3+, CD4+, CD8+ и CD19+ лимфоцитов в крови у пациентов с тяжелым течением COVID-19 были значимо ниже, чем при легком течении заболевания [110]. В публикации французских исследователей приводятся данные о том, что низкий уровень в крови CD8+-лимфоцитов у пациентов с COVID-19 коррелирует с риском летального исхода [137]. В исследовании Diao B. и коллег установлено, что значения Т-лимфоцитов периферической крови менее 800 клеток/мкл, CD4+ и CD8+ лимфоцитов менее 400 и 300 клеток/мкл, соответственно, ассоциировались с неблагоприятным прогнозом [242].

У пациентов с COVID-19 увеличивается риск развития оппортунистических заболеваний – мукормикоза [38, 14] и герпесвирусной инфекции, обусловленной вирусом Эпштейна-Барр [118], а также бактериальных инфекций системы

кровенотока [257]. В исследовании Rira M. и коллег было показано, что снижение лимфоцитов в периферической крови менее $0,7 \times 10^9/\text{л}$ у пациентов с COVID-19 в сочетании с проведением ИВЛ увеличивает риск развития вторичных бактериальных инфекций [257]. Нельзя не отметить и роль иммуносупрессивной терапии в развитии бактериальных инфекций при COVID-19. Авторы одного из наиболее крупных исследований обнаружили, что раннее (в течение двух дней после госпитализации) назначение тоцилизумаба в 2,66 раза увеличивало вероятность развития вторичной бактериальной инфекции [51]. Мета-анализ, проведенный итальянскими коллегами, показал, что наиболее частыми причинами вторичных инфекций при COVID-19 были вирус Эпштейна-Барр, *Pseudomonas aeruginosa*, *Escherichia coli*, *Acinetobacter baumannii*, *Hemophilus influenza* и *Aspergillus spp.* [214].

Таким образом, клиническое значение лимфопении при COVID-19 заключается в увеличении частоты развития бактериальных и оппортунистических инфекций, риска наступления летального исхода, что вероятно, обусловлено как иммунодефицитом, так и проведением иммуносупрессивной терапии антицитокиновыми препаратами и инвазивных методов терапии (ИВЛ).

ГЛАВА 2 МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Диссертационное исследование проведено на кафедре детских инфекций Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Казанский государственный медицинский университет" Министерства здравоохранения Российской Федерации в период с ноября 2023 по май 2025 гг. на базе ГАУЗ «Республиканская клиническая инфекционная больница имени профессора А.Ф. Агафонова» (ГАУЗ «РКИБ») Республики Татарстан. Лабораторные и патоморфологические исследования выполнялись на кафедре общей патологии ФГБОУ ВО Казанского ГМУ Минздрава России и на базе ГАУЗ «Республиканская клиническая больница Министерства здравоохранения Республики Татарстан».

Исследование одобрено локальным этическим комитетом ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава России.

2.1 Дизайн исследования. Общая характеристика пациентов с COVID-19

Диссертационное исследование проводилось на кафедре детских инфекций ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава России. В ходе исследования был проведен анализ медицинской документации пациентов в возрасте от 18 до 94 лет, госпитализированных с диагнозом «Коронавирусная инфекция COVID-19» в период с ноября 2020 года по июнь 2023 года в стационары ГАУЗ «РКБ» МЗ РТ и ГАУЗ «РКИБ им. проф. А.Ф. Агафонова» МЗ РТ. Поиск пациентов осуществлен в локальной информационной системе медицинской организации по кодам МКБ-10: «U07.1 Коронавирусная инфекция COVID-19, вирус идентифицирован (подтвержден лабораторным тестированием), средней и тяжелой степени тяжести».

В период с ноября 2020 года по июнь 2023 года в ГАУЗ «РКБ» МЗ РТ и ГАУЗ «РКИБ им. проф. А.Ф. Агафонова» МЗ РТ было госпитализировано 8852

пациентов с диагнозом Коронавирусная инфекция COVID-19. Методом случайной выборки из этого количества больных было отобрано 409 человек, которые поступили в стационар с лабораторно подтвержденным диагнозом «COVID-19». Расчет выборки проводился по формуле (1).

$$n = \frac{t^2 * P * Q * N}{\Delta^2 * N + t^2 * P * Q} \quad (1)$$

где n – искомая часть выборки, t^2 – критерий достоверности (чаще всего равен 2), σ – стандартное отклонение признака, который будет изучаться в исследовании; Δ – предельно допустимая ошибка (в медицинских исследованиях как правило 5%), N – объем генеральной совокупности, P – доля случаев, в которых встречается изучаемый признак, Q – доля случаев, в которых не встречается изучаемый признак ($100-P$) [298].

$$n = (2^2 \times 63 \times 37 \times 8835) / (5^2 \times 8835) + (2^2 \times 63 \times 37) = 358 \text{ пациентов.}$$

Согласно методике К.А. Отдельновой, объем выборки в исследованиях повышенной точности должен быть 400 единиц [16], поэтому было принято решение увеличить число больных, включенных в диссертационное исследование. Изучение цитокинового профиля проводилось у 15 пациентов из 409.

Критерии включения в исследование были следующие:

- возраст ≥ 18 лет;
- положительный результат исследования смывов из носоглотки на РНК SARS-CoV-2 методом полимеразной цепной реакции (ПЦР);
- среднетяжелое и тяжелое течение COVID-19 (согласно критериям Временных методических рекомендаций по профилактике, диагностике и лечению новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 18 от 23.10.2023 г.).

Критерии невключения в исследование:

- возраст < 18 лет;

- отрицательный результат исследования смывов из носоглотки на РНК SARS-CoV-2 методом ПЦР;
- наличие хронических инфекционных заболеваний (ВИЧ-инфекция, хронические вирусные гепатиты В, С, D);
- наличие заболеваний или состояний, влияющих на снижение числа лимфоцитов периферической крови (системные заболевания соединительной ткани, заболевания органов кроветворения, онкологические пациенты, находящиеся на химиотерапии).

Работа включала несколько разделов и соответствующие выбранным целям дизайны исследования, которые приведены в таблице 2.

Таблица 2 - Характеристика выбранных групп и дизайны исследования

Раздел исследования. Время проведения	Дизайн исследования	Объект наблюдения	Количество наблюдений
Анализ медицинских карт пациентов с COVID-19, госпитализированных в инфекционный стационар (2023 – 2025 гг.)	Ретроспективное дескриптивное исследование	Все пациенты старше 18 лет с COVID-19 (генеральная совокупность)	8852
Анализ клинико-лабораторных особенностей среднетяжелых и тяжелых форм COVID-19 у пациентов, госпитализированных в инфекционный стационар (2023–2025 гг.)	Ретроспективное дескриптивное исследование	Пациенты с COVID-19 в возрасте от 18 до 90 лет	409
Оценка распространенности лимфопении у пациентов с COVID-19 (2023-2025гг.)	Обсервационное сравнительное аналитическое исследование	Пациенты с COVID-19	409

Продолжение таблицы 2

Раздел исследования. Время проведения	Дизайн исследования	Объект наблюдения	Количество наблюдений
Оценка распространенности лимфопении у пациентов с благоприятным и летальным исходом COVID-19 (2023-2025 гг.)	Обсервационное сравнительное аналитическое исследование	Пациенты с COVID-19	279 (благоприятный исход) 130 (летальный исход)
Изучение выраженности апоптоза лимфоцитов крови у пациентов с лимфопенией, развивающейся на фоне COVID-19 (специальные методы лабораторного исследования) (2023 г.)	Одномоментное аналитическое исследование	Пациенты с COVID-19	75
Изучение влияния воспалительного процесса на выраженность лимфопении (2024 – 2025 гг.)	Поперечное обсервационное аналитическое исследование	Пациенты с COVID-19	409
Изучение цитокинового профиля пациентов с COVID-19 (2023 г.)	Одномоментное аналитическое исследование	Пациенты с COVID-19	15
Определение выраженности лимфоцитарной инфильтрации тканей легких и селезенки пациентов, умерших от COVID-19 (морфометрические методы исследования) (2025 г.)	Одномоментное аналитическое исследование	Пациенты, умершие от COVID-19	17 (основная группа) 11 (группа сравнения)

Продолжение таблицы 2

Раздел исследования. Время проведения	Дизайн исследования	Объект наблюдения	Количество наблюдений
Оценка предикторов летальности у пациентов с COVID-19 (2024–2025 гг.)	Поперечное обсервационное аналитическое исследование, многофакторный анализ	Пациенты с COVID-19	409
Изучение распространенности вторичных (бактериальных, грибковых, герпесвирусных) инфекций у пациентов с COVID-19 (2025 г.)	Обсервационное сравнительное аналитическое исследование	Пациенты с COVID-19	409

2.1.1 Характеристика пациентов для проведения специфических лабораторных методов исследования

Для оценки выраженности апоптоза лимфоцитов методом случайной выборки было отобрано 75 пациентов с COVID-19. Критериями включения пациентов для исследования были: положительный результат ПЦР на РНК SARS-CoV-2; клинические и лабораторные признаки, соответствующие критериям среднетяжелого или тяжелого течения COVID-19; клинические признаки острого респираторного заболевания. Группу сравнения составили 20 условно здоровых людей аналогичного возраста.

Для проведения патоморфологических исследований методом случайной выборки было отобрано 17 историй болезни и протоколов смерти пациентов, находившихся на госпитализации в ГАУЗ РКБ МЗ РТ в 2020 - 2022 гг. Критериями включения в исследование были: изменения в легких по типу «матовых стекол» по данным компьютерной томографии органов грудной клетки; положительный результат ПЦР на РНК SARS-CoV-2 в смывах из носоглотки;

причина смерти – пневмонит, обусловленный COVID-19. Критерии не включения: отрицательный результат ПЦР смыва из носоглотки на РНК SARS-CoV-2; наличие других инфекционных заболеваний; летальный исход, наступивший по причинам, не связанным с COVID-19, а также отсутствие поражения легких по данным КТ или рентгенологического исследования органов грудной клетки и по данным аутопсийного исследования.

Группу сравнения составили 11 пациентов аналогичного возраста, умерших по причинам, не связанным с COVID-19. Критериями включения пациентов в группу сравнения были: отрицательный результат ПЦР смыва из носоглотки на РНК SARS-CoV-2; отсутствие поражения легких по данным КТ или рентгенологического исследования легких и по данным аутопсийного исследования.

2.2 Методы исследования и обработки результатов

Анализ историй болезни проводился по специально разработанной индивидуальной регистрационной карте с учетом предъявляемых жалоб пациента, анамнеза жизни и истории настоящего заболевания, сопутствующей патологии и данных объективного осмотра.

Клиническое обследование пациентов, вошедших в исследование, включало описание:

- характера начала заболевания, сроков госпитализации, длительности пребывания в стационаре;
- пола и возраста пациента
- тяжести заболевания;
- выраженности и продолжительности респираторного, лихорадочного синдромов;
- наличие или отсутствие дыхательной недостаточности;
- методов респираторной поддержки: низкопоточная оксигенация (НПО), высокопоточная оксигенация (ВПО), ИВЛ;

- использования противовоспалительной терапии, включая ГКС и антицитокиновые препараты.

В регистрационных картах отмечались физикальные данные пациента, включавшие оценку уровня сознания, клинических признаков синдрома интоксикации, респираторного синдрома, сопутствующих заболеваний, а также результатов объективного осмотра: аускультативных данных, измерение частоты дыхания, насыщения гемоглобина кислородом (пульсоксиметрия), показателей пульса и артериального давления. Каждому пациенту проводилась оценка степени тяжести по шкале NEWS.

2.2.1 Лабораторные и инструментальные методы исследования

Всем пациентам проводилось исследование смывов носоглотки на РНК SARS-CoV-2 методом ПЦР.

Обследование пациентов обязательно включало общеклинические методы исследования:

- общий анализ крови (ОАК);
- общий анализ мочи;
- биохимические показатели крови: функциональные пробы печени: аланинаминотрансфераза (АЛТ), АСТ; билирубин, глюкозу, мочевины, креатинин, СРБ; ЛДГ, ферритин, определение ИЛ-6;
- коагулограмму с определением активированного частичного тромбопластинового времени (АЧТВ), протромбинового времени, тромбинового времени, протромбинового индекса (ПТИ), международного нормализованного отношения (МНО), фибриногена, Д-димера.

По клиническим показаниям применялись инструментальные методы диагностики: ультразвуковое исследование (УЗИ) органов брюшной полости, КТ органов грудной клетки, электрокардиография (ЭКГ) и эхокардиография (ЭХО-КГ).

Оценка апоптоза лимфоцитов осуществлялась на основании количественной оценки гиподиплоидных клеток по изменению интенсивности их окраски пропидия йодидом (Sigma Aldrich) с помощью проточной цитометрии (FACs Canto II, Becton Dickinson).

2.2.2 Морфологические исследования

Был изучен аутопсийный материал ткани легких и селезенки, полученный от 17 пациентов, умерших от COVID-19 в ГАУЗ «Республиканская клиническая больница Минздрава Республики Татарстан».

Часть материала фиксировали в 10% нейтральном формалине по Лилли или жидкости Боуэна. Согласно общепринятой методике [18] после соответствующей проводки по спиртам возрастающей концентрации следовала обработка в ксилоле и заливка в парафин. На микротоме Leica SM 2000R изготавливали парафиновые срезы толщиной 4-5 мкм. Полученные препараты окрашивали гематоксилином и эозином.

Для иммуногистохимического (ИГХ) исследования [23] применяли набор моноклональных антител (МКАТ), характеристика которых представлена в таблице 3. Связывание МКАТ с клеточными элементами определяли с помощью стандартного биотин-стрептавидин-пероксидазного метода (DAKO: LSAB® + System-HRP, код K0690) с диаминобензидином в качестве хромогена. Препараты дополнительно окрашивали гематоксилином Майера и заключали в канадский бальзам или в специальные среды фирмы DAKO (Ultramount, Faramount, код S302580-2).

Таблица 3 - Характеристика используемых МКАТ

Антиген	Клон	Специфичность	Рабочее разведение	Фирма-производитель
CD3	SP7	Т-лимфоциты	1:150	Lab Vision
CD20	L26	В-лимфоциты	1:250	Lab Vision
CD68	PGM1	макрофаги	1:200	BioGenex

Продолжение таблицы 3

Антиген	Клон	Специфичность	Рабочее разведение	Фирма-производитель
CD31	9611	эндотелий сосудов	1:20	BioGenex

Микроскопическое исследование проводили с использованием микроскопа «Axioscop-Zeiss AG».

На гистологических срезах при помощи морфометрической сетки случайного шага [29] определяли площади Т- и В-зависимых зон селезенки и кровеносных сосудов легкого. Для подсчета иммунокомпетентных клеток применяли морфометрическую окулярную сетку Г.Г. Автандилова [1].

Полученные данные были обработаны статистически с вычислением критерия Стьюдента и величины p (достоверность отличий).

2.2.3 Методы статистической обработки данных

Статистический анализ полученных результатов проводился с использованием статистической программы IBM SPSS Statistics 30.0 (IBM Corp., Armonk, NY, USA), Microsoft Excel 2024, а также Stattech 4.10 (ООО «Статтех», Россия). Анализ соответствия вида распределения признака закону нормального распределения проводился с помощью теста Колмогорова-Смирнова. Нормальное распределение констатировалось при $p > 0,05$. В ином случае использовались непараметрические методы статистического анализа. Данные, подчиняющиеся закону нормального распределения, представлялись в виде среднего значения (M) и 95% доверительного интервала ($\pm 1,96 m$). При распределении признака, отличного от нормального, из мер центральной тенденции использовалась медиана (Me), из мер рассеяния — межквартильный размах (МКР, значения 25 и 75-го перцентилей). Для определения значимости различий между сравниваемыми группами, в зависимости от типа распределения признаков и количества наблюдений, использовались критерий Стьюдента, Манна-Уитни (для порядковых переменных) и критерий χ^2 Пирсона (для номинальных данных).

Отношение шансов (ОШ) рассчитывалось с использованием четырехпольных таблиц. Взаимосвязь между изучаемыми показателями и причиной, вызвавшей заболевание, определялась при помощи коэффициента ранговой корреляции (ρ) Спирмена.

Для определения риска развития оппортунистических инфекций у пациентов с COVID-19 и оценки прогноза заболевания был использован метод бинарной логистической регрессии.

ГЛАВА 3 РЕЗУЛЬТАТЫ СОБСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3.1 Анализ клинико-лабораторных проявлений COVID-19

Клинические и лабораторные признаки пациентов с COVID-19 представлены в таблицах 4 и 5.

Таблица 4 – Клиническая характеристика пациентов с COVID-19

Параметры	Показатели
Возраст, Ме [МКР]	61 [48 - 69]
Возраст, абс (%) • 20-29 лет • 30-39 лет • 40-49 лет • 50-59 лет • 60-69 лет • 70-79 лет • 80 лет и старше	11 (2,6) 35 (8,6) 48 (11,7) 68 (16,6) 134 (32,8) 64 (15,6) 49 (11,9)
Женский пол, чел (%)	167 (41)
Объем поражения легких по данным КТ, абс. (%): • КТ-1 • КТ-2 • КТ-3 • КТ-4	161 (39,4) 118 (28,9) 75 (18,3) 55 (13,4)
Температура тела при госпитализации, абс. (%) • < 37°C • 37 – 37,9°C • 38 – 38,9°C • > 39°C	151 (37) 192 (47) 60 (14,5) 6 (1,5)
SpO ₂ на воздухе при поступлении, %, абс (%): • 95% и выше • 90-94% • 75-89% • < 75%	115 (28) 93 (23) 185 (45) 16 (4)

Продолжение таблицы 4

Параметры	Показатели
Коморбидные состояния, абс. (%):	339 (83)
• гипертоническая болезнь;	227 (67)
• ожирение;	67 (20)
• сахарный диабет;	40 (12)
• хроническая болезнь почек	29 (8,5)
• нарушения ритма сердца:	25 (5,8)
• фибрилляция предсердий	18 (72)
• желудочковые экстрасистолы	7 (8)
• онкологические заболевания:	4 (0,9)
✓ медуллобластома	1 (25)
✓ аденокарцинома:	
- почки	1 (25)
- молочной железы	1 (25)
- кишечника	1 (25)
• ХОБЛ;	21 (6)
• бронхиальная астма	14 (4)
• хронический гастродуоденит	22 (6,5)
Умерло, абс. (%)	130 (31,8)

Примечание - Ме – медиана, МКР – межквартильный размах.

Как видно из таблицы 4, большинство госпитализированных пациентов были в возрасте 60-69 лет (32,8%). Значительная доля была представлена больными 50-59 лет (16,6%) и 70-79 лет (15,6%). Медиана возраста пациентов составила 61 лет. В 98% случаев диагноз коронавирусной инфекции COVID-19 был подтвержден выделением РНК SARS-CoV-2 из смывов носоглотки. У большинства больных объем поражения легких соответствовал критериям КТ-1 (менее 25%) и КТ-2 (25-50%). Больные госпитализировались в стационар, в среднем, на 7-й день болезни. Повышение температуры выше 37°C в день госпитализации отмечалось у 63% пациентов. При этом, температура выше 38°C регистрировалась в 16% случаев. У 72% пациентов отмечалось снижение насыщения гемоглобина кислородом, в 49% случаев – менее 90%. У 186 пациентов имело место среднетяжелое течение, у 223 – тяжелое. Коморбидная патология отмечалась у 83% пациентов, наиболее часто регистрировались

гипертоническая болезнь, ожирение и сахарный диабет – в 67, 20 и 12%, соответственно. У 130 больных (31,8%) наступил летальный исход.

Таблица 5 – Лабораторная характеристика пациентов с COVID-19

Параметр	Показатели	Референсные значения
Эритроциты ($\times 10^{12}/\text{л}$), Ме [МКР]; < $3,5 \times 10^{12}/\text{л}$, абс. (%)	4,36 [3,74 – 4,9] 51 (12)	4,1 – 5,7
Гемоглобин (г/л), Ме [МКР]; < 115 г/л, абс. (%)	128 [114 – 144,5] 96 (23)	115 – 173
Тромбоцитов ($\times 10^9/\text{л}$), Ме [МКР]; < $150 \times 10^9/\text{л}$, абс. (%)	193 [150 - 247] 142 (34)	142 – 424
Лейкоциты ($\times 10^9/\text{л}$), Ме [МКР]; < $4 \times 10^9/\text{л}$, абс. (%) > $10,5 \times 10^9/\text{л}$, абс. (%)	6,95 [5-9,5] 61 (15) 100 (24,4)	4,5 – 9,0
Нейтрофилы ($\times 10^9/\text{л}$), Ме [МКР]; > $8 \times 10^9/\text{л}$, абс. (%)	5,1 [3,3-8] 172 (42)	1,5 – 7,0
Нейтрофилы (% от общего числа лейкоцитов), Ме [МКР]; > 75%, абс. (%)	73 [47 - 87] 228 (56)	47 – 72
Лимфоциты ($\times 10^9/\text{л}$), Ме [МКР]; < $1,0 \times 10^9/\text{л}$, (абс., %)	0,88 [0,64 – 1,26] 282 (69)	1,0 – 3,7
СРБ (мг/л), Ме [МКР]; > 10 мг/л, абс. (%)	93,2 [39,7 – 147,5] 183 (45)	0,00 – 5,0
Ферритин (нг/мл), Ме [МКР]; > 400 нг/мл, абс. (%)	448,7 [185,5 - 1214] 261 (64)	10 – 120

Продолжение таблицы 5

Параметр	Показатели	Референсные значения
ЛДГ (Ед/л), Ме [МКР]; > 495 ЕД/л, абс. (%)	340,65 [237,3 – 495] 212 (52)	132 – 248
Общий билирубин (мкмоль/л), Ме [МКР]; > 20,5 мкмоль/л, абс. (%)	8,15 [3,92 – 12,8] 41 (10)	5,0 – 20,5
АЛТ (ЕД/л), Ме [МКР]; > 40 ЕД/л, абс. (%)	32,7 [17,6 – 74,35] 20 (5)	0,0 – 40,0
АСТ (ЕД/л), Ме [МКР]; > 40 ЕД/л, абс. (%)	31,9 [24 – 75,5] 18 (4,3)	0,0 – 40,0
Мочевина (моль/л), Ме [МКР]; > 8,3 ммоль/л, абс. (%)	5,3 [3,2 - 7,5] 47 (11,5)	2,5 – 8,3
Креатинин (мкмоль/л), Ме [МКР]; > 90 мкмоль/л, абс. (%)	86 [74 – 109,5] 114 (27,8)	44 – 90
Д-димер (нг/мл), Ме [МКР]; > 440 нг/мл, абс. (%)	1090 [377,5 – 2567,5] 258 (63)	0 – 440

Анализ маркеров воспаления у пациентов с COVID-19 при госпитализации выявил увеличение в крови медианы значений СРБ, ферритина и снижение медианы абсолютного количества лимфоцитов (таблица 5). Повышение уровня СРБ, ферритина в крови отмечалось в 34 и 39% случаях, соответственно. Снижение абсолютного числа лимфоцитов крови ($< 1,0 \times 10^9/\text{л}$) выявлено у 282 из 409 больных (69%). Повышение количества лейкоцитов в общем анализе крови выше $10,5 \times 10^9/\text{л}$ регистрировалось у 24,4% пациентов, снижение менее $4 \times 10^9/\text{л}$ – у 15%. Увеличение абсолютного числа нейтрофилов отмечалось у 17,6% больных, повышение нейтрофилов более 75% от общего количества лейкоцитов – в 47%

случаев. Среди других лабораторных показателей, медианы которых превышали референсные значения при госпитализации пациентов, были ЛДГ и Д-димер. Повышение ЛДГ наблюдалось у 23,3% больных, Д-димера – в 19% случаев. Довольно часто у пациентов с COVID-19 отмечалось повышение уровня креатинина (в 27,8% случаев), однако медиана этого показателя не превышала уровень референсных значений. При этом, ХБП имело место только у 8,5% больных. Повышение в крови общего билирубина и печеночных ферментов АЛТ и АСТ регистрировалось в 10,5 и 4,3% случаях, соответственно. У 23% больных выявлено снижение в крови уровня гемоглобина, у 22% – тромбоцитов.

Таким образом, наиболее частым лабораторным отклонением у пациентов с COVID-19 при госпитализации была лимфопения, которая регистрировалась в 69% случаях.

3.2 Частота лимфопении у пациентов, госпитализированных с COVID-19

Для оценки влияния тяжести COVID-19 на частоту развития лимфопении пациенты были стратифицированы на две группы. Первую составили 186 пациентов со среднетяжелым течением COVID-19, вторую – 223, у которых отмечалось тяжелое течение заболевания. Характеристика пациентов приведена в таблице 6.

Таблица 6 – Характеристика пациентов со среднетяжелым и тяжелым течением COVID-19

Параметры	Среднетяжелое течение (n = 186)	Тяжелое течение (n = 223)	p-значение
Возраст, Ме [МКР]	60 [47 - 67]	64 [54 - 72]	p = 0,01
Женский пол, чел (%)	106 (57)	61 (28)	$\chi^2 = 17,2; p < 0,001$

Продолжение таблицы 6

Параметры	Среднетяжелое течение (n = 186)	Тяжелое течение (n = 223)	p-значение
Объем поражения легких по данным КТ, абс. (%): - КТ-1 - КТ-2 - КТ-3 - КТ-4	128 (69) 58 (31) - -	32 (14) 61 (27) 75 (34) 55 (25)	$\chi^2 = 62$; $p < 0,001$ $\chi^2 = 0,4$; $p > 0,05$
День болезни на момент госпитализации, Ме [МКР]	10 [8 - 13]	11 [7 - 15]	$p = 0,01$
Продолжительность госпитализации, Ме [МКР]	9 [7-12]	11 [7-15]	$p = 0,4$
Количество лимфоцитов в ОАК, Ме [МКР]	0,96 [0,72 – 1,46]	0,89 [0,63 – 1,2]	$p = 0,0001$
Количество лимфоцитов в ОАК, абс. (%): $< 1 \times 10^9/\text{л}$ $0,5-1 \times 10^9/\text{л}$ $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$	100 (54) 90 (90) 10 (10)	182 (82) 112 (61,5) 70 (38,5)	$\chi^2 = 18$; $p < 0,001$ $\chi^2 = 25,7$; $p < 0,001$ $\chi^2 = 25,7$; $p < 0,001$
Продолжительность лимфопении (дней), Ме [МКР]	7,0 [4 - 10]	8,0 [5 - 14]	$p > 0,05$
Продолжительность лимфопении, абс. (%): 1-7 дней; > 7 дней	70 (70) 30(30)	82 (45) 100 (55)	$\chi^2 = 12,7$; $p < 0,001$ $\chi^2 = 12,7$; $p < 0,001$

Как видно из представленной таблицы, тяжелое течение COVID-19 регистрировалось, преимущественно, у лиц мужского пола (72%), тогда как

среднетяжелое практически с одинаковой частотой регистрировалось как среди мужчин, так и женщин. Медиана возраста пациентов с тяжелым течением COVID-19 была статистически выше по сравнению с аналогичным показателем у больных со среднетяжелым течением заболевания ($p=0,01$). Снижение абсолютного числа лимфоцитов периферической крови менее $1,0 \times 10^9/\text{л}$ при госпитализации в 1,5 раза чаще отмечалось при тяжелом течении COVID-19 ($p<0,001$). При этом, у пациентов с тяжелым течением заболевания в 38,5% случаев регистрировалось снижение числа лимфоцитов менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$, что в 3,8 раза было чаще по сравнению со среднетяжелым течением COVID-19 ($p<0,001$).

Продолжительность лимфопении также коррелировала с тяжестью заболевания: у пациентов с тяжелым течением заболевания лимфопения более 7 дней регистрировалась в 1,8 раза чаще, чем при среднетяжелом течении ($p<0,001$). В финале заболевания сниженный уровень числа лимфоцитов в крови менее $1,0 \times 10^9/\text{л}$ в сравниваемых группах наблюдался у 38% пациентов со среднетяжелым течением и у 66% больных с тяжелым течением заболевания, соответственно. При этом, медиана лимфоцитов при среднетяжелом течении COVID-19 в динамике заболевания увеличивалась в 1,8 раза, при тяжелом течении – отмечалось незначительное ее повышение, однако уровень лимфоцитов по-прежнему оставался ниже $1,0 \times 10^9/\text{л}$ (таблица 7).

Таблица 7 – Динамика абсолютного числа лимфоцитов периферической крови ($10^9/\text{л}$) у пациентов с COVID-19, Ме [МКР]

Тяжесть COVID-19	Среднетяжелое течение (n = 186)	Тяжелое течение (n = 223)	p - значение
При госпитализации	0,96 [0,72 – 1,46]	0,89 [0,63 – 1,2]	$p<0,0001$
В финале заболевания	1,76 [1,2 – 2,5]	0,93 [0,7 – 1,31]	$p<0,0001$

Примечание - определение статистической значимости проводилось методом Манна-Уитни

Объем поражения легких – один из основных критериев тяжести у пациентов с COVID-19. В связи с этим был проведен сравнительный анализ выраженности лимфопении у пациентов с учетом объема поражения легких (таблица 8). Было установлено, что при госпитализации наиболее низкие значения числа лимфоцитов в крови регистрировались у пациентов с КТ-3. Выявлена статистическая разница в количестве лимфоцитов периферической крови между пациентами с объемом поражения легких, соответствующих критериям КТ-1 и КТ-3 ($p=0,02$). В финале заболевания наиболее выраженная лимфопения отмечалась у пациентов с КТ-3 и КТ-4, у которых медиана лимфоцитов была статистически меньше, чем у больных с КТ-1. У больных с КТ-4 уровень лимфоцитов в крови был в 1,9 раза меньше, чем при КТ-1.

Таблица 8 – Абсолютное количество лимфоцитов периферической крови и объем поражения легких у пациентов с COVID-19

Объем поражения легких по данным КТ, абс. (%)	Лимфоциты, $\times 10^9/\text{л}$; абс, (%)		Лимфоциты, $\times 10^9/\text{л}$ (Ме; МКР)	
	При госпитализации	В исходе заболевания	При госпитализации	В исходе заболевания
< 25% (КТ-1) (n=160)	49 (30)	9 (5)	0,93 [0,63-1,41]	1,57 [0,83-2,29]
25-50% (КТ-2) (n=119)	68 (57)	28 (23,5)	0,86 [0,66-1,2]	1,31 [0,71-2,19]
50-75% (КТ-3) (n=75)	63 (84)	67 (84)	0,84 [0,55-1,08]	1,05 [0,58-1,73]
>75% (КТ-4) (n=55)	42 (76)	55 (100)	0,9 [0,65-1,2]	0,83 [0,4-1,3]
р-значение	p1-2 = 0,002 p1-3 < 0,0001 p1-4 < 0,0001 p2-3 = 0,008 p2-4 = 0,008	p1-2 = 0,005 p1-3 < 0,0001 p1-4 < 0,0001 p2-3 < 0,0001 p2-4 < 0,0001 p3-4 = 0,008	p1-3 = 0,02	p1-3 = 0,001 p1-4 = 0,0001 p2-4 = 0,0001

Таким образом, увеличение объема поражения легочной ткани более 50% является фактором риска развития лимфопении при COVID-19.

Одним из лабораторных маркеров повреждения легочной ткани является повышение в крови уровня фермента ЛДГ. Был проведен сравнительный анализ уровня ЛДГ в крови у пациентов с различным объемом поражения легких при госпитализации и в финале заболевания (таблица 9). Было установлено, что уровень ЛДГ в крови коррелировал с объемом поражения легких: как при госпитализации, так и в финале заболевания наиболее высокие значения фермента регистрировались у пациентов с КТ-3 и КТ-4.

Таблица 9 – Уровень лактатдегидрогеназы крови у пациентов с COVID-19 при различных объемах поражения легких

Объем поражения легких по данным КТ, абс. (%)	ЛДГ (ЕД/л), Ме [МКР]	
	при госпитализации	в финале заболевания
1) < 25% (КТ-1)	261,3 [204,1 – 341,3]	245,3 [203,1 – 340,6]
2) 25-50% (КТ-2)	324,5 [211 – 397,5]	351,75 [245,25 - 471]
3) 50-75% (КТ-3)	448,6 [289,7 – 678,7]	600,5 [439,5 - 1180]
4) >75% (КТ-4)	445 [317 - 608]	525,55 [308,3 - 930]
р-значение	$p_{1-3} < 0,0001$ $p_{1-4} < 0,0001$ $p_{2-3} = 0,006$ $p_{2-4} = 0,006$	$p_{1-3} < 0,0001$ $p_{1-4} = 0,001$ $p_{2-3} = 0,006$ $p_{2-4} = 0,0001$

Примечание - указаны только статистически значимые различия; определение статистической значимости проводилось методом Манна-Уитни

Далее была проведена оценка частоты лимфопении у пациентов с различными исходами COVID-19. Больные были разделены на 2 группы: первую составили 279 человек, у которых заболевание завершилось выздоровлением, вторую – 130 пациентов с летальным исходом (таблица 10).

Таблица 10 – Лимфопения у пациентов с различными исходами COVID-19 при госпитализации

Параметры	Выжившие пациенты (n = 279)	Умершие пациенты (n = 130)	p-значение
Объем поражения легких по данным КТ, абс. (%): - КТ-1 - КТ-2 - КТ-3 - КТ-4	145 (52) 101 (36) 28 (10) 5 (2)	15 (12) 18 (14) 47 (36) 50 (38)	$\chi^2 = 36,7$; $p < 0,001$ $\chi^2 = 12,9$; $p < 0,001$ $\chi^2 = 19,0$; $p < 0,001$ $\chi^2 = 40$; $p < 0,001$
Лимфоциты ($\times 10^9/\text{л}$), Ме [МКР]	0,93 [0,68 – 1,37]	0,7 [0,5 – 1,1]	$p = 0,002$
Лимфоцитов в ОАК, абс. (%): $< 1 \times 10^9/\text{л}$ $0,5-1 \times 10^9/\text{л}$ $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$	171 (61) 153 (89) 18 (11)	111 (85) 64 (58) 47 (42)	$\chi^2 = 19$; $p < 0,001$ $\chi^2 = 17$; $p < 0,001$ $\chi^2 = 17$; $p < 0,001$
Нейтрофилы/лимфоциты, Ме [МКР]	4,2 [2,7 – 6,7]	8,1 [3,3 – 17]	$p < 0,0001$
Лактатдегидрогеназа/лимфоциты, Ме [МКР]	258 [119 – 365,5]	508,8 [334-1213]	$p < 0,0001$

Примечание - определение статистической значимости проводилось методом Манна-Уитни

У пациентов с летальным исходом объем поражения легких в 74% случаях превышал 50% и соответствовал критериям КТ-3 (в 36% случаях) и КТ-4 (у 38%). Среди выживших пациентов в 88% случаях объем поражения легких был менее 50%.

Медиана абсолютного числа лимфоцитов периферической крови при госпитализации среди умерших пациентов была в 1,32 раза меньше, чем в группе выживших ($p = 0,002$). При этом снижение абсолютного числа лимфоцитов в

периферической крови менее $1,0 \times 10^9/\text{л}$ в 1,3 раза чаще регистрировалось среди умерших, а тяжелая лимфопения ($< 0,5 \times 10^9/\text{л}$) – в 2,6 раза. Обращало на себя внимание почти 2-кратное увеличение гематологических индексов среди умерших пациентов: индекса Н/Л и ЛДГ/Л – в 1,9 и 1,97 раза, соответственно.

В финале заболевания медиана абсолютного числа лимфоцитов периферической крови среди умерших пациентов была в 2,5 раз меньше, чем у выживших ($p < 0,0001$). Наименьшее абсолютное количество лимфоцитов в периферической крови среди умерших пациентов составило $0,09 \times 10^9/\text{л}$. Результаты сравнения числа лимфоцитов в исследуемых группах в финале заболевания представлены в таблице 11.

Таблица 11 – Лимфопения у пациентов с различными исходами COVID-19 в финале заболевания

Параметры	Выжившие пациенты (n = 279)	Умершие пациенты (n = 130)	р-значение
Лимфоциты ($\times 10^9/\text{л}$), Ме [МКР]	1,63 [0,96 – 2,4]	0,64 [0,35 – 1,0]	$p < 0,0001$
Лимфоцитов в ОАК, абс. (%): $< 1 \times 10^9/\text{л}$ $0,5-1 \times 10^9/\text{л}$ $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$	71 (25) 59 (83) 12 (17)	97 (79) 49 (50,6) 48 (49,4)	$\chi^2 = 88; p > 0,05$ $\chi^2 = 19; p < 0,001$ $\chi^2 = 19; p < 0,001$
Нейтрофилы/лимфоциты, Ме [МКР]	3,2 [1,76 – 8,87]	15,4 [6,3 – 32]	$p < 0,0001$
ЛДГ/лимфоциты, Ме [МКР]	243 [104 – 464]	791 [375–2304]	$p < 0,0001$

Примечание - определение статистической значимости проводилось методом Манна-Уитни

Снижение числа лимфоцитов менее $1,0 \times 10^9/\text{л}$ среди умерших пациентов в финале заболевания регистрировалось в 3,1 раза чаще по сравнению с выжившими. Тяжелая степень лимфопении ($< 0,5 \times 10^9/\text{л}$) отмечалась почти у половины умерших больных, тогда как среди выживших – в 2,9 раза реже ($p < 0,001$). Средние значения гематологических индексов Н/Л и ЛДГ/Л среди

умерших пациентов были выше, чем среди выживших в 4,8 и 3,2 раза, соответственно.

Таким образом, на основании проведенных сравнительных исследований можно сделать вывод, что выраженность и продолжительность лимфопении у пациентов с COVID-19 ассоциируются с тяжестью заболевания, объемом поражения легких и исходом заболевания. Снижение числа лимфоцитов в периферической крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ регистрировалось в 3,8 раза чаще при тяжелом течении заболевания. В финале заболевания повышение уровня лимфоцитов выше $1,0 \times 10^9/\text{л}$ отмечалось только при среднетяжелом течении COVID-19, тогда как при тяжелом течении оставалось пониженным. Среди умерших от COVID-19 пациентов лимфопения в финале заболевания регистрировалась в 3,1 раза чаще, чем среди выживших.

3.3 Цитокиновый профиль пациентов с COVID-19

В исследование методом случайной выборки было отобрано 15 пациентов с COVID-19, госпитализированных в ГАУЗ РКИБ в период с ноября 2021 г по апрель 2022 г. Характеристика пациентов представлена в таблице 12.

Таблица 12 – Характеристика обследованных пациентов

Параметры	Показатели
Возраст (лет), Ме [МКР]	64 [59–77]
Женский пол, абс.(%)	7 (47)
День госпитализации	6 [5-8]

Продолжение таблицы 12

Параметры	Показатели
Объем поражения легких по данным КТ, абс. (%):	
• КТ-1	0
• КТ-2	6 (40)
• КТ-3	4 (27)
• КТ-4	5 (33)
Коморбидные состояния, абс. (%):	12 (80)
• гипертоническая болезнь;	10 (67)
• сахарный диабет;	5 (33)
• ожирение;	3 (20)
• фибрилляция предсердий;	1 (6,5)
• онкологические заболевания	1 (6,5)
С-реактивный белок, мг/л, Ме [МКР]	27 [20–40,6]
Ферритин, нг/мл, Ме [МКР]	827 [433–1244]
Лейкоцитов в ОАК, $\times 10^9/\text{л}$, Ме [МКР]	7,9 [7,2–11,5]
Нейтрофилов в ОАК, $\times 10^9/\text{л}$, Ме [МКР]	7,5 [6,1–10,5]
Нейтрофилов в ОАК, %, Ме [МКР]	84,9 [76,5–89,6]
Лимфоцитов в ОАК, $\times 10^9/\text{л}$, Ме [МКР]	0,7 [0,5–1,5]
Лимфоцитов в ОАК $< 0,8 \times 10^9/\text{л}$, абс. (%)	11 (73)
Койко-день, Ме [МКР]	15 [13–22]

У всех пациентов было диагностировано тяжелое течение COVID-19. У 6 больных (40%) объем поражения легких соответствовал критериям КТ-2, у 4 (27%) – КТ-3, у 5 (33%) – КТ-4. У всех больных отмечалось повышение в крови процентного содержания нейтрофилов и уровня СРБ. Повышение уровня ферритина в крови выявлено у 13 из 15 пациентов (87%). В 73% случаях имела место лимфопения. Больные получали противовирусную, противовоспалительную и антикоагулянтную терапию. Все пациенты нуждались в дотации кислорода, пятеро находились на ИВЛ. У 5 больных наступил летальный исход. У 12 пациентов (80%) отмечалась коморбидная патология, наиболее часто — гипертоническая болезнь (67%), сахарный диабет (33%) и

ожирение (20%). В контрольную группу вошли 10 условно здоровых людей аналогичного возраста (медиана составила 62 года).

Установлено, что в остром периоде COVID-19 у всех 15 пациентов отмечалось повышение в сыворотке крови уровня ФНО-альфа, ИЛ-2, ИЛ-6 и ГМ-КСФ (таблица 13).

Таблица 13 – Показатели цитокинов в сыворотке крови у пациентов с COVID-19 (Ме; МКР)

Показатели	Пациенты с COVID-19 (n=15)	Группа сравнения (n=10)	p
ФНО-α, пг/мл	17,9 [10,7–26,4]	2,8 [2,2–3,5]	0,00003
Интерлейкин-2, пг/мл	3,8 [2,9–9,5]	0,8 [0,6–1]	0,0001
Интерлейкин-6, пг/мл	377,8 [249,2–630,9]	3,1 [2,7–3,4]	0,00003
ГМ-КСФ, пг/мл	2,4 [1,2–6,6]	0,5 [0,4–0,7]	0,00006

Примечание - определение статистической значимости проводилось методом Манна-Уитни

При этом наиболее выраженное повышение демонстрировал ИЛ-6, медиана которого превышала аналогичный показатель в группе контроля в 122 раза. У двух пациентов с КТ-3 уровень ИЛ-6 превысил 1000 пг/мл, причем наиболее высокий показатель данного цитокина (1633 пг/мл) был зафиксирован у пациента 56 лет, у которого наступил летальный исход. Уровень ИЛ-6 среди умерших пациентов был в 1,7 раза выше, чем у выживших, однако это различие не было статистически значимым ($p > 0,05$). Содержание в сыворотке крови ФНО-альфа и ГМ-КСФ превышало значения контрольной группы в 6,4 и 4,8 раза соответственно. Медиана ИЛ-2 в сыворотке крови превышала показатель группы контроля в 4,7 раза.

Был проведен сравнительный анализ уровня цитокинов в крови при различных объемах поражения легких. Выявлено, что у пациентов с объемом поражения легких более 50% (КТ-3-4) медианы всех изучаемых показателей были

выше, чем у пациентов с КТ-2. Концентрации в крови ФНО-альфа и ИЛ-6 у пациентов с COVID-19 коррелировали с объемом поражения легких: при КТ-3-4 медианы значений ФНО-альфа и ИЛ-6 были выше, чем аналогичные показатели у пациентов с КТ-2 в 2,6 и 2,3 раза соответственно ($p < 0,05$) (таблица 14). По двум другим цитокинам (ИЛ-2 и ГМ-КСФ) подобных различий не выявлено.

Таблица 14 – Показатели цитокинов в сыворотке крови у пациентов с COVID-19 с учетом объема поражения легких (Ме; МКР)

Показатели	Объем поражения легких		p
	КТ 2 (n=6)	КТ 3-4 (n=9)	
ФНО-α, пг/мл	15,2 [10,7–19,7]	40,2 [35–44,3]	0,01
Интерлейкин-2, пг/мл	3,0 [2,6–3,9]	9,5 [5,3–9,7]	0,1
Интерлейкин-6, пг/мл	305,9 [249,2–403]	705,6 [630,9–1021]	0,002
ГМ-КСФ, пг/мл	2,0 [0,9–2,9]	6,6 [2,9–9,1]	0,2

Примечание - определение статистической значимости проводилось методом Манна-Уитни

Частыми гематологическими проявлениями тяжелых форм COVID-19 являются нейтрофилез и лимфопения. В данном исследовании повышение в крови процентного содержания нейтрофилов отмечалось у всех 15 больных, увеличение абсолютного числа нейтрофилов выше $7 \times 10^9/\text{л}$ – в 14 случаях (93%). У 11 из 15 пациентов (73%) выявлено снижение абсолютного числа лимфоцитов в крови менее $0,8 \times 10^9/\text{л}$. Как известно, ИЛ-2 и ГМ-КСФ являются индукторами пролиферации и дифференцировки лимфоцитов и нейтрофилов, соответственно [280, 281, 282, 283, 284]. Был проведен корреляционный анализ между значениями ФНО-альфа, ИЛ-2, ИЛ-6, с одной стороны, и абсолютным количеством лимфоцитов — с другой. Корреляционной связи между уровнем цитокинов и лимфопенией не выявлено (таблица 15). Не было установлено корреляции и между уровнем нейтрофилов и ГМ-КСФ ($r = 0,13$; $p = 0,6$).

Таблица 15 – Корреляционный анализ между уровнем провоспалительных цитокинов и лимфоцитов в крови у пациентов с COVID-19

Показатели	ФНО-альфа	ИЛ-6	ИЛ-2
Лимфоциты	$r = -0,25, p = 0,35$	$r = -0,24, p = 0,37$	$r = 0,38, p = 0,2$

Примечание - определение статистической значимости проводилось методом Манна-Уитни

Таким образом, проведенное исследование цитокинового профиля позволило установить ключевую роль ИЛ-6 в развитии тяжелых форм COVID-19. Биологические эффекты ИЛ-6 у пациентов с тяжелыми формами COVID-19 разнообразны и включают синтез белков острой фазы воспаления – СРБ, ферритина, фибриногена. Повышение в крови ФНО-альфа, хотя и было менее выраженным по сравнению с ИЛ-6, играет значительную роль в развертывании клинико-лабораторных признаков воспаления у пациентов с COVID-19. Следует отметить, что наиболее высокие значения ФНО-альфа и ИЛ-6 в крови регистрировались у пациентов с КТЗ-4, что отражает корреляцию между выраженностью воспалительной реакции и объемом поражения легких. Для установления связи между абсолютным количеством лимфоцитов в крови и воспалительной реакцией организма проводилась оценка влияния ИЛ-6 и других значимых маркеров воспаления на развитие лимфопении.

3.4 Влияние воспаления на выраженность лимфопении

Учитывая, что SARS-CoV-2-индуцированное воспаление может влиять на выраженность лимфопении, был проведен корреляционный анализ между показателями основных воспалительных маркеров (СРБ, ферритин, ЛДГ, ИЛ-6, индекс Н/Л, Д-димер) и абсолютным количеством лимфоцитов периферической крови у пациентов с COVID-19.

Показатели маркеров воспаления у пациентов с COVID-19 при госпитализации и в финале заболевания представлены в таблице 16.

Таблица 16 – Показатели маркеров воспаления у пациентов с COVID-19 в динамике заболевания (Ме, [МКР])

Показатели	Пациенты с COVID-19 (n=409)		p-значение
	При госпитализации	В исходе заболевания	
Лимфоциты, $\times 10^9/\text{л}$	0,88 [0,64 – 1,26]	0,93 [0,6-1,6]	0,8
С-реактивный белок, мг/л	93,2 [39,7 – 147,5]	20,88 [3,8 - 89]	0,002
Ферритин, нг/мл	448,7 [185,5 - 1214]	563,1 [282-1097]	0,01
ЛДГ, Ед/л	340,65 [237,3 – 495]	522,3 [433 - 724]	0,0001
Интерлейкин-6, пг/мл	12,6 [3,7-33,3]	65,4[18,8-300]	0,0001
Индекс Н/Л	5,2 [3,2-8,4]	6,3 [2,4-15,7]	0,04
Д-димер	1025 [375 - 2544]	1498 [408 - 7311]	<0,0001

Примечание – определение статистической значимости проводилось по критерию Уилкоксона

Корреляционный анализ выявил наличие достоверной отрицательной связи между показателями всех воспалительных маркеров и уровнем лимфоцитов в крови ($p < 0,05$). Чем выше был показатель воспалительных маркеров, тем более низкий уровень лимфоцитов отмечался у пациентов с COVID-19. Сильную корреляционную связь с лимфопенией демонстрировал уровень Д-димера и индекса Н/Л ($r = -0,8$), умеренно выраженную – ЛДГ ($r = -0,6$) (таблица 17).

Таким образом, полученные результаты показали, что степень тяжести лимфопении у пациентов с COVID-19 коррелирует с выраженностью воспалительной реакции организма. Наиболее значимая корреляционная связь установлена между лимфоцитами с показателями индекса Н/Л, Д-димером и ЛДГ, умеренная – с ферритином и ИЛ-6.

Таблица 17 – Корреляционный анализ между показателями маркеров воспаления и числом лимфоцитов в крови у пациентов с COVID-19

Параметры	При госпитализации	В исходе заболевания
С-реактивный белок, мг/л	$r = -0,2; p=0,07$	$r = -0,3; p<0,0001$
Ферритин, нг/мл	$r = -0,3; p=0,005$	$r = -0,4; p=0,002$
Лактатдегидрогеназа, Ед/л	$r = -0,6; p<0,0001$	$r = -0,5; p<0,0001$
Интерлейкин-6, пг/мл	$r = -0,3; p=0,03$	$r = -0,5; p=0,01$
Индекс Н/Л	$r = -0,6; p<0,0001$	$r = -0,8; p<0,0001$
Д-димер, нг/мл	$r = -0,2; p=0,017$	$r = -0,8; p=0,02$

Примечание - r – коэффициент Спирмена

3.5 Изучение выраженности апоптоза лимфоцитов крови у пациентов с COVID-19

Исследование проводилось однократно, в период развернутых проявлений COVID-19 – в первые 3 дня госпитализации и в среднем на 9-й день заболевания (95% ДИ 8–10). В исследование вошли 75 пациентов с COVID-19 в возрасте от 20 до 90 лет. Медиана возраста составила 66 лет. У 56% пациентов заболевание протекало в среднетяжелой форме, в 44% случаях – в тяжелой. Лимфопения выявлена у 31 (41,3%) больного. У 80% пациентов отмечались сопутствующие заболевания, среди которых наиболее часто регистрировалась гипертоническая болезнь (в 60% случаев). Респираторную поддержку получали 85% пациентов. Группу сравнения составили 20 условно здоровых людей аналогичного возраста. Подробная характеристика основной и контрольной групп представлена в таблице 18.

Было установлено, что острый период COVID-19 протекает на фоне усиления активности апоптоза лимфоцитов периферической крови. Медиана изучаемого показателя у пациентов с COVID-19 составила 30%, что в 2,3 раза превышала аналогичный показатель контрольной группы (13%), $p=0,0001$. Результаты сравнительного анализа отображены на рисунках 5 и 6.

Таблица 18 – Клинико-лабораторная характеристика пациентов

Параметр	Пациенты с COVID-19, n=75	Группа сравнения, n=20	p-значение
Возраст (лет), Me [МКР]	66 [51-77]	65 [53-68]	p=0,2
Женский пол, (абс, %)	43 (57)	12 (60)	$\chi^2= 0,8$; p=1
День госпитализации (Me, МКР)	7 [5-8]	–	
Объем поражения легких, (абс., %): -КТ-1; -КТ-2; -КТ-3	33 (44) 28 (37) 14 (19)	– – –	
Сопутствующие заболевания (абс., %): -гипертоническая болезнь; -сахарный диабет -ожирение; -нарушения ритма сердца; -ХОБЛ -хроническая болезнь почек (ХБП); -онкологические заболевания (в стадии ремиссии) - хронический гастродуоденит	60 (80) 44 (73) 18 (30) 12 (20) 6 (10) 4 (7) 6 (10) 3 (5) 2 (3)	16 (80) 10 (62) - 4 (25) 2 (12,5) 2 (12,5) - - 3 (19)	$\chi^2= 1$; p=1 $\chi^2= 0,7$; p=0,5 $\chi^2= 0,2$; p=0,7 $\chi^2= 0,08$; p=0,6 $\chi^2= 0,59$; p=0,6 $\chi^2= 4,8$; p=0,06
Респираторная поддержка, (абс., %): -НПО; -ВПО; -ИВЛ	75 (100) 59 (79) 6 (8) 10 (13)	- - - -	

Продолжение таблицы 18

Параметр	Пациенты с COVID-19, n=75	Группа сравнения, n=20	p-значение
Лейкоцитов в ОАК, ($\times 10^9/\text{л}$), Ме [МКР]	7,2 [5,5-9,4]	5,2 [4,5-6,3]	p=0,01
Лимфоцитов в ОАК ($\times 10^9/\text{л}$), Ме [МКР]	1,1 [0,7-1,5]	2,5 [2,1-3,4]	p=0,0002
Лимфоцитов $< 1,0 \times 10^9/\text{л}$, (абс., %)	31 (41,3)	-	
С-реактивный белок (мг/л), Ме [МКР]	30,7 [3,8-59,4]	-	
Ферритин (нг/мл), Ме [МКР]	433 [197-855]	107,5 [86–121]	p=0,0003

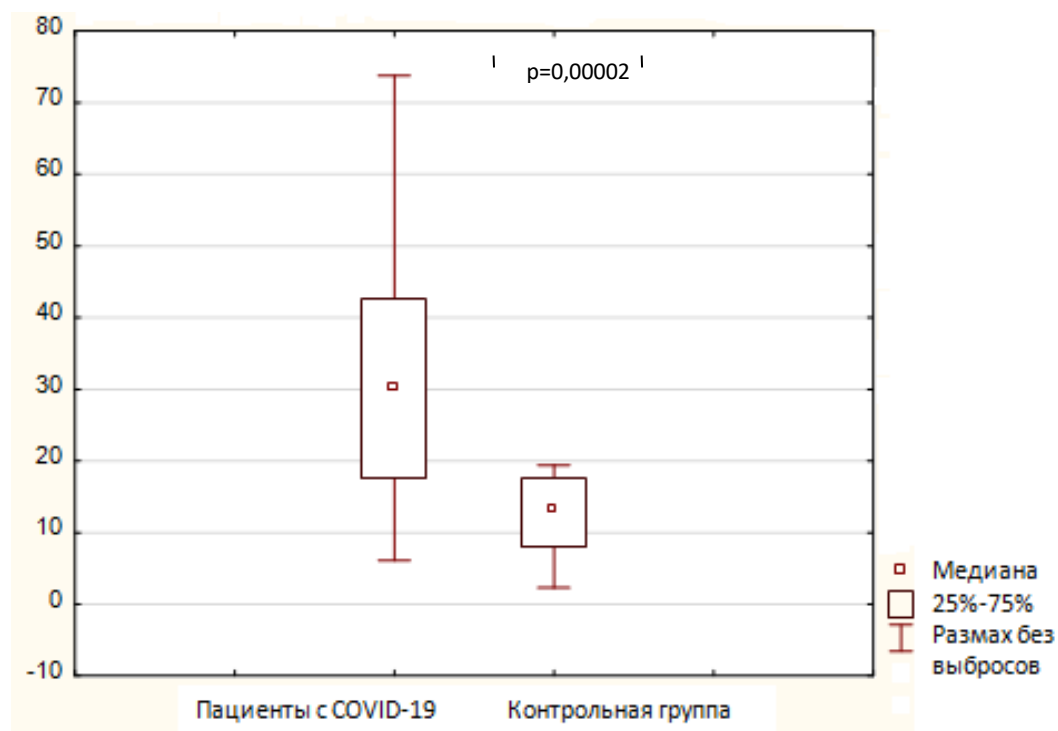

Рисунок 5 – Апоптоз лимфоцитов крови у пациентов с COVID-19 и контрольной группы

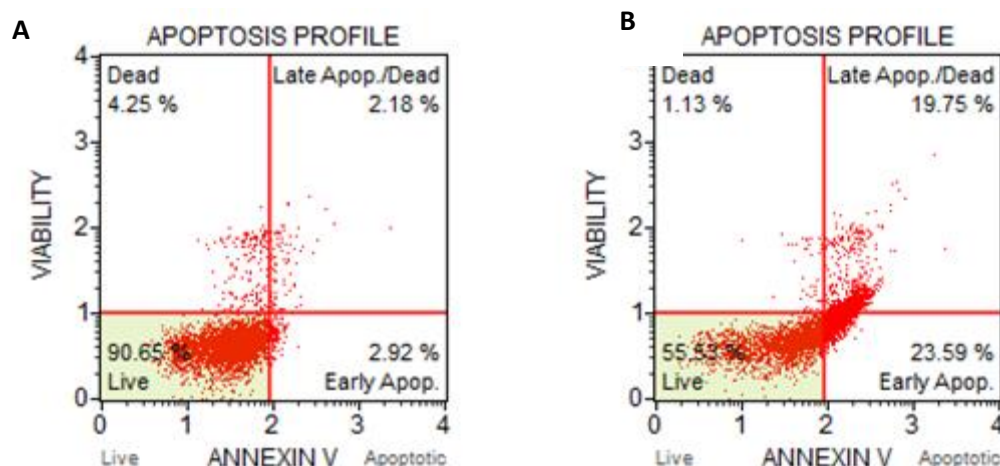

Рисунок 6 – Результаты исследования апоптоза лимфоцитов методом проточной цитометрии (А – контроль; В – пациент с COVID-19)

У 32 пациентов (42%) количество подвергшихся апоптозу лимфоцитов было выше показателей контроля в среднем в 1,5 раза, у 18 пациентов (24%) – в 2,5 раза, еще у 25 пациентов (33%) – в 4 раза. Было предположено, что показатели апоптоза лимфоцитов могут различаться в зависимости от возраста пациентов. Все больные были разделены на 3 возрастные группы: 20-45 лет, 45-65 лет и старше 65 лет. Наиболее высокие значения апоптоза лимфоцитов регистрировались у пациентов 45-65 лет, наименьшие – в возрастной группе 20-45 лет (таблица 19).

Таблица 19 – Показатели апоптоза лимфоцитов крови у пациентов с COVID-19 различных возрастных групп, Ме [МКР]

Параметр	Пациенты с COVID-19			<i>p</i> -значение
	Группа 1 20-45 лет (n=14)	Группа 2 45-65 лет (n=34)	Группа 3 >65 лет (n=27)	
Апоптоз лимфоцитов, %	22,9 [15,3- 43]	33,5 [20,8- 43,6]	27,9 [17,8- 41,9]	$p_{1-2} = 0,0001$ $p_{1-3} = 0,7$ $p_{2-3} = 0,2$

Было установлено, что выраженность апоптоза лимфоцитов коррелирует с тяжестью заболевания: медиана показателя у пациентов с тяжёлым течением

COVID-19 была в 2 раза выше, чем при среднетяжелом течении ($p=0,0001$). При этом, статистической разницы в количестве лимфоцитов периферической крови между сравниваемыми группами не выявлено (таблица 20).

Таблица 20 – Показатели апоптоза лимфоцитов крови у пациентов с COVID-19 в зависимости от тяжести заболевания, Ме [МКР].

Параметр	Среднетяжелое течение COVID-19 (n=42)	Тяжелое течение COVID-19 (n=33)	p-значение
Лимфоциты, $\times 10^9/\text{л}$	1,78 [1,3-2,5]	1,5 [1-2,4]	0,5
Апоптоз лимфоцитов, %	19,1 [13-31,7]	40,8 [31,7-49,4]	0,0001

Учитывая, что на активность апоптоза лимфоцитов крови может оказать влияние воспалительная реакция, был проведён корреляционный анализ выраженности апоптоза лимфоцитов с ключевыми маркерами воспаления – С-реактивным белком и ферритином. Установлена заметно выраженная прямая корреляционная связь показателя апоптоза лимфоцитов с уровнем ферритина в крови (коэффициент Спирмена = 0,5, $p=0,0001$). Корреляционной связи показателя апоптоза лимфоцитов с уровнем С-реактивного белка не выявлено. Показатели апоптоза лимфоцитов в зависимости от исхода заболевания представлены в таблице 21.

Таблица 21 – Показатели апоптоза лимфоцитов крови у пациентов с COVID-19 в зависимости от исхода заболевания, Ме [МКР]

Параметр	Выжившие пациенты (n=66)	Умершие пациенты (n=9)	p-значение
Лимфоциты, $\times 10^9/\text{л}$	1,84 [1,3-2,6]	0,87 [0,57-1,44]	0,001
Апоптоз лимфоцитов, %	27,7 [17-40,7]	43,7 [32,1-58,7]	0,009

Оценка изучаемых показателей с учётом исхода заболевания показала, что в группе умерших пациентов количество лимфоцитов в крови было в 2,1 раза ниже по сравнению с выжившими. При этом активность апоптоза лимфоцитов в группе

умерших пациентов была значимо выше, чем в группе выживших. Результаты представлены в таблице 21.

Далее была проведена оценка операционных характеристик диагностического теста «апоптоз лимфоцитов» в оценке риска летального исхода. Было установлено, что апоптоз лимфоцитов выше 50% у пациентов с COVID-19 ассоциируется с риском летального исхода ($p=0,01$).

Риск летального исхода при этом возрастал в 7,7 раз. Положительный результат теста на апоптоз лимфоцитов был максимально правдоподобен ($LR+=9,1$), что позволяет рассматривать его как достаточно надёжный. Результаты приведены в таблице 22.

Таблица 22 – Апоптоз лимфоцитов и риск летальности при COVID-19

Апоптоз лимфоцитов, %	Se	Sp	PPV	NPV	LR+	LR-	OR, 95% ДИ	p
Порог отсечения – 50%	82	91	36	92	9,1	0,2	7,7 [2,4-33,3]	0,01

Примечание - *OR* – отношение шансов, *PPV* –прогностическое значение положительного результата теста, *NPV* –прогностическое значение отрицательного результата теста, *Se* – чувствительность теста, *Sp* – специфичность теста, *LR+*–отношение правдоподобия положительного результата теста, *LR-* – отношение правдоподобия отрицательного результата теста, *p* – уровень статистической значимости

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что среднетяжелые и тяжелые формы COVID-19 протекают на фоне активации процессов апоптоза лимфоцитов. Данный факт свидетельствует о том, что апоптоз является значимой причиной развития лимфопении у пациентов с COVID-19. Наиболее высокие показатели апоптоза регистрировались при тяжелых формах заболевания, а количество подвергшихся апоптозу лимфоцитов более 50% в 7,7 раза увеличивало риск летального исхода. Установлена корреляционная связь между выраженностью апоптоза лимфоцитов и уровнем ферритина, что указывает на роль воспалительного процесса в индукции гибели

клеток. Клиническое значение активации апоптоза лимфоцитов у пациентов с COVID-19 состоит в том, что с процессами клеточной гибели ассоциируется развитие тяжелых форм заболевания и высокий риск неблагоприятного исхода.

3.6 Определение выраженности лимфоцитарной инфильтрации тканей легких и селезенки пациентов, умерших от COVID-19

Был изучен аутопсийный материал ткани легких и селезенки, полученный от 17 пациентов, умерших от COVID-19. Характеристика пациентов представлена в таблице 23.

Таблица 23 - Клинико-лабораторная характеристика умерших пациентов

Параметры	Пациенты с COVID-19 (n = 17)	Группа сравнения (n = 11)	p
Возраст (лет), Me [МКР]	77 [68,5-82]	82 [72-84]	p = 0,6
Возраст пациентов, абс. (%): - 60-70 лет; - 70-80 лет; - 80-91 лет	5 (29) 4 (23,5) 8 (47)	2 (18) 3 (27,2) 6 (54,5)	$\chi^2 = 0,4$; p = 0,7 $\chi^2 = 0,05$; p = 1 $\chi^2 = 0,15$; p = 0,7
Женский пол (чел), абс. (%)	9 (53)	8 (73)	p = 0,1
Объем поражения легких КТ-3, абс. (%):	17 (100)	-	-
Основное заболевание, абс. (%)			
Вирусная инфекция COVID-19	17 (100)	-	-
ОНМК	-	1 (9)	-
Инфаркт миокарда	-	8 (73)	-
Панкреонекроз	-	2 (18)	-

Продолжение таблицы 23

Параметры	Пациенты с COVID-19 (n = 17)	Группа сравнения (n = 11)	p
Коморбидные состояния, абс. (%):	17 (100)	9 (82)	$\chi^2 = 0,06$, p=1
- гипертоническая болезнь;	14 (82)	11(85)	$\chi^2 = 0,001$, p=0,7
- ожирение;	0 (0)	3 (27)	-
- сахарный диабет;	0 (0)	4 (36)	-
- хроническая болезнь почек	3 (18)	3 (27)	$\chi^2 = 0,3$, p=0,7
- нарушения ритма сердца;	2 (12)	2 (18)	$\chi^2 = 0,16$, p=1
- хронический гастродуоденит	2 (12)	4 (36)	$\chi^2 = 2,1$, p=0,36
Лимфоцитов в ОАК, $\times 10^9/\text{л}$; Ме [МКР]	0,4 [0,2 – 1,0]	2,7 [2,1 – 3,2]	p = 0,001

Медиана возраста пациентов составила 77 лет. В группу сравнения вошли 11 пациентов, умерших по иным причинам, не связанным с COVID-19.

Лимфопения отмечалась только в группе пациентов, умерших от COVID-19 и регистрировалась во всех 17 случаях. Медиана лимфоцитов у пациентов с COVID-19 в финале заболевания была, в среднем, в 6,7 раз меньше, чем в контрольной группе.

Во всех наблюдениях в легких выявлялись признаки диффузного альвеолярного повреждения (ДАП), чаще экссудативной его фазы, в отдельных наблюдениях – в начале пролиферативной стадии. Прежде всего, обращали на себя внимание изменения кровеносного микроциркуляторного русла. Сосуды были расширены и полнокровны (рисунок 7), их площадь, по сравнению с контролем, увеличивалась в 2,5 раза (таблица 24) с выраженным увеличением экспрессии МКАТ против CD31 (рисунки 8, 9).

Таблица 24 – Площадь кровеносных сосудов легкого (в % от общей площади среза, M+m)

Группа сравнения (n=10)	COVID-19 (n=17)	p
7,6 $\pm$ 0,74	19,3 $\pm$ 1,01	0,02

Определялись стаз, явления тромбообразования и выход эритроцитов за пределы сосудистого русла. Отмечалась очаговая альтерация эндотелия, его набухание и десквамация эндотелиоцитов. В просвете некоторых сосудов обнаруживались скопления мононуклеаров, которые отсюда проникали в альвеолы (рисунки 10, 11). Эпителий бронхов был подвержен деструкции со слущиванием иногда его целых пластов (рисунок 12).

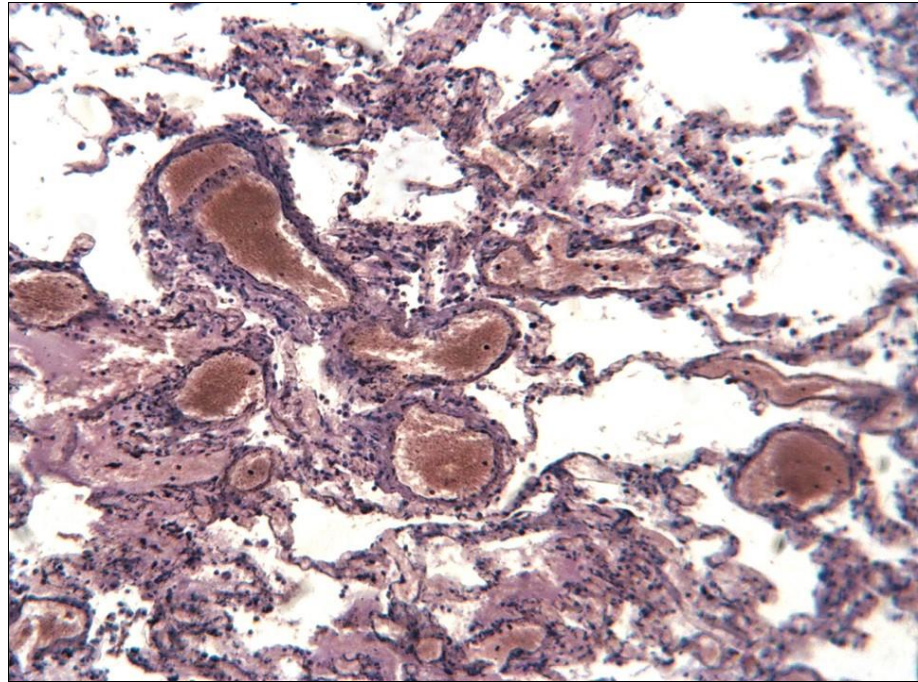

Рисунок 7 – Расширение просвета, полнокровие и тромбообразование в кровеносных сосудах легкого у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином. Увеличение $\times 200$.

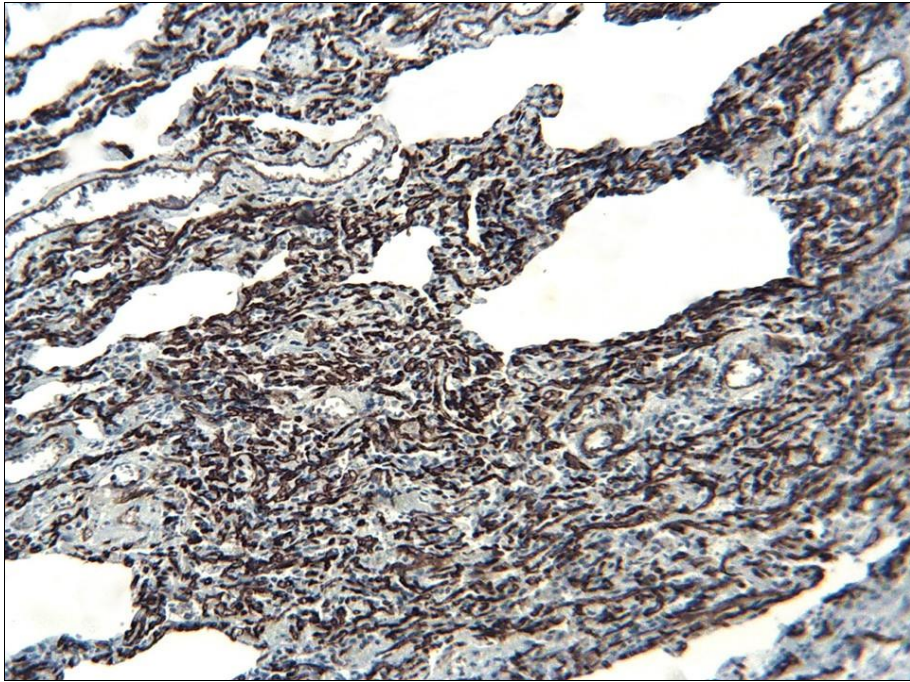

Рисунок 8 – Высокая экспрессия МКАТ против CD31 в эндотелии сосудов легкого у пациента с COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином.
Увеличение $\times 200$.

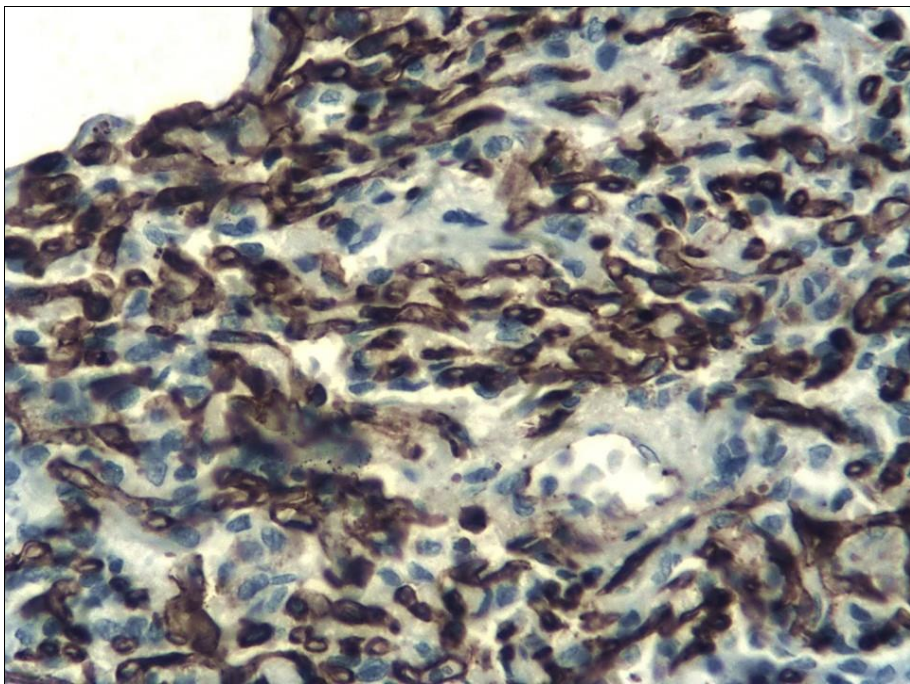

Рисунок 9 – Деталь рисунка 8. Увеличение $\times 400$.

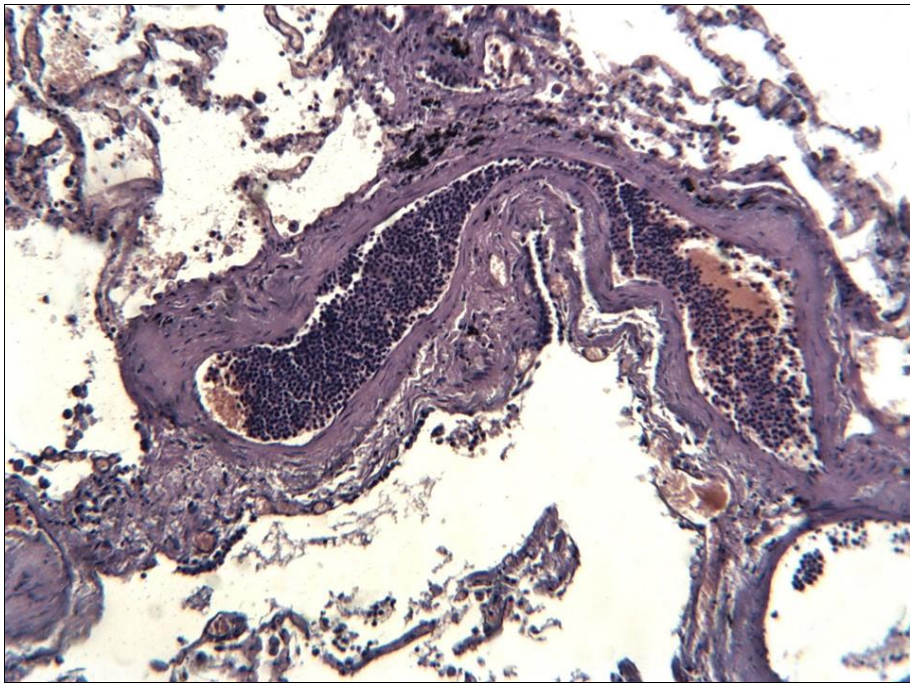

Рисунок 10 – Скопление мононуклеаров в кровеносном сосуде легкого у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином. Увеличение $\times 200$.

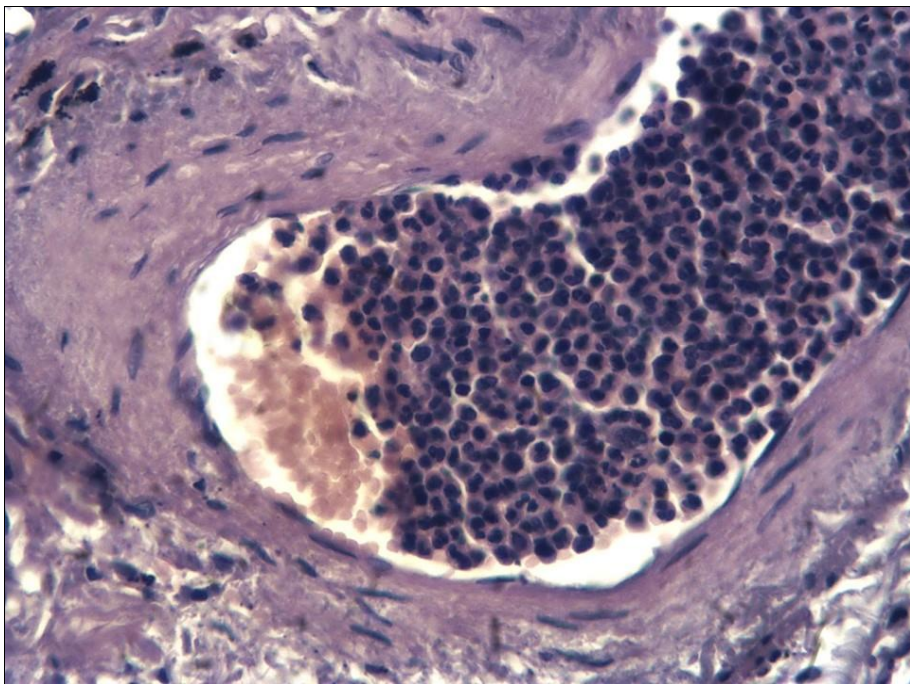

Рисунок 11 – Деталь рисунка 10. Увеличение $\times 400$.

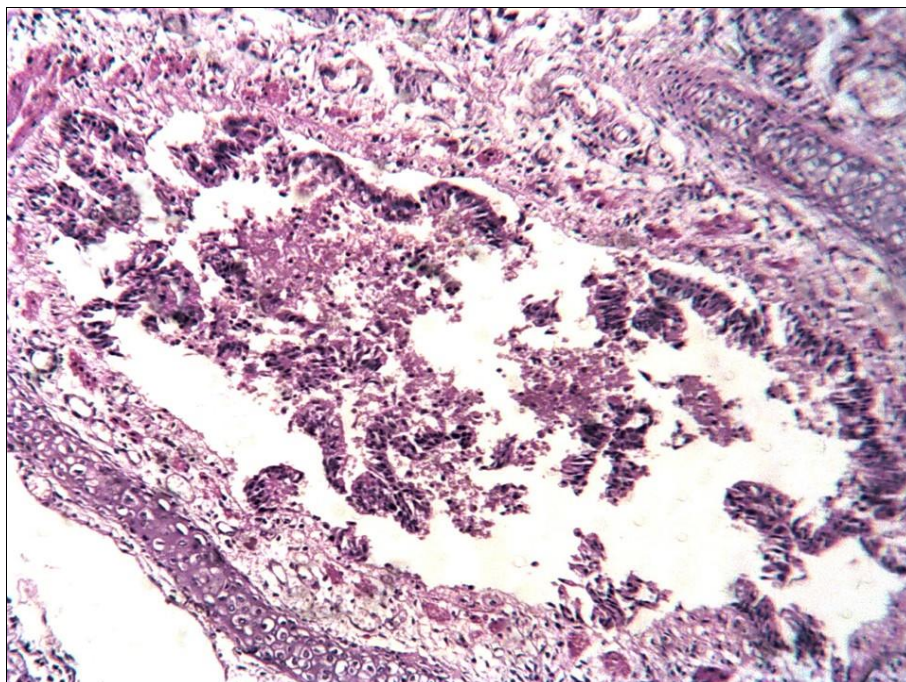

Рисунок 12 – Деструкция и десквамация эпителия бронха у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином. Увеличение $\times 200$.

Перибронхиально отмечалась инфильтрация из лимфоцитов, плазматических клеток и макрофагов. Альвеолярный эпителий был частично десквамирован с образованием крупных, неправильной формы клеток. Межальвеолярные перегородки были резко полнокровны с наличием лимфогистиоцитарной инфильтрации. В просвете альвеол содержалась отечная жидкость с эритроцитами, нейтрофилами, лимфоцитами, макрофагами, слущенными альвеолоцитами с формированием гиалиновых мембран (рисунки 13, 14).

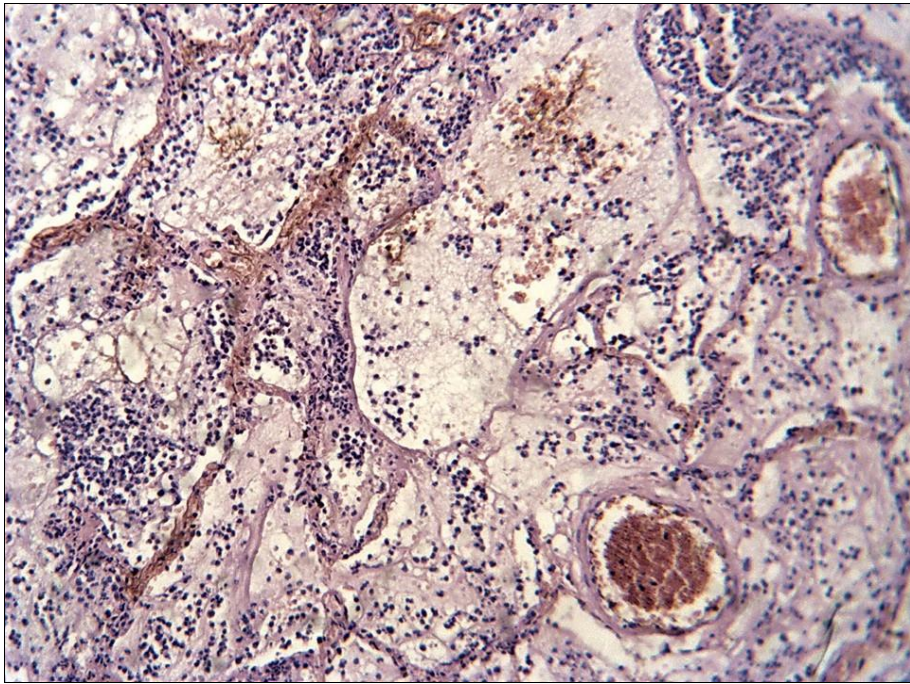

Рисунок 13 – Экссудативная стадия диффузного альвеолярного повреждения легких у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином. Увеличение $\times 200$.

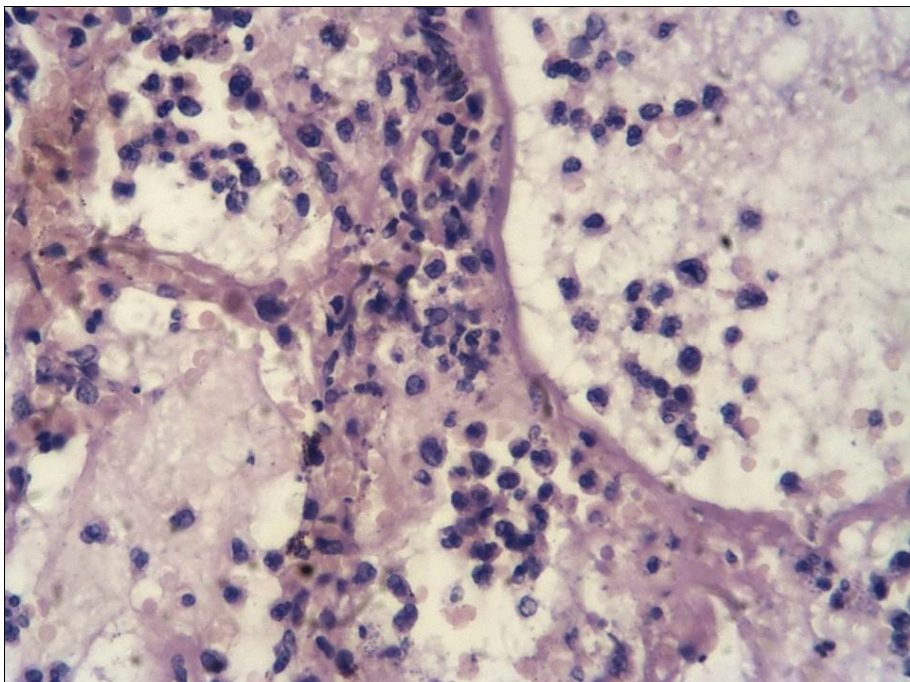

Рисунок 14 – Деталь рисунка 13. Увеличение $\times 400$.

Иммуногистохимический анализ показал увеличение содержания CD3+ Т-лимфоцитов и CD68+ макрофагов по сравнению с группой сравнения в 2,8 и 1,7 раза, соответственно (таблица 25).

Таблица 25 – Содержание иммунокомпетентных клеток в легком (в % от общего числа клеточных элементов, М+м).

Клеточный элемент	Группа сравнения (n=11)	COVID-19 (n=17)	p
CD3+ Т-лимфоциты	4,6 $\pm$ 0,43	13,2 $\pm$ 1,00	0,002
CD20+ В-лимфоциты	7,9 $\pm$ 0,86	8,5 $\pm$ 0,94	0,67
CD68+ макрофаги	11,3 $\pm$ 0,94	19,1 $\pm$ 1,26	0,03

При этом данные клеточные элементы располагались не только в межальвеолярных перегородках, но и в просвете альвеол (рисунки 15, 16). Количество CD20+ В-лимфоцитов хотя и было увеличено, но не давало статистически достоверной разницы с группой сравнения.

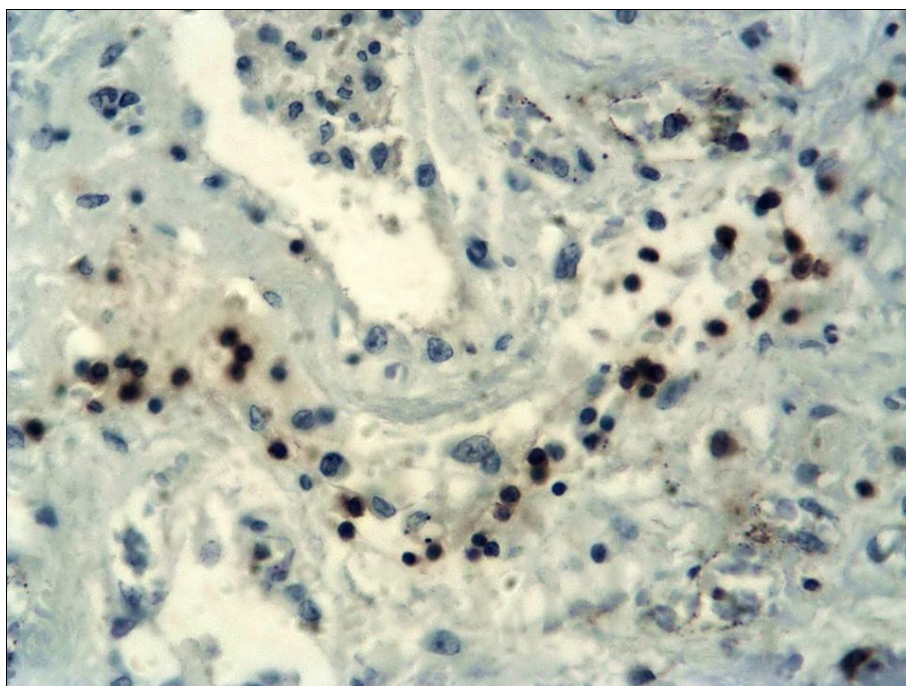

Рисунок 15 – CD3+ Т-лимфоциты в легком у пациента с COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 400$.

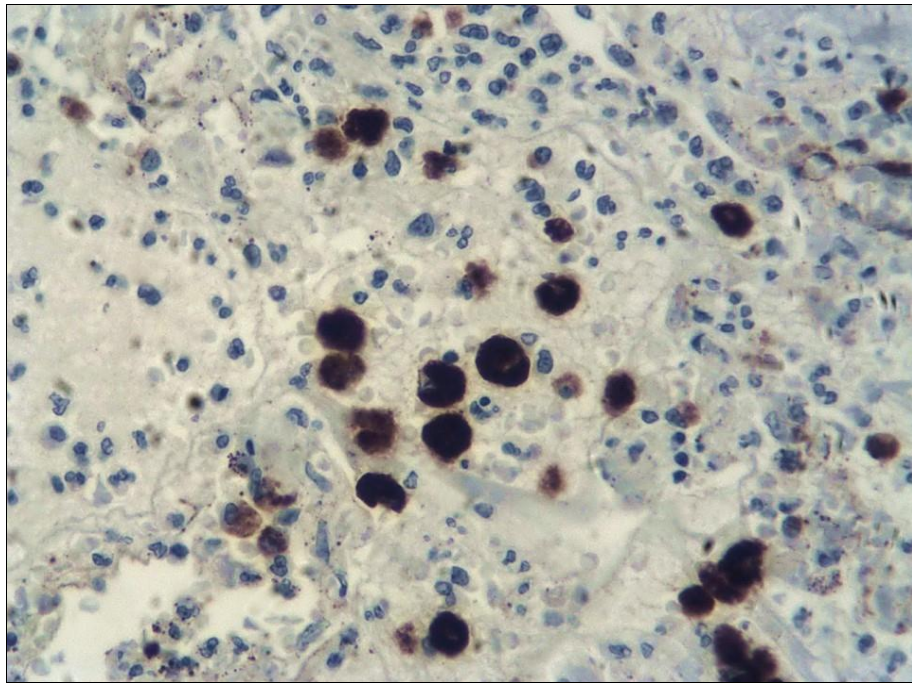

Рисунок 16 – CD68+ макрофаги в легком у пациента с COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 400$.

Иногда В-клетки образовывали фолликулоподобные структуры (рисунок 17).

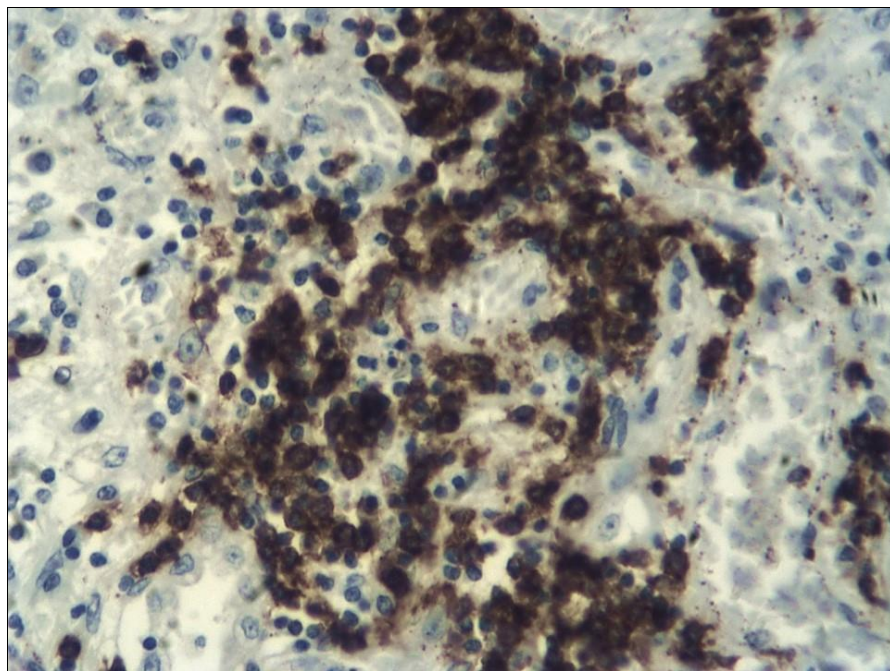

Рисунок 17 – Фолликулярная структура из CD20+ В-лимфоцитов в легком у пациента с COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 400$.

При развитии пролиферативной стадии ДАП происходило углубление микроциркуляторных расстройств, увеличение клеточной инфильтрации просвета альвеол лимфоцитами, макрофагами, эритроцитами и слущенными альвеолоцитами, отложение фибрина, развитие интерстициального воспаления в межалвеолярных перегородках, а в ряде случаев развитие очаговой пневмонии (рисунки 18, 19).

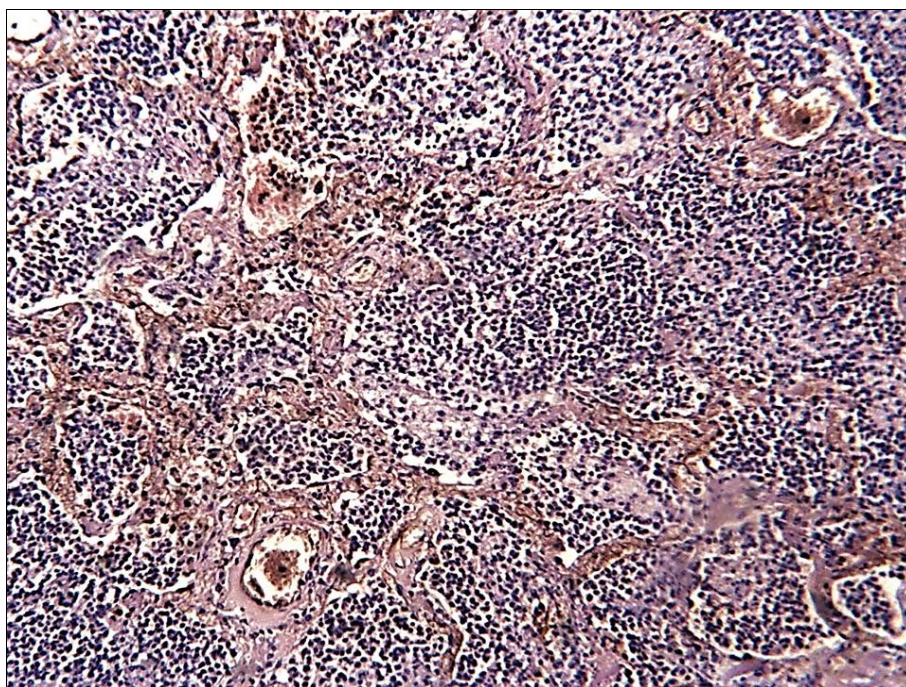

Рисунок 18 – Проллиферативная стадия диффузного альвеолярного повреждения легких у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином. Увеличение $\times 200$.

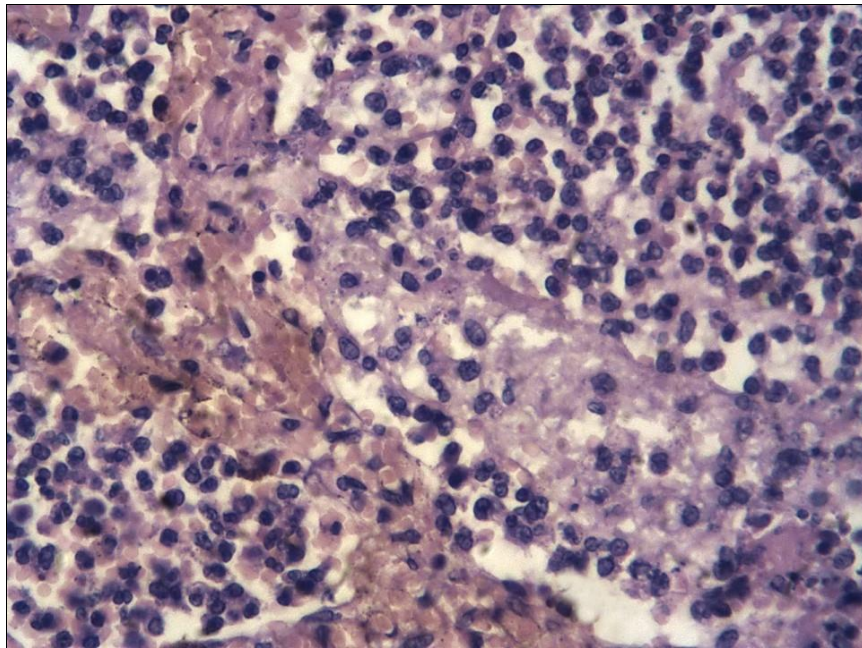

Рисунок 19 – Деталь рисунка 18. Увеличение $\times 400$.

В селезенке также обнаруживались расстройства кровообращения в виде выраженного полнокровия и кровоизлияний красной пульпы (рисунок 20).

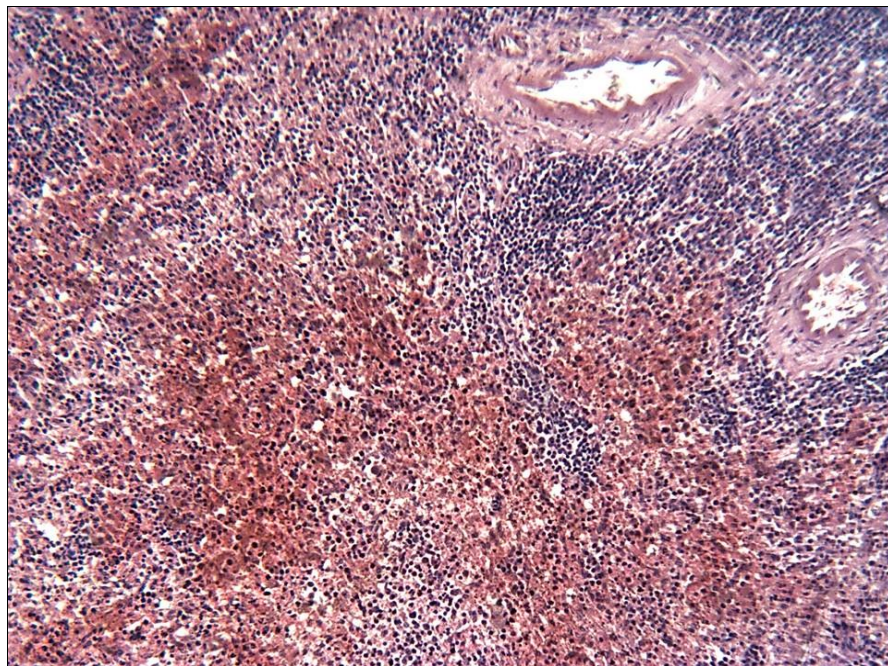

Рисунок 20 – Выраженное полнокровие и кровоизлияния в красной пульпе селезенки у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином.

Увеличение $\times 200$.

Белая пульпа атрофировалась, это касалось как Т-, так и В-зависимых зон. Площадь Т-зависимых периартериальных муфт и В-зависимых лимфоидных фолликулов снижалась по сравнению с группой сравнения в 1,7 раза (таблица 26). Параллельно уменьшалось содержание CD3+ Т-лимфоцитов и CD20+ В-лимфоцитов в 2,7 и 1,4 раза, соответственно (таблица 27, рисунки 21, 22, 23, 24, 25, 26). Количество CD68+ макрофагов существенно не менялось и даже имело тенденцию к незначительному увеличению, но это различие не было статистически значимым (рисунки 27, 28). Наряду с описанными изменениями структурных и клеточных элементов отмечалась фрагментация ретикулярных волокон с нарушением архитектоники селезенки.

Таблица 26 – Площади Т- и В-зависимых зон селезенки (в % от общей площади среза, М+м).

Структурный компонент	Группа сравнения (n=11)	COVID-19 (n=17)	p
Т-зависимые зоны (периартериальные муфты)	12,2 $\pm$ 1,10	7,3 $\pm$ 0,71	0,02
В-зависимые зоны (лимфоидные фолликулы)	16,7 $\pm$ 1,17	9,5 $\pm$ 0,93	0,026

Таблица 27 – Содержание иммунокомпетентных клеток в селезенке (в % от общего числа клеточных элементов, М+м).

Клеточный элемент	Группа сравнения (n=11)	COVID-19 (n=17)	p
CD3+ Т-лимфоциты	14,6 $\pm$ 1,36	5,3 $\pm$ 0,38	0,001
CD20+ В-лимфоциты	11,3 $\pm$ 0,99	7,9 $\pm$ 0,82	0,032
CD68+ макрофаги	51,5 $\pm$ 2,61	55,1 $\pm$ 2,44	0,4

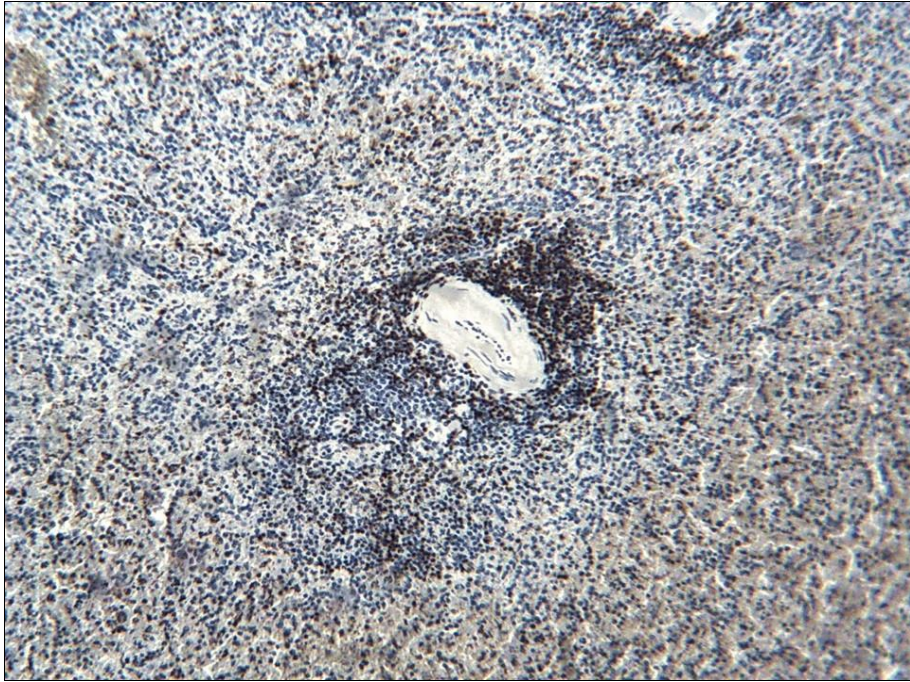

Рисунок 21 – CD3+ клетки в Т-зависимой периартериальной зоне селезенки у пациента без COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином.
Увеличение $\times 200$.

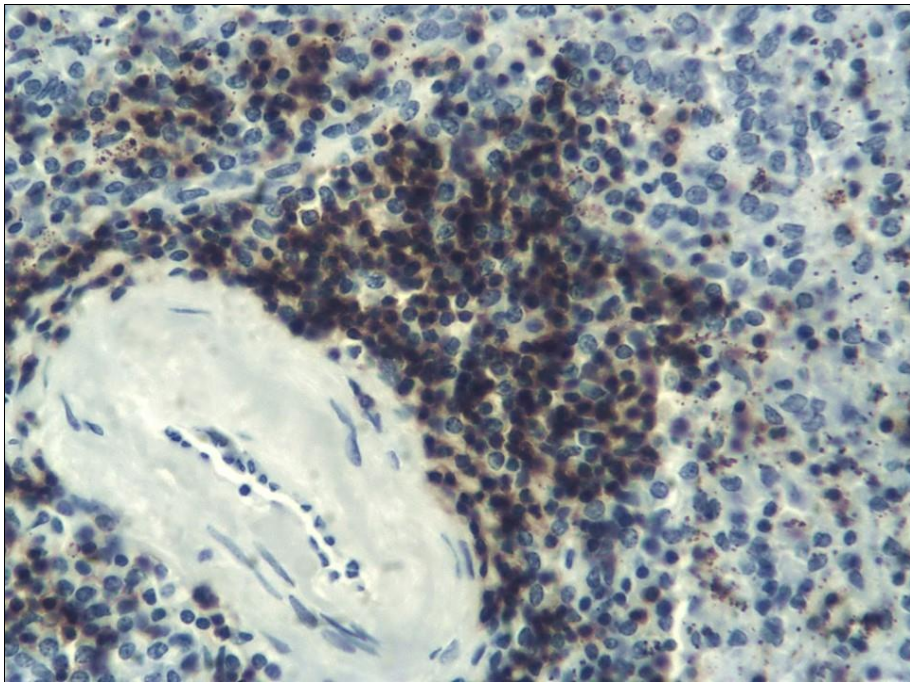

Рисунок 22 – Деталь рисунка 21. Увеличение $\times 400$.

Рисунок 23 – Уменьшение содержания CD3+ клеток в Т-зависимой периартериальной зоне селезенки у пациента с COVID-19. Реакция с МКАТ против CD3. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 200$.

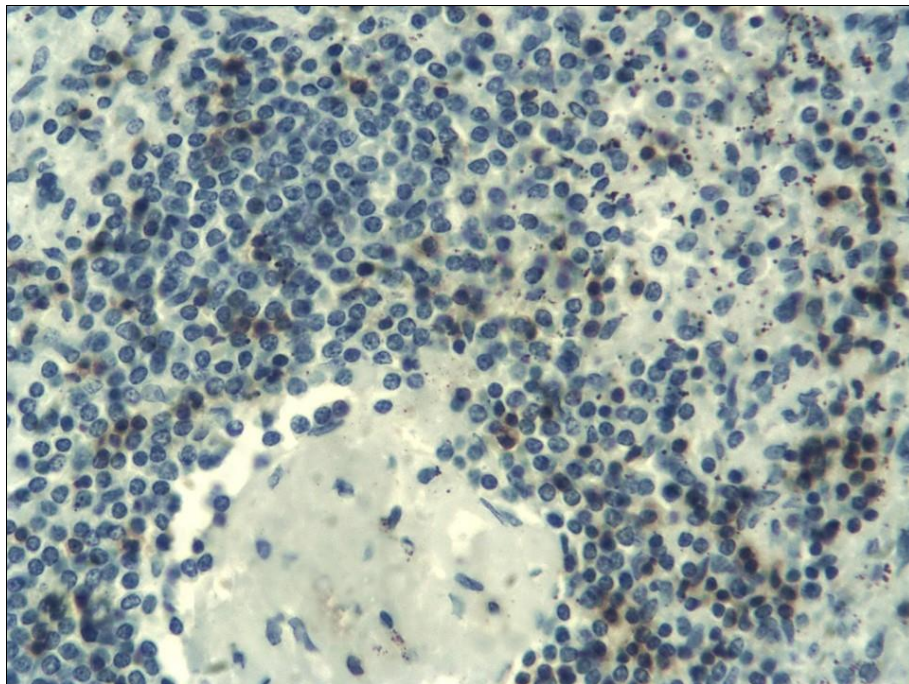

Рисунок 24 – Деталь рисунка 23. Увеличение $\times 400$.

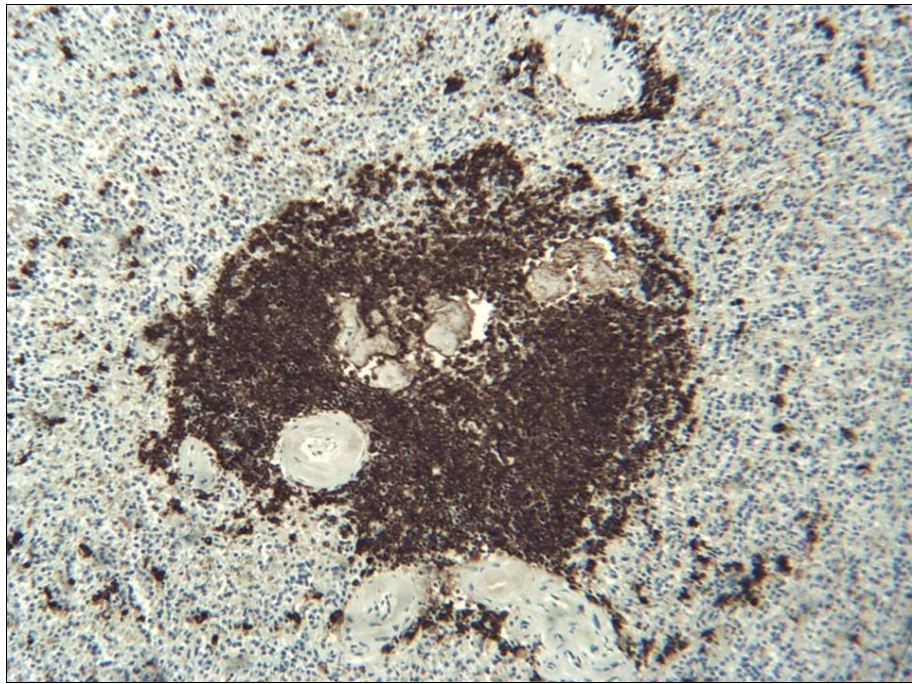

Рисунок 25 – В-зависимая зона - лимфоидный фолликул селезенки у пациента без COVID-19. Реакция с МКАТ против CD20. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 200$.

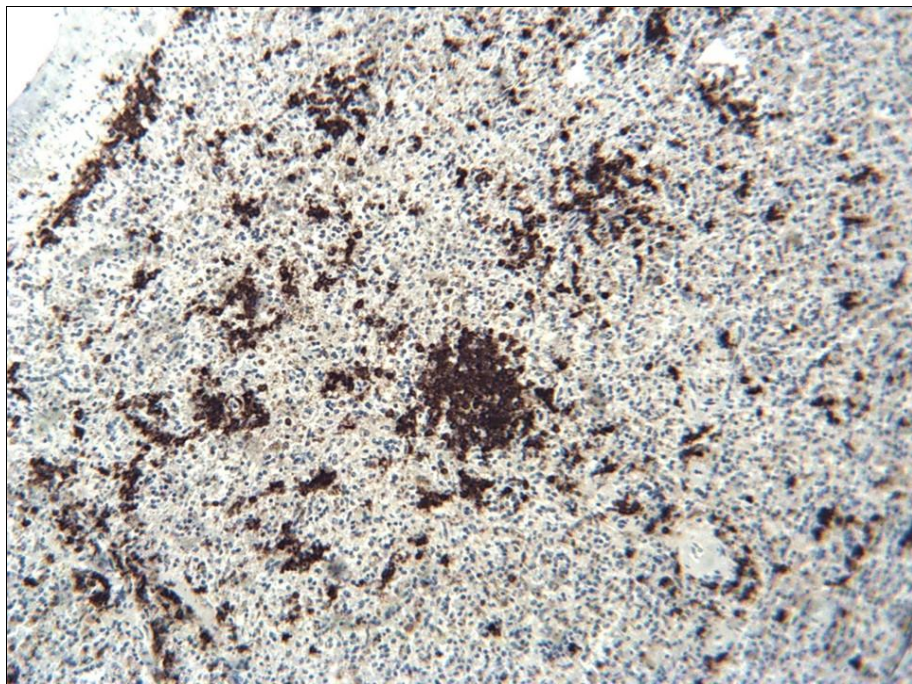

Рисунок 26 – Атрофия лимфоидного фолликула селезенки у пациента с COVID-19. Реакция с МКАТ против CD20. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 200$.

Рисунок 27 – CD68+ макрофаги в селезенке у пациента с COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 200$.

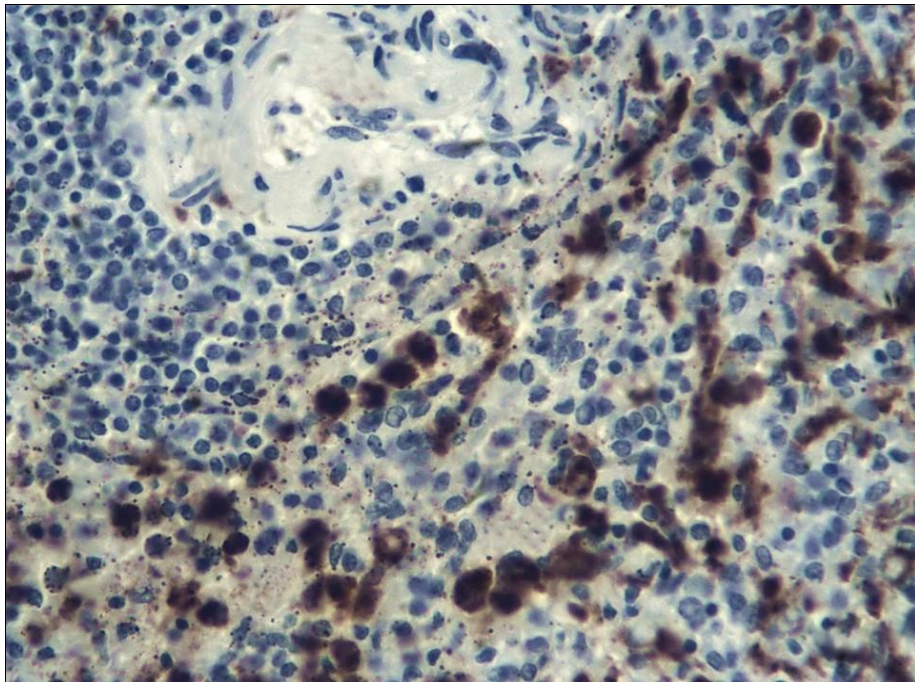

Рисунок 28 – Деталь рисунка 27. Увеличение $\times 400$.

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало, что у пациентов с тяжелым течением COVID-19 отмечается увеличение количества CD3+ Т- лимфоцитов в легочной ткани, число которых возросло в 2,8 раза.

Одновременно с этим, выявлено снижение в 1,7 раза площади Т- и В-зависимых зон белой пульпы селезенки по сравнению с пациентами без COVID-19, что указывает на формирование иммуносупрессии. При этом число CD3+ Т-лимфоцитов и CD20+ В-лимфоцитов в ткани селезенки уменьшалось в 2,7 и 1,4 раза, соответственно.

3.7 Частота развития бактериальных, грибковых и герпесвирусных инфекций у пациентов с COVID-19

Бактериальные инфекции у пациентов с COVID-19 регистрировались у 145 из 409 пациентов (35,4%): у 71 больного (17,3%) диагностирована инфекция мочевыводящих путей (ИМВП), в 65 случаях (15,9%) отмечалось развитие пневмонии, в 9 (2,2%) – сепсиса.

Инфекция мочевыводящих путей у 25 (35,2%) из 71 больного проявлялась развитием острого, в 36 случаях (50,7%) – обострением хронического пиелонефрита, в 10 случаях (14,1%) диагностирован острый цистит.

При бактериологическом исследовании мокроты у 16 пациентов с пневмонией был выделен *Streptococcus pneumoniae*, у 14 – *Klebsiella pneumoniae*, у пятерых – *Acinetobacter baumannii*. У 30 пациентов этиология пневмонии не установлена, диагноз в этих случаях был выставлен на основании клинико-лабораторных данных (наличие гнойной мокроты, лейкоцитоз и нейтрофилез в периферической крови), результатах КТ органов грудной клетки (очаги консолидации легочной ткани).

Сепсис во всех случаях был выставлен на основании развития синдрома системного воспалительного ответа и полиорганной недостаточности. Микроорганизм из крови был выделен у 5 из 8 пациентов: у троих – *Staphylococcus epidermidis*, у двух – *Enterococcus faecalis*.

Грибковые инфекции регистрировались у 72 пациентов (17,6%) из 409. У 5 пациентов (7%), длительно находившихся на ИВЛ, отмечался положительный ПЦР-тест на ДНК *Aspergillus fumigatus* в мокроте. В остальных 67 случаях (93%)

причиной грибковой инфекции была *Candida albicans*. У 19 пациентов наблюдались локализованные формы (орофарингеальный кандидоз), подтвержденные обнаружением роста *C. albicans* в смывах из ротоглотки, у 17 больных *C. albicans* обнаруживалась в мокроте. Кроме того, у 31 пациентки отмечались клинические проявления грибковой инфекции слизистых половых органов.

У 5 пациентов отмечалась активная герпетическая инфекция. В 4-х случаях причиной заболевания был вирус простого герпеса (ВПГ), в одном – цитомегаловирус (ЦМВ). Инфекция, обусловленная ВПГ, проявлялась в виде поражения слизистых оболочек ротоглотки и половых органов. У пациента с реактивацией ЦМВИ в крови обнаружены ДНК ЦМВ, IgM и IgG ЦМВ.

Было установлено, что бактериальные пневмонии, ИМВП и грибковые инфекции у пациентов с COVID-19 развивались чаще при лимфопении – в 7,1, 3,7 и 3,8 раза, соответственно (таблица 28). Развитие сепсиса отмечалось только у больных с лимфопенией.

Причем, как бактериальные, так и грибковые инфекции у пациентов с COVID-19 развивались, в основном, у пациентов с тяжелой лимфопенией (таблица 29). Обострение хронических герпесвирусных инфекции происходило достоверно чаще у пациентов с уровнем лимфоцитов в крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$.

Таблица 28 – Частота развития вторичных инфекций у пациентов с COVID-19 в зависимости от уровня лимфоцитов в крови

Вторичные инфекции	Пациенты с уровнем лимфоцитов $<1,0 \times 10^9/\text{л}$ (n = 282)	Пациенты с уровнем лимфоцитов $>1,0 \times 10^9/\text{л}$ (n = 127)	p
Бактериальные пневмонии (абс., %)	57 (20)	8 (6)	$\chi^2 = 19$; $p < 0,001$
Инфекции мочевыводящих путей (абс., %)	56 (20)	15 (12)	$\chi^2 = 3,9$; $p = 0,04$
Сепсис (абс., %)	9 (3)	0 (0)	$\chi^2 = 2$; $p = 0,1$
Грибковые инфекции (абс., %)	61 (22)	11 (9)	$\chi^2 = 10$; $p = 0,002$

Продолжение таблицы 28

Вторичные инфекции	Пациенты с уровнем лимфоцитов $<1,0 \times 10^9/\text{л}$ (n = 282)	Пациенты с уровнем лимфоцитов $>1,0 \times 10^9/\text{л}$ (n = 127)	p
Герпесвирусные инфекции (абс,%)	4 (4)	1 (1,5)	$\chi^2 = 0,02$; p=0,89

Таблица 29 – Частота развития вторичных инфекций у пациентов с COVID-19 с тяжелой лимфопенией

Вторичные инфекции	Количество лимфоцитов в крови, $\times 10^9/\text{л}$			p
	1) $< 0,5$ (n=80)	2) $0,5 - 1,0$ (n=202)	3) $> 1,0$ (n=127)	
Бактериальные пневмонии (абс., %)	35 (44)	22 (11)	8 (6)	$\chi^2_{1-2} = 38,4$; p<0,001 $\chi^2_{1-3} = 42$; p<0,001
Инфекции мочевыводящих путей (абс., %)	25 (31,3)	31 (15,3)	15 (12)	$\chi^2_{1-2} = 9$; p= 0,003 $\chi^2_{1-3} = 15,9$; p<0,001
Сепсис (абс., %)	7 (4)	2 (1)	0	$\chi^2_{1-2} = 11,1$; p<0,001
Грибковые инфекции (абс., %)	27 (34)	34 (17)	11 (9)	$\chi^2_{1-2} = 6,6$; p= 0,01 $\chi^2_{1-3} = 10,6$; p=0,002 $\chi^2_{2-3} = 1,2$; p=0,26
Герпесвирусные инфекции (абс,%)	3 (4)	1 (0,5)	1 (1,5)	$\chi^2_{1-2} = 4,3$; p=0,038 $\chi^2_{1-3} = 0,9$; p=0,3 $\chi^2_{2-3} = 1$; p=0,3

Была разработана прогностическая модель для определения вероятности бактериальных инфекций в зависимости возраста пациентов, от проведения ИВЛ, введения антицитокиновых препаратов, ГКС, количества лимфоцитов в периферической крови методом бинарной логистической регрессии. Число наблюдений составило 409. Наблюдаемая зависимость описывается уравнениями (2) и (3):

$$P = 1 / (1 + e^{-z}) \times 100\% \quad (2)$$

$$z = -0,750 + 0,121X_{\text{да}} + 0,121X_{\text{да}} + 0,440X_{\text{лимфоциты} < 1,0 \times 10^9/\text{л}} + 0,337X_{\text{да}} + 0,994X_{\text{лимфоциты} < 0,5 \times 10^9/\text{л}} + 0,121X_{\text{возраст} > 60 \text{ лет}}, \quad (3)$$

где P – оценка вероятности показателя 2, z – значение логистической функции, $X_{\text{да}}$ – ИВЛ (0 – нет, 1 – да), $X_{\text{да}}$ – прием антицитокиновых препаратов (0 – нет, 1 – да), $X_{\text{лимфоциты} < 1,0 \times 10^9/\text{л}}$ – Лимфоциты в ОАК, $\times 10^9/\text{л}$ _1 (0 – лимфоциты $> 1,0 \times 10^9/\text{л}$, 1 – лимфоциты $< 1,0 \times 10^9/\text{л}$), $X_{\text{да}}$ – прием ГКС (0 – нет, 1 – да), $X_{\text{лимфоциты} < 0,5 \times 10^9/\text{л}}$ – Лимфоциты в ОАК, $\times 10^9/\text{л}$ (0 – лимфоциты $> 0,5 \times 10^9/\text{л}$, 1 – лимфоциты $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$), $X_{\text{возраст} > 60 \text{ лет}}$ – Возраст_1 (0 – возраст < 60 лет, 1 – возраст > 60 лет).

Полученная регрессионная модель с точки зрения соответствия прогнозируемых значений наблюдаемым при включении предикторов по сравнению с моделью без предикторов не была статистически значимой ($p = 0,141$). Псевдо- R^2 Нагелкерка составил 18,6%.

При оценке количества лимфоцитов в периферической крови с порогом отсечения менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ вероятность развития бактериальной инфекции увеличивалась в 2,7 раза (таблица 30).

Графически полученные результаты сравнения представлены на рисунке 29.

Таблица 30 – Характеристики связи предикторов модели с шансами развития бактериальных инфекций у пациентов с COVID-19

Предикторы	Unadjusted		Adjusted	
	COR; 95% ДИ	p	AOR; 95% ДИ	p
Возраст > 60 лет	1,818; 0,979 – 3,377	0,058	1,129; 0,899 – 1,418	0,296
ИВЛ	1,818; 0,979 – 3,377	0,058	1,129; 0,899 – 1,418	0,296
Введение антицитокиновых препаратов	1,818; 0,979 – 3,377	0,058	1,129; 0,899 – 1,418	0,296
Введение ГКС	3,199; 1,669 – 6,129	$<0,001^*$	1,400; 0,552 – 3,557	0,479

Продолжение таблицы 30

Предикторы	Unadjusted		Adjusted	
	COR; 95% ДИ	p	AOR; 95% ДИ	p
Лимфоцитов в крови $< 1,0 \times 10^9/\text{л}$	3,822; 1,998 – 7,316	$<0,001^*$	1,552; 0,558 – 4,319	0,400
Лимфоцитов в крови $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$	4,194; 2,184 – 8,061	$<0,001^*$	2,703; 1,188 – 6,147	0,018*

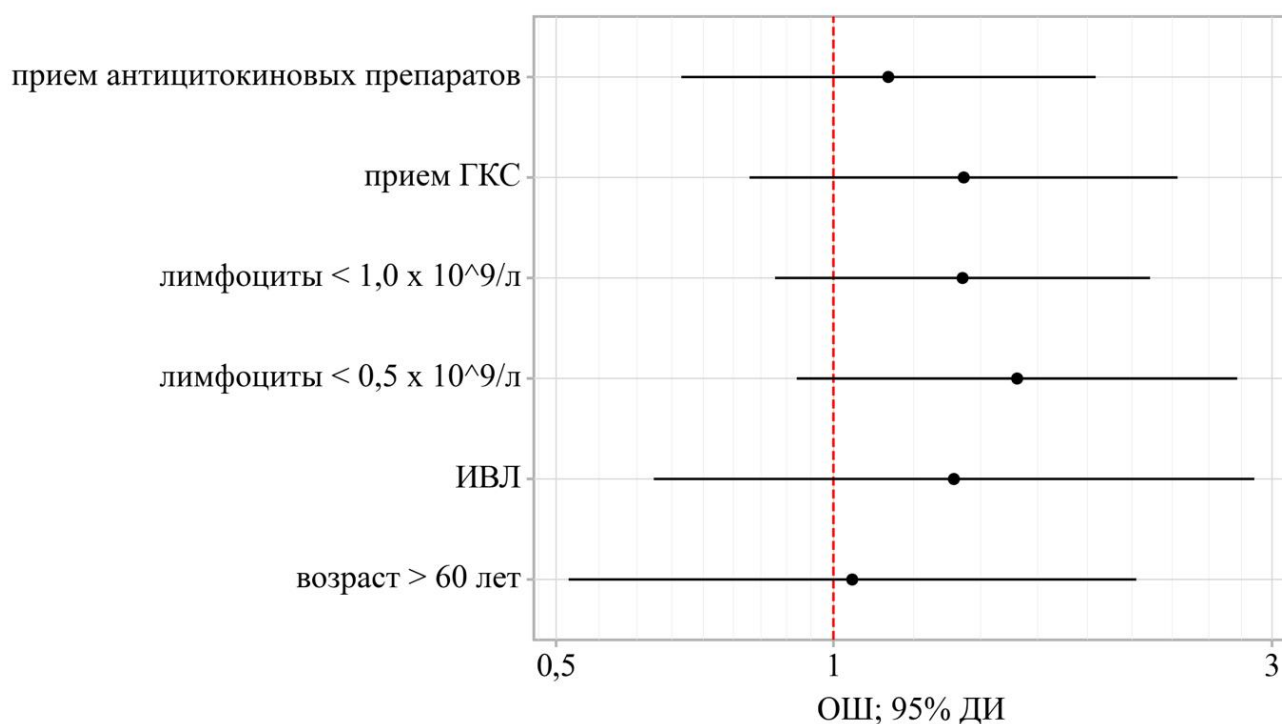

Рисунок 29 – Оценки отношения шансов (ОШ и 95% ДИ) для изучаемых предикторов бактериальных инфекций

При оценке зависимости вероятности развития вторичных бактериальных инфекций у пациентов с COVID-19 от значения логистической функции Р с помощью ROC-анализа (receiver operating characteristic) была получена следующая кривая (рисунок 30).

Оценка вероятности Р является статистически значимым предиктором бактериальных инфекций (AUC = 0,711; 95% ДИ: 0,634 – 0,788, $p < 0,001$).

Пороговое значение оценок вероятности P в точке cut-off, которому соответствовало наивысшее значение индекса Юдена, составило 0,591. Чувствительность и специфичность полученной прогностической модели составили 81,1% и 61,1%, соответственно.

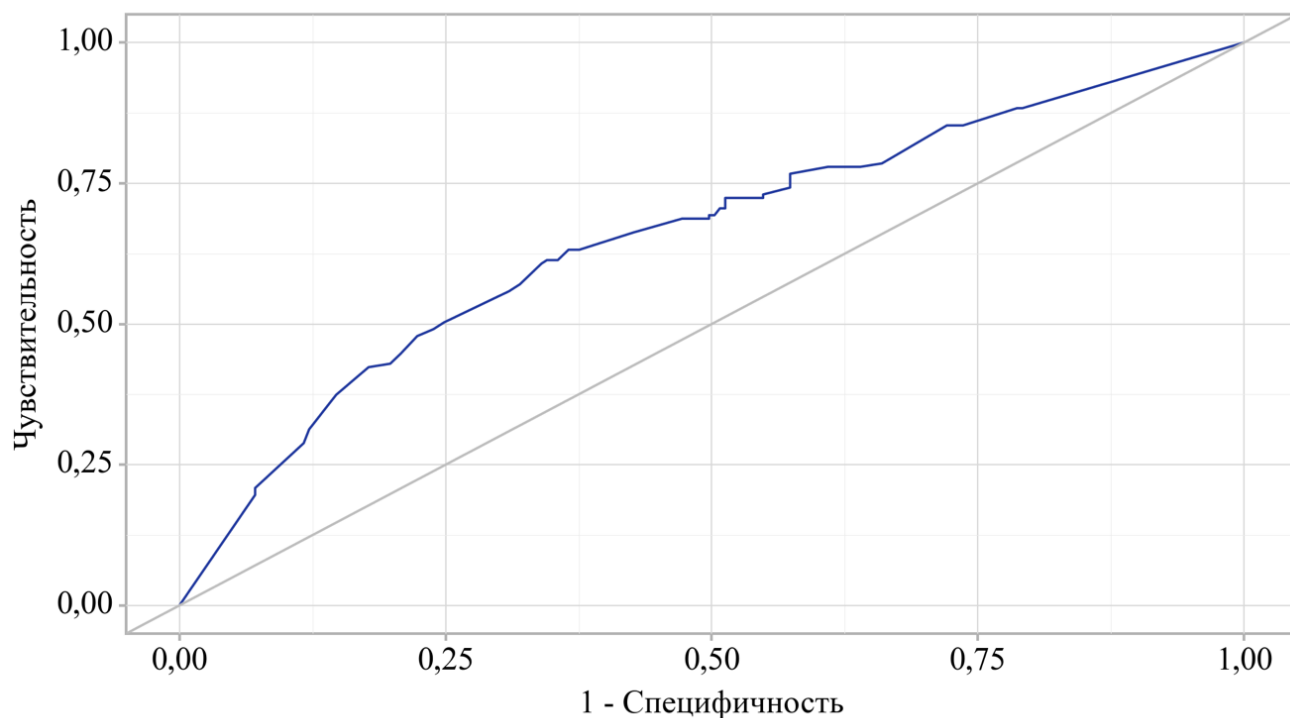

Рисунок 30 – ROC-кривая, характеризующая дискриминационную способность регрессионной модели при прогнозировании бактериальных инфекций

Была разработана прогностическая модель для определения вероятности развития грибковых инфекций у пациентов с COVID-19 в зависимости от возраста пациентов, проведения ИВЛ, введения антицитокиновых препаратов, ГКС, лимфопении методом бинарной логистической регрессии. Число наблюдений составило 360. Наблюдаемая зависимость описывается уравнениями (4) и (5):

$$P = 1 / (1 + e^{-z}) \times 100\% \quad (4)$$

$$z = -1,005 + 0,302X_{\text{да}} + 0,138X_{\text{да}} + 0,324X_{\text{лимфоциты} < 1,0 \times 10^9/\text{л}} + 0,327X_{\text{да}} + 0,460X_{\text{лимфоциты} < 0,5 \times 10^9/\text{л}} + 0,047X_{\text{возраст} > 60 \text{ лет}}, \quad (5)$$

где P – оценка вероятности показателя 2, z – значение логистической функции, $X_{\text{да}}$ – ИВЛ (0 – нет, 1 – да), $X_{\text{да}}$ – прием антицитокиновых препаратов (0

– нет, 1 – да), $X_{\text{лимфоциты} < 1,0 \times 10^9/\text{л}}$ – Лимфоциты в ОАК, $\times 10^9/\text{л}$ _1 (0 – лимфоциты $> 1,0 \times 10^9/\text{л}$, 1 – лимфоциты $< 1,0 \times 10^9/\text{л}$), $X_{\text{да}}$ – прием ГКС (0 – нет, 1 – да), $X_{\text{лимфоциты} < 0,5 \times 10^9/\text{л}}$ – Лимфоциты в ОАК, $\times 10^9/\text{л}$ (0 – лимфоциты $> 0,5 \times 10^9/\text{л}$, 1 – лимфоциты $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$), $X_{\text{возраст} > 60 \text{ лет}}$ – Возраст_1 (0 – возраст < 60 лет, 1 – возраст > 60 лет).

Полученная регрессионная модель с точки зрения соответствия прогнозируемых значений наблюдаемым при включении предикторов по сравнению с моделью без предикторов является статистически значимой ($p < 0,001$). Псевдо- R^2 Нагелкерка составил 9,3%. Характеристика связи предикторов модели с шансами развития грибковых инфекций представлены в таблице 31.

Таблица 31 – Характеристика связи предикторов модели с шансами развития грибковых инфекций

Предикторы	Unadjusted		Adjusted	
	COR; 95% ДИ	p	AOR; 95% ДИ	p
Возраст > 60 лет	2,049; 1,343 – 3,127	0,001*	1,049; 0,515 – 2,134	0,896
Проведение ИВЛ	2,154; 1,411 – 3,287	$< 0,001^*$	1,352; 0,638 – 2,866	0,431
Введение антицитокиновых препаратов	1,502; 0,987 – 2,286	0,057	1,148; 0,683 – 1,929	0,603
Введение ГКС	2,264; 1,481 – 3,459	$< 0,001^*$	1,386; 0,811 – 2,368	0,232
Лимфоцитов в крови $< 1,0 \times 10^9/\text{л}$	1,944; 1,270 – 2,974	0,002*	1,382; 0,864 – 2,210	0,177
Лимфоцитов в крови $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$	2,466; 1,606 – 3,785	$< 0,001^*$	1,584; 0,913 – 2,748	0,102

Графически полученные результаты сравнения представлены на рисунке 31.

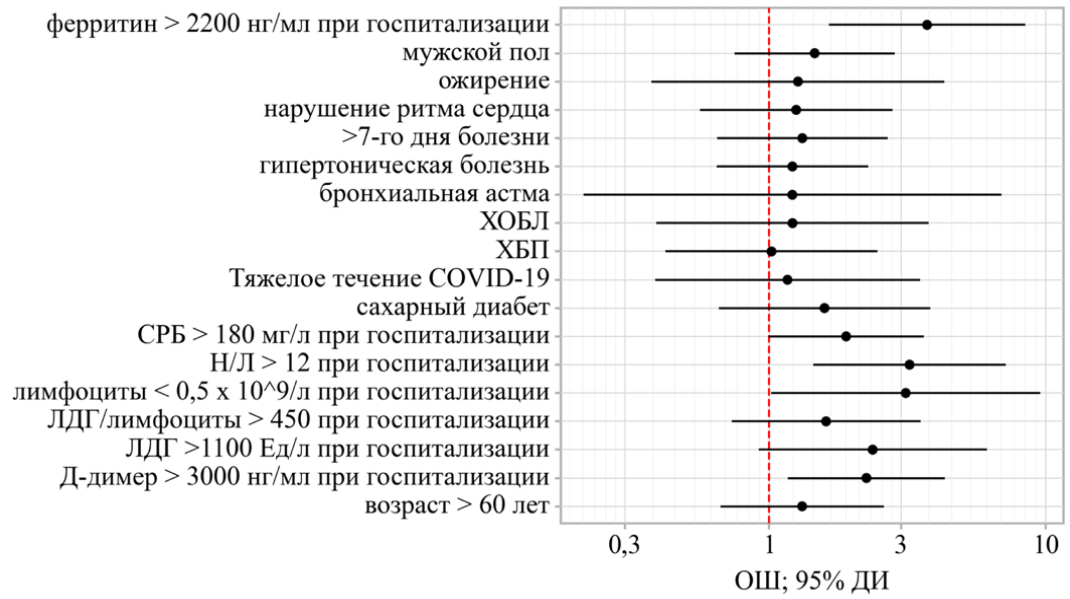

Рисунок 31 – Оценки отношения шансов с 95% ДИ для изучаемых предикторов грибковых инфекций

При оценке дискриминационной способности регрессионной модели с помощью ROC-анализа была получена следующая кривая (рисунок 32).

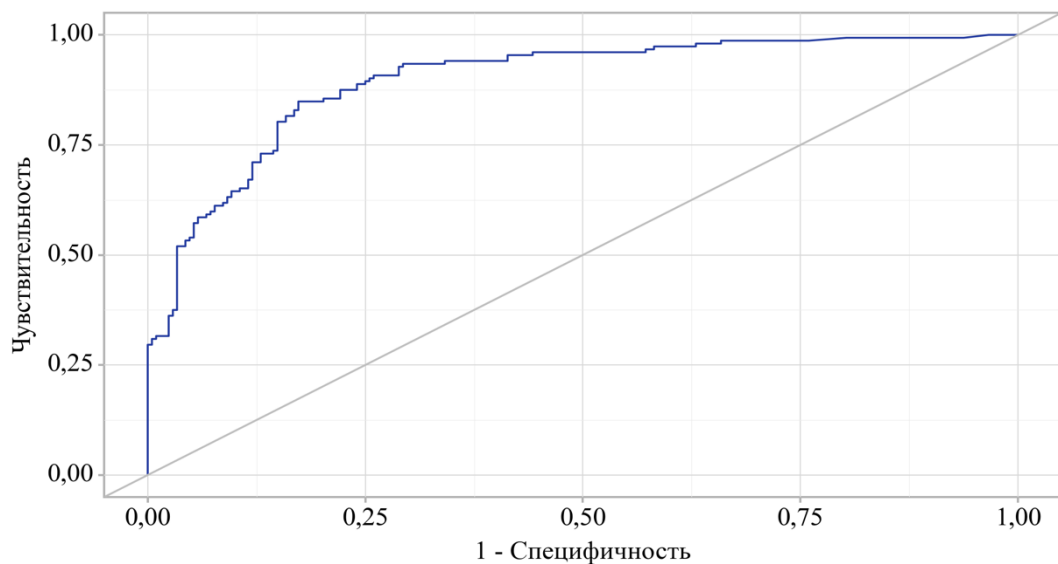

Рисунок 32 – ROC-кривая, характеризующая дискриминационную способность регрессионной модели при прогнозировании грибковых инфекций

Оценка вероятности Р является статистически значимым предиктором грибковых инфекций ($AUC = 0,656$; 95% ДИ: $0,599 - 0,713$, $p < 0,001$).

Пороговое значение оценок вероятности Р в точке cut-off, которому соответствовало наивысшее значение индекса Юдена, составило 0,480. Чувствительность и специфичность полученной прогностической модели составили 61,3% и 65,5%, соответственно.

Таким образом, по результатам многофакторного анализа было установлено, что снижение в крови абсолютного числа лимфоцитов у пациентов с COVID-19 в 2,7 раза увеличивает вероятность развития вторичных бактериальных инфекций.

3.8 Предикторы летальности при коронавирусной инфекции COVID-19

Монофакторный анализ. Для проведения данного исследования больные были разделены на 2 группы: первую составили 279 человек, у которых заболевание завершилось выздоровлением, вторую – 130 пациентов с летальным исходом.

Для оценки прогноза заболевания учитывались следующие показатели крови: абсолютное количество лейкоцитов, нейтрофилов, лимфоцитов, индекс Н/Л, активность ЛДГ, уровень СРБ, ферритина и Д-димера. Анализ изучаемых параметров проводился в день госпитализации и перед исходом заболевания.

При госпитализации медианы значений нейтрофилов, индекса Н/Л, СРБ, ферритина, ЛДГ и Д-димера в крови среди умерших пациентов были статистически значимо выше, чем среди выживших (таблица 32). Количество лимфоцитов периферической крови в группе умерших, наоборот, было ниже ($p=0,001$). Статистической разницы между значениями лейкоцитов в сравниваемых группах не выявлено.

Таблица 32 – Маркеры воспаления в крови у пациентов с COVID-19 (Ме, МКР) при госпитализации

Параметры	Выжившие (n=279)	Умершие (n=130)	<i>p</i> -значение
Лейкоциты, $\times 10^9/\text{л}$	7,06 [6,4 – 7,7]	7,95 [4,53 – 11]	0,5
Нейтрофилы, $\times 10^9/\text{л}$	4,9 [3,6 – 6,4]	6,1 [3,2 – 10,6]	0,02
Лимфоциты, $\times 10^9/\text{л}$	0,9 [0,6 – 1,3]	0,7 [0,5 – 1,1]	0,001
Индекс Н/Л	4,2 [2,7 – 6,7]	8,1 [3,3 – 16,9]	<0,0001
СРБ, мг/л	50,3 [22,9 – 116,1]	124,9 [92,5 – 202,1]	<0,001
Ферритин, нг/мл	264,5 [93,70 – 505,6]	584,7 [309,3 – 1549,0]	<0,001
ЛДГ, ЕД/л	248,0 [204,1 – 345,6]	356,3 [281,9 – 569,0]	0,001
Д-димер, нг/мл	368,0 [150,2 – 731,2]	1552 [406 - 3698]	<0,001

В финале заболевания медианы значений лейкоцитов, нейтрофилов, индекса Н/Л, СРБ, ферритина и Д-димера в группе умерших пациентов были статистически значимо выше по сравнению с аналогичными показателями группы сравнения. Наиболее выраженными различия были по Д-димеру, СРБ и индексу Н/Л, медианы которых среди умерших были выше по сравнению с выжившими в 20,3, 19,7 и 3,3 раза, соответственно. Медиана лимфоцитов была в 2,6 раза ниже в группе умерших пациентов. Результаты анализа представлены в таблице 33.

Таблица 33 – Маркеры воспаления в крови у пациентов с COVID-19 (Ме, МКР) в финале заболевания

Параметры	Выжившие (n=279)	Умершие (n=130)	<i>p</i> -значение
Лейкоциты, $\times 10^9/\text{л}$	7,3 [5,8 – 9,0]	11,6 [6,5 – 19,5]	0,001
Нейтрофилы, $\times 10^9/\text{л}$	5,2 [3,2 – 6,6]	10,8 [4,8 – 17,5]	<0,001

Продолжение таблицы 33

Параметры	Выжившие (n=279)	Умершие (n=130)	p- значение
Лимфоциты, × 10 ⁹ /л	1,6 [0,9 – 2,4]	0,6 [0,3 – 0,9]	<0,001
Индекс Н/Л	3,2 [1,76 – 8,8]	10,5 [1,9 – 28,3]	<0,001
СРБ, мг/л	3,0 [1,0 – 7,0]	59,1 [6,5 – 151,9]	<0,001
Ферритин, нг/мл	402,1 [213,3 – 532,7]	1047,0 [511,6 – 2485,7]	<0,001
ЛДГ, Ед/л	248,6 [210,8 – 351,7]	546,7 [360,9 – 780,7]	<0,001
Д-димер, нг/мл	273,5 [97,0 – 606,0]	5552,0 [1581,2 – 9612,0]	<0,001

Далее проведена оценка операционных характеристик изучаемых показателей при госпитализации и в исходе заболевания для определения риска летального исхода. При госпитализации наибольшая чувствительность была характерна для ЛДГ с порогом отсечения выше 1100 ЕД/л (88%) с PPV, составившим 89%. Наибольшую специфичность демонстрировали Д-димер > 3000 нг/мл (99%) и СРБ > 180 мг/л (97%), PPV для которых составило 97 и 85%, соответственно.

В исходе заболевания наибольшую чувствительность демонстрировал Д-димер (95%), уровень которого в крови выше 3000 ЕД/л ассоциировался с увеличением риска летального исхода (OR) в 10,3 раза. Наибольшей специфичностью обладали Д-димер > 3000 нг/мл (99%), лимфоциты в крови < 0,5×10⁹/л и ферритин > 2200 нг/мл (95%). Причем, наибольшее положительное прогностическое значение демонстрировали Д-димер (97,5%) и ферритин (92%). При этом, положительные результаты теста (LR+) на Д-димер, ферритин и лимфоциты были максимально правдоподобны, составившие 95, 23,2 и 22, соответственно, что позволяет рассматривать их как достаточно надежные. Результаты оценки операционных характеристик изучаемых показателей представлены в таблице 34.

Таблица 34 – Биомаркеры воспаления при госпитализации и риск летальности при коронавирусной инфекции COVID-19

Показатель	Порог отсечения	Период заболевания	Se	Sp	PPV	NPV	LR+	LR-	OR 95% ДИ	<i>p</i>
СРБ	> 180мг/л	при госпитализации	84	97	85	86	28	0,2	9,2 [4,9 – 19,3]	<0,05
		перед исходом	92	95	88	90	30,6	0,08	82,8 [37,8– 186]	<0,05
Ферритин	> 2200нг/мл	при госпитализации	85	94	93	87	14	0,2	58,6 [30 – 113]	<0,05
		перед исходом	93	96	92	94	23,25	0,2	112,9[52– 243]	<0,05
ЛДГ	> 1100 Ед/л	при госпитализации	88	92	89	90	11	0,13	31 [15,7 – 59]	<0,05
		перед исходом	91	92	83	91	10,1	0,2	36 [19,8– 81]	<0,05
Лимфоциты	< 0,5 × 10 ⁹ /л	при госпитализации	87	94	84	90	12,8	0,2	43 [25,8 – 90,9]	<0,05
		перед исходом	93	96	90	93	22	0,14	122,8 [58– 259,86]	<0,05
Индекс Н/Л	> 12	при госпитализации	83	88	92	89	5	0,2	38 [19,2 – 74]	<0,05
		перед исходом	87	90	97	85	7	0,14	81[39,7– 165]	<0,05
Д-димер	> 3000 нг/мл	при госпитализации	83	99	97	92	83	0,17	3,7 [1,8 – 7,4]	<0,05
		перед исходом	95	99	97,5	98	95	0,05	10,3 [4,6 – 23,3]	<0,05

Примечание – *OR* – отношение шансов, *PPV* –прогностическое значение положительного результата теста, *NPV* –прогностическое значение отрицательного результата теста, *Se* – чувствительность теста, *Sp* – специфичность теста, *LR+*–отношение правдоподобия положительного результата теста, *LR-* – отношение правдоподобия отрицательного результата теста, *p* – уровень статистической значимости

Многофакторный анализ. Учитывая, что на исход заболевания может влиять не только отдельно взятый лабораторный показатель, но и коморбидная патология, был проведен многофакторный анализ.

Была разработана прогностическая модель для определения вероятности исхода заболевания в зависимости от пола, возраста пациентов, дня болезни при госпитализации, тяжести течения COVID-19, наличия гипертонической болезни, ожирения, сахарного диабета, ХОБЛ, ХБП, нарушений ритма сердца, бронхиальной астмы, абсолютного количества лимфоцитов в крови, уровня СРБ, ферритина, ЛДГ, Д-димера, индексов Н/Л и ЛДГ/лимфоциты при госпитализации методом бинарной логистической регрессии. Число наблюдений составило 360. Наблюдаемая зависимость описывается уравнениями (6) и (7):

$$P = 1 / (1 + e^{-z}) \times 100\% \quad (6)$$

$$z = -3,087 + 0,379X_{\text{мужской}} + 1,137X_{< 0,5 \times 10^9/\text{л}} + 0,275X_{> 7\text{-го дня болезни}} + 0,152X_{\text{да}} + 0,193X_{\text{наличие}} + 0,239X_{\text{наличие}} + 0,460X_{\text{наличие}} + 0,640X_{> 180 \text{ мг/л}} + 0,194X_{\text{наличие}} + 0,019X_{\text{наличие}} + 0,224X_{\text{наличие}} + 0,193X_{\text{наличие}} + 1,169X_{\text{Н/Л} > 12} + 0,473X_{> 450} + 1,315X_{> 2200 \text{ нг/мл}} + 0,862X_{> 1100 \text{ Ед/л}} + 0,809X_{> 3000 \text{ нг/мл}} + 0,274X_{\text{возраст} > 60 \text{ лет}}, \quad (7)$$

где P – оценка вероятности летального исхода, z – значение логистической функции, $X_{\text{мужской}}$ – пол (0 – женский, 1 – мужской), $X_{< 0,5 \times 10^9/\text{л}}$ – лимфоциты при госпитализации (0 – $> 0,5 \times 10^9/\text{л}$, 1 – $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$), $X_{> 7\text{-го дня болезни}}$ – день болезни при поступлении (0 – $< 7\text{-го дня болезни}$, 1 – $> 7\text{-го дня болезни}$), $X_{\text{да}}$ – тяжелое течение COVID-19 (0 – нет, 1 – да), $X_{\text{наличие}}$ – гипертоническая болезнь (0 – отсутствие, 1 – наличие), $X_{\text{наличие}}$ – ожирение (0 – отсутствие, 1 – наличие), $X_{\text{наличие}}$ – сахарный диабет (0 – отсутствие, 1 – наличие), $X_{> 180 \text{ мг/л}}$ – СРБ при госпитализации (0 – $< 180 \text{ мг/л}$, 1 – $> 180 \text{ мг/л}$), $X_{\text{наличие}}$ – ХОБЛ (0 – отсутствие, 1 – наличие), $X_{\text{наличие}}$ – ХБП (0 – отсутствие, 1 – наличие), $X_{\text{наличие}}$ – нарушения ритма сердца (0 – отсутствие, 1 – наличие), $X_{\text{наличие}}$ – бронхиальная астма_1 (0 – отсутствие, 1 – наличие), $X_{\text{Н/Л} > 12}$ – Н/Л при госпитализации (0 – $\text{Н/Л} < 12$, 1 – $\text{Н/Л} > 12$), $X_{> 450}$ – ЛДГ/лимфоциты при госпитализации (0 – < 450 , 1 – > 450), $X_{> 2200 \text{ нг/мл}}$ – ферритин при госпитализации (0 – $< 2200 \text{ нг/мл}$, 1 – $> 2200 \text{ нг/мл}$), $X_{> 1100 \text{ Ед/л}}$ – ЛДГ при госпитализации (0 – $< 1100 \text{ Ед/л}$, 1 – $> 1100 \text{ Ед/л}$), $X_{> 3000 \text{ нг/мл}}$ – Д-димер

при госпитализации (0 – < 3000 нг/мл, 1 – > 3000 нг/мл), $X_{\text{возраст} > 60 \text{ лет}}$ – возраст пациента (0 – возраст < 60 лет, 1 – возраст > 60 лет).

Полученная регрессионная модель с точки зрения соответствия прогнозируемых значений наблюдаемым при включении предикторов по сравнению с моделью без предикторов является статистически значимой ($p < 0,001$). Псевдо- R^2 Нагелкерка составил 56,8%. Результаты анализа приведены в таблице 35.

Таблица 35 – Характеристики связи предикторов модели с шансами выявления исхода заболевания

Предикторы	Unadjusted		Adjusted	
	COR; 95% ДИ	p	AOR; 95% ДИ	p
Возраст > 60 лет	2,505; 1,631 – 3,850	<0,001	1,315; 0,666 – 2,596	0,431
Мужской пол	1,941; 1,262 – 2,986	0,003	1,460; 0,749 – 2,846	0,266
День болезни при госпитализации > 7	1,953; 1,240 – 3,074	0,004	1,317; 0,647 – 2,678	0,448
Тяжелое течение COVID-19	7,926; 4,928 – 12,743	<0,001	1,164; 0,386 – 3,508	0,787
Гипертоническая болезнь	1,323; 0,868 – 2,016	0,193	1,213; 0,645 – 2,282	0,550
Ожирение	1,274; 0,547 – 2,971	0,575	1,270; 0,375 – 4,306	0,701
Сахарный диабет	2,968; 1,659 – 5,312	<0,001	1,584; 0,656 – 3,823	0,306
СРБ при госпитализации > 180 мг/л	4,895; 3,111 – 7,698	<0,001	1,897; 0,992 – 3,629	0,053
ХОБЛ	1,296; 0,591 – 2,843	0,518	1,214; 0,390 – 3,781	0,738
ХБП	2,246; 1,202 – 4,195	0,011	1,019; 0,422 – 2,460	0,967
Нарушения ритма сердца	1,651; 0,995 – 2,740	0,053	1,251; 0,562 – 2,790	0,583
Бронхиальная астма	1,097; 0,290 – 4,158	0,891	1,212; 0,213 – 6,910	0,828

Продолжение таблицы 35

Предикторы	Unadjusted		Adjusted	
	COR; 95% ДИ	p	AOR; 95% ДИ	p
Лимфоциты крови при госпитализации $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$	9,925; 6,092 – 16,167	$< 0,001$	3,117; 1,014 – 9,583	0,047
Н/Л при госпитализации > 12	13,690; 7,501 – 24,978	$< 0,001$	3,217; 1,443 – 7,178	0,004
Ферритин при госпитализации $> 2200 \text{ нг/мл}$	9,108; 4,918 – 16,878	$< 0,001$	3,725; 1,644 – 8,440	0,002
ЛДГ при госпитализации $> 1100 \text{ Ед/л}$	8,016; 3,991 – 16,103	$< 0,001$	2,367; 0,915 – 6,123	0,076
Д-димер при госпитализации : $> 3000 \text{ нг/мл}$	4,583; 2,907 – 7,228	$< 0,001$	2,246; 1,168 – 4,323	0,015
ЛДГ/лимфоциты при госпитализации: > 450	10,715; 6,392 – 17,957	$< 0,001$	1,605; 0,731 – 3,529	0,239

Было установлено, что у пациентов с уровнем лимфоцитов в крови $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$ вероятность летального исхода возрастает в 3,117 раза, при показателях Н/Л > 12 – в 3,217 раза, при концентрации ферритина в крови $> 2200 \text{ нг/мл}$ – в 3,725 раза, Д-димера $> 3000 \text{ нг/мл}$ – в 2,246 раза. Графически полученные результаты сравнения представлены на рисунке 33.

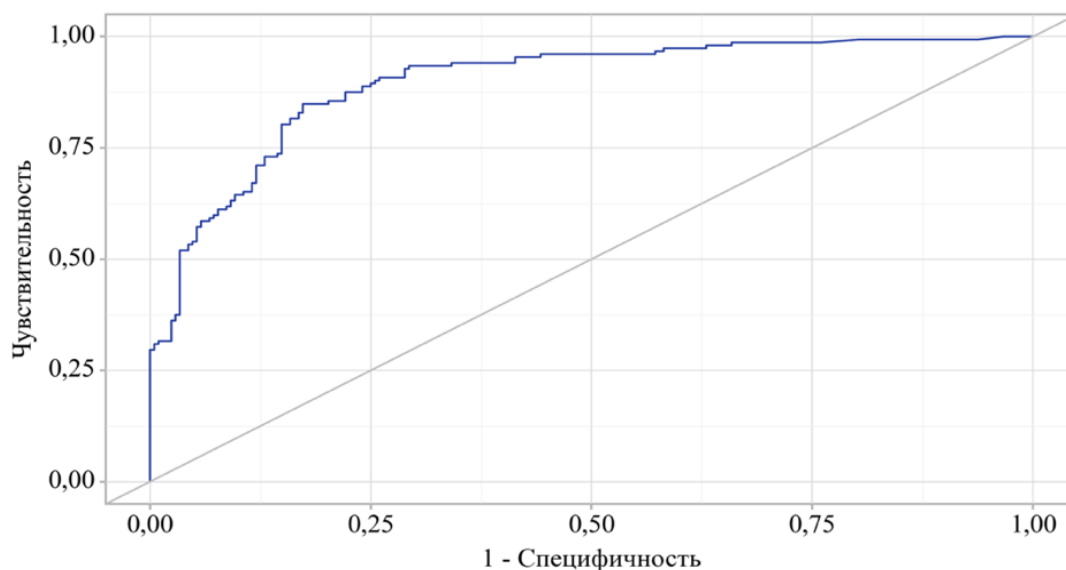

Рисунок 33 – Оценки отношения шансов с 95% ДИ для изучаемых предикторов
исхода заболевания

При оценке зависимости вероятности исхода от значения логистической функции P с помощью ROC-анализа была получена следующая кривая (рисунок 34). Площадь под ROC-кривой составила 0,897, 95% ДИ: 0,861–0,932. Полученная модель была статистически значимой ($p < 0,001$). Пороговое значение оценок вероятности P в точке cut-off, которому соответствовало наивысшее значение индекса Юдена, составило 0,32. Летальность прогнозировалось при значении оценок вероятности P выше данной величины или равном ей. Чувствительность и специфичность полученной прогностической модели составили 84,9% и 82,7%, соответственно.

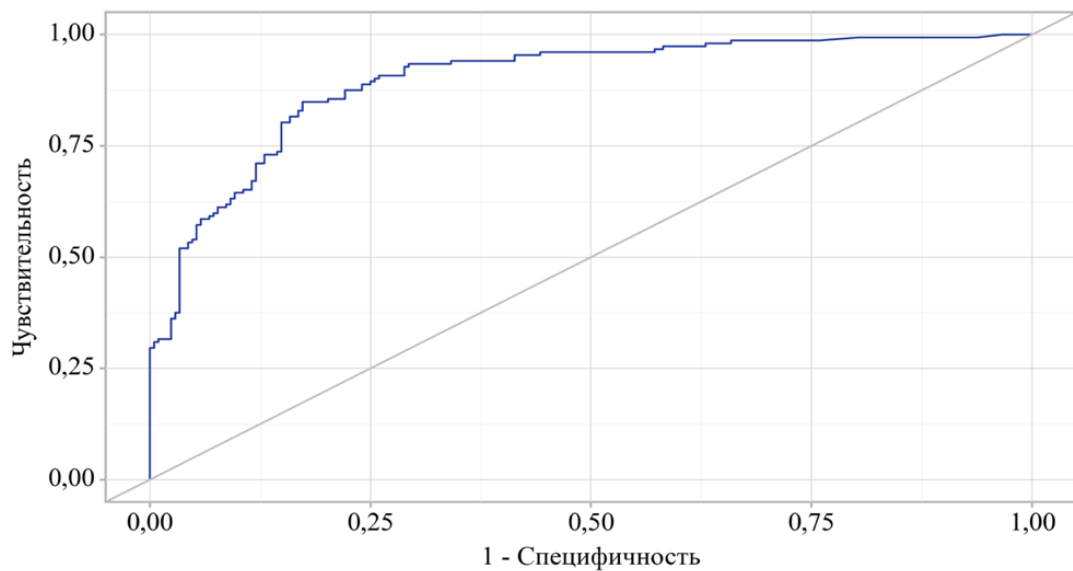

Рисунок 34 – ROC-кривая, характеризующая дискриминационную способность регрессионной модели при прогнозировании исхода заболевания

Таким образом, результаты многофакторного анализа показали, что уровень ферритина в крови $> 2200 \text{ нг/мл}$, Д-димера $> 3000 \text{ нг/мл}$, индекс Н/Л > 12 , абсолютное количество лимфоцитов $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$ являются клинически значимыми предикторами летального исхода у пациентов с COVID-19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 сопровождалась высокой частотой развития тяжелых форм заболевания и значительной летальностью. Одним из наиболее частых гематологических отклонений, отмечавшихся среди госпитализированных с COVID-19 пациентов, была лимфопения, регистрировавшаяся, в среднем, у 63% пациентов с COVID-19 [84], в т.ч. в 44,6% случаях легкого варианта течения и 72-82,1% при тяжелом течении [186]. Клиническое значение лимфопении при инфекционных заболеваниях традиционно ассоциируется с увеличением вероятности развития оппортунистических инфекций – бактериальных, грибковых, герпесвирусных. Классическим примером является ВИЧ-инфекция, при которой основная причина снижения числа лимфоцитов крови – репликация вируса в CD4-лимфоцитах, а клинически значимая лимфопения формируется постепенно в течение нескольких лет. При COVID-19 лимфопения развивается достаточно быстро и регистрируется уже в периоде разгара клинических проявлений – в конце первой недели заболевания. Каковы причины, продолжительность и выраженность снижения количества лимфоцитов у пациентов с COVID-19? Имеет ли это снижение клиническое значение или носит транзиторный характер?

В проведенном исследовании снижение абсолютного числа лимфоцитов крови менее $1,0 \times 10^9/\text{л}$ выявлено у 282 из 409 больных с COVID-19 (69%). Лимфопения при госпитализации в 1,5 раза чаще отмечалась при тяжелом течении COVID-19 ($p < 0,001$), при этом в 38,5% случаев регистрировалось снижение числа лимфоцитов менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$, что в 3,8 раза было чаще по сравнению со среднетяжелым течением заболевания ($p < 0,001$).

Продолжительность лимфопении коррелировала с тяжестью заболевания: у пациентов с тяжелым течением лимфопения более 7 дней регистрировалась в 1,8 раза чаще, чем при среднетяжелом течении ($p < 0,001$).

В финале заболевания сниженный уровень числа лимфоцитов в крови менее $1,0 \times 10^9/\text{л}$ отмечался у 38% пациентов со среднетяжелым течением и у 66% больных с тяжелым течением заболевания. Наиболее выраженная лимфопения отмечалась у пациентов с объемом поражения легких более 50% (КТ-3 и КТ-4), у которых медиана лимфоцитов была статистически меньше, чем у больных с КТ-1. В финале заболевания число лимфоцитов в крови у больных с КТ-4 было в 1,9 раза меньше, чем при КТ-1. Для определения выраженности поражения легочной ткани проведена оценка содержания в крови фермента ЛДГ, уровень которого был максимальным при КТ3 и КТ-4.

Установлено, что степень выраженности лимфопении коррелировала с исходом заболевания. Снижение абсолютного числа лимфоцитов в периферической крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ как при госпитализации, так и в финале заболевания в 2,9 раза чаще регистрировалось среди умерших. Обращало внимание увеличение при госпитализации средних значений гематологических индексов Н/Л и ЛДГ/Л среди умерших пациентов по сравнению с выжившими в 1,9 раза. Наиболее выраженным это увеличение наблюдалось в финале заболевания – индексы Н/Л и ЛДГ/Л среди умерших пациентов повышались в 4,8 и 3,2 раза, соответственно.

Одним из ключевых патологических процессов, происходящих при тяжелых формах COVID-19 является нарастание воспалительного процесса, развивающееся вследствие активации клеток врожденного иммунитета (моноцитов, макрофагов, дендритных клеток и нейтрофилов). Влияет ли выраженность воспалительного процесса на снижение числа лимфоцитов в крови? Проведено определение содержания в крови провоспалительных цитокинов – ФНО-альфа, ИЛ-2, ИЛ-6 и ГМ-КСФ. Исследование выполнено в остром периоде заболевания. Уровень всех четырех цитокинов в крови ожидаемо был повышен. При этом наиболее выраженное повышение демонстрировал ИЛ-6, медиана которого превышала аналогичный показатель в группе контроля в 122 раза. Содержание в сыворотке крови ФНО-альфа и ГМ-КСФ превышало значения контрольной группы в 6,4 и 4,8 раза соответственно. Медиана ИЛ-2 превышала

показатель группы контроля в 4,7 раза. Концентрации ФНО-альфа и ИЛ-6 коррелировали с объемом поражения легких: при КТ-3-4 медианы значений ФНО-альфа и ИЛ-6 были выше, чем аналогичные показатели у пациентов с КТ-2 в 2,6 и 2,3 раза, соответственно ($p < 0,05$). По двум другим цитокинам (ИЛ-2 и ГМ-КСФ) подобных различий не выявлено. Следует отметить, что факт повышения в крови ИЛ-6 и других провоспалительных цитокинов при COVID-19 хорошо известный [47]. Ключевой вопрос – влияет ли это повышение на развитие лимфопении?

Был проведен корреляционный анализ показателей основных воспалительных маркеров (СРБ, ферритин, ЛДГ, ИЛ-6, индекс Н/Л) и тромбообразования (Д-димер) с абсолютным количеством лимфоцитов венозной крови у пациентов с COVID-19. Корреляционный анализ выявил наличие достоверной отрицательной связи между показателями всех маркеров воспаления и уровнем лимфоцитов в крови ($p < 0,05$). Чем выше были показатели маркеров воспаления, тем более низкий уровень лимфоцитов отмечался у пациентов с COVID-19. Ранее, Giamarellos-Bourboulis E.J. с коллегами, у пациентов COVID-19 установили обратную корреляционную связь между концентрацией ИЛ-6 и абсолютным числом лимфоцитов в крови [165]. В исследовании корреляция между ИЛ-6 и лимфопенией была низкой ($r = -0,3$). Сильную корреляционную связь с лимфопенией демонстрировал уровень индекса Н/Л ($r = -0,8$), умеренно выраженную – ЛДГ ($r = -0,6$). Таким образом, степень лимфопении у пациентов с COVID-19 коррелирует с выраженностью воспалительной реакции организма: наиболее значимая корреляционная связь установлена между лимфоцитами с показателями индекса Н/Л и ЛДГ. Выявленная сильная корреляционная связь уровня Д-димера с лимфопенией свидетельствует о том, что причиной снижения лимфоцитов в крови у пациентов с COVID-19 является потребление их в процессе тромбообразования. Исследования, проведенные по изучению состава тромбов у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями, показали, что лимфоциты являются одними из их структурных компонентов [70, 285].

Другой потенциальной причиной снижения числа лимфоцитов в крови может быть активация процесса апоптоза. Ещё в 2002 г. в эксперименте *in vitro*

было показано, что ФНО-альфа может индуцировать апоптоз Т-лимфоцитов человека [143], а ИЛ-1 β и ИЛ-6 могут способствовать активации проапоптотического Fas-рецептора [132].

Определение выраженности апоптоза проведено однократно в остром периоде COVID-19. Было установлено, что острый период заболевания протекает на фоне усиления активности апоптоза лимфоцитов периферической крови. Медиана изучаемого показателя у пациентов с COVID-19 составила 30%, что в 2,3 раза превышала аналогичный показатель группы сравнения – 13% ($p=0,0001$). У 32 пациентов (42%) количество подвергшихся апоптозу лимфоцитов было выше показателей контроля в среднем в 1,5 раза, у 18 пациентов (24%) – в 2,5 раза, еще у 25 пациентов (33%) – в 4 раза. Выраженность апоптоза лимфоцитов коррелировала с тяжестью заболевания: медиана показателя у пациентов с тяжёлыми формами COVID-19 была в 2 раза выше, чем при среднетяжелых формах ($p=0,0001$). Полученные данные коррелируют с данными других исследователей, показавших, что тяжелые формы COVID-19 сопровождаются активацией апоптоза лимфоцитов [54, 55]. Далее была установлена прямая корреляционная связь показателя апоптоза лимфоцитов с уровнем ферритина в крови (коэффициент Спирмена = 0,5; $p=0,0001$). Корреляционной связи показателя апоптоза лимфоцитов с уровнем СРБ не выявлено. Установлено, что активность апоптоза лимфоцитов в группе умерших от COVID-19 пациентов была значимо выше, чем в группе выживших ($p=0,009$). Апоптоз лимфоцитов выше 50% у пациентов с COVID-19 ассоциируется с риском летального исхода ($p=0,02$). Риск летального исхода (ОШ) при этом возрастал в 6,7 раза. Таким образом, проведенное исследование доказывает, что апоптоз является значимой причиной развития лимфопении у пациентов с COVID-19.

Следующей возможной причиной лимфопении у пациентов с COVID-19 представляется перераспределение лимфоцитов – миграция из кровотока в легкие (орган-мишень при COVID-19). Поскольку лимфоциты непрерывно мигрируют по вторичным лимфоидным и другим органам (легкие, печень, почки и др.), можно предположить, что при тяжелом течении COVID-19 происходит

перераспределение этих клеток – миграция в легочную ткань из крови и из органов иммунной системы [134]. Насколько выраженным является этот феномен и становится ли он причиной иммуносупрессии? Для подтверждения данного предположения было проведено морфологическое исследование легочной ткани и селезенки у 17 пациентов, умерших от COVID-19.

Как известно, основным морфологическим проявлением поражения легочной ткани при COVID-19 является диффузное альвеолярное повреждение (ДАП) в сочетании с вовлечением в патологический процесс сосудистого русла легких и альвеолярно-геморрагическим синдромом [19]. В своем развитии ДАП проходит три стадии: экссудативную, пролиферативную и фибротическую [5]. Изучались первые две стадии и было установлено, что, по сравнению с группой сравнения, происходит увеличение количества CD3+ Т-лимфоцитов и CD68+ макрофагов при относительно стабильном содержании CD20+ В-лимфоцитов. Полученные результаты согласуются с исследованием отечественных авторов, в котором было показано, что в ответ на внедрение SARS-CoV-2 в экссудативной и пролиферативной стадиях преобладают реакции Т-клеточного иммунитета [5]. При этом авторы указывают на количественное превалирование CD8+ Т-лимфоцитов над CD4+ Т-лимфоцитами [5].

Наряду с поражением легочной ткани при аутопсии умерших от COVID-19 пациентов нередко выявляется вовлечение в патологический процесс и других органов, которое в отдельных наблюдениях по своей тяжести преобладает над легочными изменениями и может стать причиной смерти [19, 62]. Это может обусловлено, с одной стороны, тропностью SARS-CoV-2 к различным органам (сердечно-сосудистая система, почки, печень, пищеварительный тракт, головной мозг), в которых отмечается экспрессия рецептора АПФ2 [61, 180, 129, 163], с другой – развитием гипервоспалительной реакции, характеризующейся избыточным синтезом провоспалительных цитокинов (прежде всего, ФНО-альфа и ИЛ-6), результатом которой является формирование дисфункции органов [205]. Особый интерес представляет реакция на SARS-CoV-2 селезенки, вторичного органа иммуногенеза, играющего важнейшую роль в иммунном ответе [200]. Как

известно, при проведении УЗИ органов брюшной полости у пациентов с COVID-19 часто выявляется уменьшение размеров селезенки [22]. Данный феномен, вероятно, обусловлен быстрым «истощением» этого органа с высоким риском развития иммунодефицита [22]. При морфологическом и иммуногистохимическом исследовании селезенки были обнаружены выраженные расстройства кровообращения, атрофия Т- и В-зависимых зон, уменьшение содержания CD3⁺ Т-лимфоцитов и CD20⁺ В-лимфоцитов с незначительным увеличением количества CD68⁺ макрофагов. Полученные результаты согласуются с данными, приведенными в систематическом обзоре, показавшими факт уменьшения популяции CD3⁺ Т-лимфоцитов и CD20⁺ В-лимфоцитов в селезенке [294]. Рядом авторов было выявлено значительное увеличение плотности макрофагов в белой пульпе селезенки [134, 248]. Увеличение числа CD68⁺ макрофагов свидетельствует об активной воспалительной реакции в селезенке. Макрофаги, как известно, играют ключевую роль в формировании цитокинового шторма, приводящего к гибели лимфоцитов [134]. Это подтверждается исследованием Mesquita B.R. с коллегами, в котором было показано, что селезенка при SARS-CoV-2 инфекции, вследствие увеличения в ней числа макрофагов, становится как источником избыточного синтеза провоспалительных цитокинов (ФНО-альфа и ИЛ-6), так и местом гибели лимфоцитов [205].

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало, что у пациентов, умерших от тяжелых форм COVID-19, отмечается, с одной стороны, миграция лимфоцитов (в основном, CD3⁺ Т-лимфоцитов) в легочную ткань, с другой – снижение их числа в селезенке (как CD3⁺ Т-лимфоцитов, так и CD20⁺ В-лимфоцитов). Количественное снижение CD3⁺ и CD20⁺ субпопуляций лимфоцитов в селезенке, а также уменьшение площади ее белой пульпы указывают на явное истощение лимфоидной ткани и формирование иммуносупрессии.

Лимфопения, иммуносупрессия – факторы, способствующие развитию оппортунистических инфекций. У пациентов с COVID-19 увеличивается риск

развития оппортунистических заболеваний – мукормикоза [14, 38] и герпесвирусной инфекции, обусловленной вирусом Эпштейна-Барр [118], а также бактериальных инфекций системы кровотока [257].

В проведенном исследовании бактериальные инфекции у пациентов с COVID-19 регистрировались у 145 из 409 пациентов (35,4%): у 71 больного (17,3%) диагностирована инфекция мочевыводящих путей, в 65 случаях (15,9%) отмечалось развитие пневмонии, в 9 (2,2%) – сепсиса. При бактериологическом исследовании мокроты у 16 пациентов с пневмонией был выделен *Streptococcus pneumoniae*, у 14 – *Klebsiella pneumoniae*, у пятерых – *Acinetobacter baumannii*. Этиология сепсиса была установлена у 5 из 8 пациентов: у троих из крови был выделен *Staphylococcus epidermidis*, у двух – *Enterococcus faecalis*.

Грибковые инфекции регистрировались у 17,6% пациентов. У 5 больных (7%), длительно находившихся на ИВЛ, отмечался положительный ПЦР-тест на ДНК *Aspergillus fumigatus* в мокроте. В остальных 93% случаях причиной грибковой инфекции была *Candida albicans*. У 16 пациентов наблюдались локализованные формы (орофарингеальный кандидоз), подтвержденные обнаружением роста *C. albicans* в смывах из ротоглотки, у 17 больных *C. albicans* обнаруживалась в мокроте. Кроме того, у 25 больных (женщин) отмечались клинические проявления грибковой инфекции слизистых половых органов.

Как бактериальные, так и грибковые инфекции у пациентов с COVID-19 развивались, в основном, у пациентов с лимфопенией, причем наиболее часто при снижении числа лимфоцитов в крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$. Развитие сепсиса отмечалось только у пациентов с лимфопенией.

У 5 пациентов отмечалась активная герпетическая инфекция. В 4-х случаях причиной заболевания был ВПГ, в одном – ЦМВ.

На развитие оппортунистических инфекций кроме лимфопении может повлиять иммуносупрессивная терапия – введение кортикостероидов, проведение антицитокиновой терапии.

Была разработана прогностическая модель для определения вероятности бактериальных инфекций в зависимости возраста пациентов, от проведения ИВЛ,

введения антицитокиновых препаратов, ГКС, количества лимфоцитов в периферической крови методом бинарной логистической регрессии. При оценке количества лимфоцитов в периферической крови с порогом отсечения менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ вероятность развития бактериальной инфекции увеличивалась в 2,7 раза. Чувствительность и специфичность полученной прогностической модели составили 81,1% и 61,1%, соответственно.

Была также разработана прогностическая модель для определения вероятности развития грибковых инфекций у пациентов с COVID-19 в зависимости от возраста пациентов, проведения ИВЛ, введения антицитокиновых препаратов, ГКС, лимфопении методом бинарной логистической регрессии. По результатам монофакторного анализа снижение лимфоцитов менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ сопровождалось увеличением риска развития грибковых инфекций в 2,4 раза. Проведенный многофакторный анализ такой ассоциации не выявил. Чувствительность и специфичность полученной прогностической модели составили 61,3% и 65,5%, соответственно.

Завершающим этапом исследования была оценка влияния дисрегуляции иммунного ответа на прогноз заболевания. В качестве лабораторных предикторов исхода заболевания были использованы следующие показатели крови: абсолютное количество лейкоцитов, нейтрофилов, лимфоцитов, индекс Н/Л, активность ЛДГ, уровень СРБ, ферритина и Д-димера. Анализ изучаемых параметров проводился в день госпитализации и перед исходом заболевания. Как при госпитализации, так и в финале заболевания медианы значений нейтрофилов, индекса Н/Л, СРБ, ферритина, ЛДГ и Д-димера в крови среди умерших пациентов были статистически значимо выше, чем среди выживших. Количество лимфоцитов периферической крови в группе умерших, в остром периоде и в исходе заболевания, наоборот, было ниже ($p=0,001$). Учитывая, что на исход заболевания может влиять не только отдельно взятый лабораторный показатель, но и коморбидная патология, был проведен многофакторный анализ. Была разработана прогностическая модель для определения вероятности исхода заболевания в зависимости от пола, возраста пациентов, дня болезни при

госпитализации, тяжести течения COVID-19, наличия гипертонической болезни, ожирения, сахарного диабета, ХОБЛ, ХБП, нарушений ритма сердца, бронхиальной астмы, абсолютного количества лимфоцитов в крови, уровня СРБ, ферритина, ЛДГ, Д-димера, индексов Н/Л и ЛДГ/лимфоциты при госпитализации методом бинарной логистической регрессии.

Было установлено, что у пациентов с уровнем лимфоцитов в крови $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$ вероятность летального исхода возрастает в 3,117 раза, при показателях Н/Л > 12 – в 3,217 раза, при концентрации ферритина в крови > 2200 нг/мл – в 3,725 раза, Д-димера > 3000 нг/мл – в 2,246 раза. Полученная модель была статистически значимой ($p < 0,001$). Чувствительность и специфичность полученной прогностической модели составили 84,9% и 82,7%, соответственно.

Подводя итог проведенным исследованиям и полученным результатам, можно констатировать, что чрезмерно выраженная воспалительная реакция, апоптоз лимфоцитов, перераспределение их в организме, характеризующееся повышением числа CD3⁺ Т-лимфоцитов в легочной ткани и снижением CD3⁺ Т-лимфоцитов и CD20⁺ В-лимфоцитов в селезенке, уменьшение площади белой пульпы селезенки и потребление в процессе иммунотромбообразования являются ключевыми причинами лимфопении у пациентов с коронавирусной инфекцией COVID-19. Механизмы формирования лимфопении при COVID-19 приведены на рисунке 35.

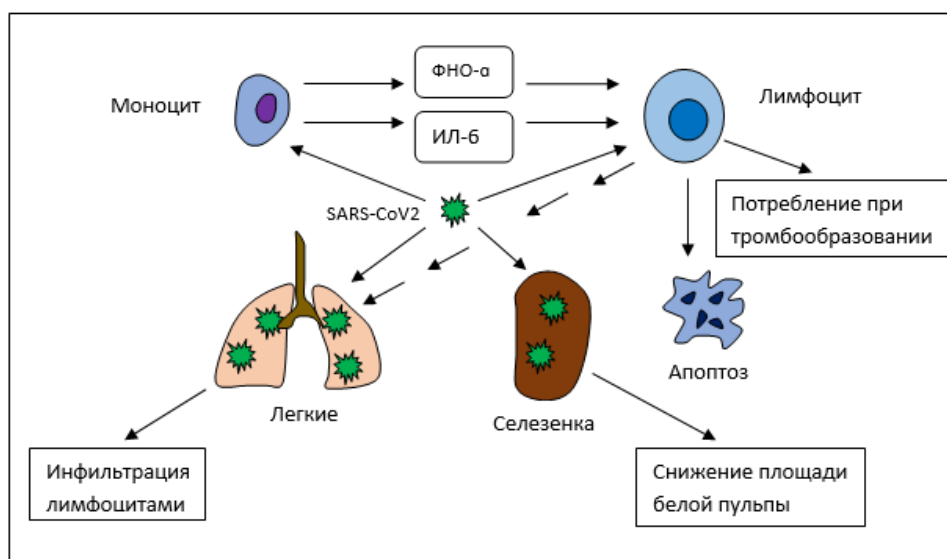

Рисунок 35 – Механизмы формирования лимфопении при COVID-19

Было установлено, что выраженность и продолжительность лимфопении коррелирует с тяжестью и продолжительностью заболевания. Снижение числа лимфоцитов в периферической крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ при госпитализации регистрировалось в 3,8 раза чаще при тяжелом течении заболевания. В финале заболевания повышение уровня лимфоцитов выше $1,0 \times 10^9/\text{л}$ отмечалось только при среднетяжелом течении COVID-19, тогда как при тяжелом течении оставалось пониженным. Среди умерших от COVID-19 пациентов лимфопения в финале заболевания регистрировалась в 3,1 раза чаще, чем среди выживших. Клиническое значение развивающейся при COVID-19 лимфопении ассоциируется с развитием вторичных бактериальных инфекций, вероятность развития которых при уровне лимфоцитов венозной крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ увеличивается в 2,7 раза. Количество лимфоцитов в крови менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ ассоциируется с более, чем 3-кратным увеличением частоты летального исхода.

Для уменьшения частоты развития оппортунистических инфекций и улучшения прогноза представляется использование препаратов, увеличивающих количество лимфоцитов в крови.

ВЫВОДЫ

1. Частота, выраженность и продолжительность лимфопении коррелируют с тяжестью COVID-19. Число лимфоцитов менее $1,0 \times 10^9/\text{л}$ зарегистрировано у 69% пациентов; медиана числа лимфоцитов при тяжёлом течении была в 1,5 раза ниже, чем при среднетяжёлом. Лимфопения продолжительностью более 7 дней в 1,8 раза чаще отмечалась в группе с тяжёлым течением и неблагоприятным исходом.

2. Лимфопения является фактором риска бактериальных суперинфекций: при уровне лимфоцитов менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$ риск их развития возрастает в 2,7 раза (чувствительность 81,1%, специфичность 61,1%).

3. Острый период COVID-19 сопровождается повышением в крови концентрации провоспалительных цитокинов ФНО- α , ИЛ-6, ИЛ-2 и ГМ-КСФ. Наиболее выраженный рост концентрации демонстрировал ИЛ-6, медиана которого превышала аналогичный показатель в группе контроля в 122 раза. Установлена достоверная отрицательная корреляционная связь между уровнем провоспалительных маркеров и числом лимфоцитов венозной крови, что указывает на вклад воспалительного ответа в развитие лимфопении. Наиболее сильную связь с лимфопенией демонстрировали индекс нейтрофилы/лимфоциты ($r = -0,8$) и уровень ЛДГ ($r = -0,6$).

4. Период разгара COVID-19 характеризуется активацией процессов апоптоза лимфоцитов: медиана апоптоза лимфоцитов составила 30%, что в 2,3 раза превышало показатель группы сравнения (13%). Выраженность апоптоза коррелировала с тяжестью заболевания: медиана показателя у пациентов с тяжёлым COVID-19 была в 2 раза выше, чем при среднетяжелых формах, что может указывать на причинно-следственную связь этих явлений.

5. Установлена связь активности тромбообразования (уровень Д-димера) с числом лимфоцитов периферической крови ($r = -0,8$), что позволяет

рассматривать потребление лимфоцитов в процессе тромбообразования как один из механизмов формирования лимфопении при COVID-19.

6. Тяжелое течение COVID-19 характеризуется перераспределением лимфоцитов в организме – накоплением их в легочной ткани и, соответственно, снижением в селезенке. Установлено, что инфильтрация ткани легкого при тяжелых формах COVID-19 происходит преимущественно за счет увеличения количества CD-3+ Т-лимфоцитов, число которых возрастало в 2,8 раза. Площадь Т- и В-зависимых зон белой пульпы селезенки у пациентов, умерших от COVID-19, уменьшалась в 1,7 раза по сравнению с пациентами без COVID-19, что может объяснять дисрегуляцию иммунного ответа и формирование иммуносупрессии.

7. На основе анализа комплекса клинико-лабораторных показателей на ранних сроках COVID-19 разработана прогностическая модель неблагоприятного исхода заболевания. Клинически значимыми предикторами летального исхода являются: уровень ферритина в крови выше 2200 нг/мл, Д-димера более 3000 нг/мл, индекс Н/Л выше 12 и абсолютное количество лимфоцитов менее $0,5 \times 10^9/\text{л}$. У пациентов с уровнем лимфоцитов в крови ниже $0,5 \times 10^9/\text{л}$ вероятность летального исхода возрастает в 3,1 раза. Чувствительность модели составила 84,9%, специфичность – 82,7.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Для оценки тяжести течения COVID-19 рекомендуется определение выраженности и продолжительности лимфопении, а также расчёт гематологических индексов. Значение индексов Н/Л > 12 и ЛДГ/Л > 450 повышают вероятность летального исхода.

2. Для прогнозирования риска развития оппортунистических инфекций у пациентов с COVID-19 при госпитализации и в динамике заболевания рекомендуется определение содержания в крови абсолютного количества лимфоцитов. При уровне лимфоцитов $< 0,5 \times 10^9/\text{л}$ риск увеличивается.

3. При оценке риска неблагоприятного исхода тяжёлого COVID-19 рекомендуется комплексная оценка: абсолютного количества лимфоцитов, уровней СРБ, ферритина, ЛДГ, Д-димера, а также индексов Н/Л и ЛДГ/Л.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАЗРАБОТКИ ТЕМЫ

Перспективы дальнейшей разработки темы лежат в продолжении изучения влияния выраженности воспалительных процессов и лимфопении на развитие оппортунистических инфекций у пациентов с COVID-19 и формирование органной дисфункции. Эту модель исследования планируется использовать и при другой актуальной острой респираторной вирусной инфекции – гриппе.

Планируется продолжение исследований, направленных на изучение причин иммуносупрессии при COVID-19 – изучение роли иммуносупрессорных клеток миелоидного происхождения. Аналогичное исследование планируется провести также при тяжелых и осложненных формах гриппа.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю признательность и благодарность профессору кафедры общей патологии, доктору медицинских наук Петрову Семену Венедиктовичу и профессору кафедры общей патологии, доктору медицинских наук Цыплакову Дмитрию Эдуардовичу за помощь в проведении морфологических и иммуногистохимических исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛТ – аланинаминотрансфераза

АПФ2 – ангиотензинпревращающий фермент 2 типа

АСТ – аспартатаминотрансфераза

ВИЧ – вирус иммунодефицита человека

ВПГ – вирус простого герпеса

ВПО – высокопоточная оксигенация

ГАУЗ – государственное автономное учреждение здравоохранения

ГКС – глюкокортикостероиды

ГМ-КСФ – гранулоцитарно-макрофагальный колониестимулирующий фактор

ГМУ – государственный медицинский университет

ГФС – гемофагоцитарный синдром

ДАП – диффузное альвеолярное повреждение

ДИ – доверительный интервал

ДНК – дезоксирибонуклеиновая кислота

ИВЛ – искусственная вентиляция легких

ИГХ – иммуногистохимическое (исследование)

ИЛ – интерлейкины

ИМВП – инфекция мочевыводящих путей

КТ – компьютерная томография

ЛДГ – лактатдегидрогеназа

ЛДГ/Л – индекс лактатдегидрогеназа/лимфоциты

МЗ РТ – Министерство здравоохранения Республики Татарстан

МКАТ – моноклональные антитела

МКР – межквартильный размах

МНО – международное нормализованное отношение

МСВС – мультисистемный воспалительный синдром

Н/Л – индекс нейтрофилы/лимфоциты

НПО – низкопоточная оксигенация

ОАК – общий анализ крови

ОР – относительный риск

ОРДС – острый респираторный дистресс-синдром

ОРИТ – отделение реанимации и интенсивной терапии

ОШ – отношение шансов

ПЦР – полимеразная цепная реакция

РКБ – ГАУЗ «Республиканская клиническая больница»

РКИБ – ГАУЗ «Республиканская клиническая инфекционная больница имени профессора А.Ф. Агафонова»

РНК – рибонуклеиновая кислота

РСД – рецептор-связывающий домен

СРБ – С-реактивный белок

ССВО – синдром системного воспалительного ответа

УЗИ – ультразвуковое исследование

ФГБОУ ВО – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ФНО – фактор некроза опухоли

ФФБ – фактор фон Виллебранда

ХБП – хроническая болезнь почек

ХОБЛ – хроническая обструктивная болезнь легких

ЦМВ – цитомегаловирус

ЭКГ – электрокардиография

ЭХО-КГ – эхокардиография

AOR – скорректированное отношение шансов (adjusted odds ratio)

AUC – площадь под кривой (area under curve)

CD – кластер дифференцировки (cluster of differentiation)

COR – нескорректированное отношение шансов (crude odds ratio)

COVID-19 – коронавирусная инфекция (coronavirus disease 2019)

Fas – ген, кодирующий белок рецептора

KREC – каппа-делеционные эксцизионные кольца (Kappa-deleting recombination excision circles)

LR+ – отношение правдоподобия

LR- – отношение правдоподобия отрицательного результата теста

NK – натуральные киллеры (natural killer)

NPV – прогностическая ценность отрицательного результата

OR – отношение шансов (odds ratio)

PPV – прогностическая ценность положительного результата

ROC-анализ – анализ операционных характеристик (receiver operating characteristic)

SARS-CoV-2 – тяжелый острый респираторный синдром, вызванный коронавирусом 2 (severe acute respiratory syndrome coronavirus 2)

Se – чувствительность

Sp – специфичность

SpO₂ – насыщение гемоглобина кислородом (сатурация)

TMPRSS2 – трансмембранная сериновая протеаза 2-го типа

TREC – Т-клеточные эксцизионные кольца (T-cell receptor excision circles)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автандилов, Г. Г. Медицинская морфометрия. – М. : Медицина, 1990. – 382 с.
2. Возможность прогнозирования тяжести течения COVID-19 по клинико-лабораторным критериям с учётом штамма SARS-CoV-2 : аналитический обзор / В. Б. Полуэктова, М. В. Санькова, Е. В. Волчкова [и др.] // Эпидемиология и инфекционные болезни. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 192–203.
3. Генетическое разнообразие и эволюция биологических свойств коронавируса SARS-CoV-2 в условиях глобального распространения / А. А. Никонова, Е. Б. Файзулов, А. В. Грачева [и др.] // Acta Naturae (русскаяязычная версия). – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 77–89.
4. Деев, Р. В. Современные представления о клеточной гибели / Р. В. Деев, А. И. Билялов, Т. М. Жампеисов // Гены и Клетки. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 6–19.
5. Забозлаев, Ф. Г. Патологическая анатомия легких при новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Предварительный анализ аутопсийных исследований / Ф. Г. Забозлаев, Э. В. Кравченко, А. Р. Галлямова, Н. Н. Летуновский // Клиническая практика. – 2020. – Т. 11, № 2.
6. Иванисенко, Н. В. Механизмы активации прокаспазы-8 при инициации внешнего пути программируемой клеточной гибели / Н. В. Иванисенко, И. Н. Лаврик // Молекулярная биология. – 2019. – Т. 53, № 5. – С. 830–837.
7. Иммунная дисрегуляция при коронавирусной инфекции COVID-19 / А. Э. Евдокимова, Х. С. Хаертынов, В. А. Анохин, И. С. Рагинов // Журнал инфектологии. – 2025. – Т. 17, № 3. – С. 24–32.
8. Иммунобиологические свойства гранулоцитарно-макрофагального колониестимулирующего фактора и синтетических пептидов его активного

центра / А. В. Зурочка, В. А. Зурочка, М. А. Добрынина, В. А. Гриценко // Медицинская иммунология. – 2021. – Т. 23, № 5. – С. 1031–1054.

9. Инфекционные болезни. Национальное руководство. Краткое издание / под ред. Н. Д. Ющука, Ю. Я. Венгерова. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2022. – 848 с.

10. Козулина, Ю. С. Эндотелиальная дисфункция у пациентов с артериальной гипертензией и сахарным диабетом и возможности ее коррекции / Ю. С. Козулина, И. А. Викторова // РМЖ. Медицинское обозрение. – 2025. – Т. 9, № 1. – С. 64–68.

11. Коморбидные заболевания и структура летальности больных с новой коронавирусной инфекцией / А. Л. Верткин, А. Р. Аскарров, О. В. Зайратьянц, М. А. Рудницкая // Лечащий врач. – 2022. – Т. 25, № 7–8. – С. 10–13.

12. Критический анализ концепции «цитокиновой бури» у пациентов с новой коронавирусной инфекцией COVID-19. Обзор литературы / С. С. Бобкова, А. А. Жуков, Д. Н. Проценко [и др.] // Вестник интенсивной терапии имени А. И. Салтанова. – 2021. – № 1. – С. 57–68.

13. Морфофункциональная характеристика селезенки человека (иммуногистохимическое исследование) / В. Б. Зайцев, Н. С. Федоровская, Д. А. Дьяконов [и др.] // Морфология. – 2013. – Т. 143, № 3. – С. 27–31.

14. Мукоормикоз на фоне COVID-19 : описание клинического случая и обзор литературы / С. Н. Хостелиди, В. А. Зайцев, Е. В. Пелих [и др.] // Клиническая микробиология и антимикробная химиотерапия. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 255–262.

15. Мультисистемный воспалительный синдром, ассоциированный с коронавирусной инфекцией COVID-19, у взрослого пациента : клиническое наблюдение / И. Х. Беялетдинова, М. А. Сайфуллин, Г. Д. Гусева, Н. Е. Перекопская // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. – 2023. – Т. 12, № 1(44). – С. 123–127.

16. Наркевич, А. Н. Методы определения минимально необходимого объема выборки в медицинских исследованиях / А. Н. Наркевич, К. А.

Виноградов // Социальные аспекты здоровья населения. – 2019. – Т. 65, № 6. – С. 10.

17. Носков, А. А. Экспресс-шкалы в прогнозировании неблагоприятных исходов у пациентов с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 : систематический обзор и метаанализ / А. А. Носков, Е. И. Глушко, И. Б. Заболотских // Вестник интенсивной терапии имени А. И. Салтанова. – 2025. – № 3. – С. 141–161.

18. Патологическая анатомия COVID-19 : атлас / О. В. Зайратьянц, М. В. Самсонова, Л. М. Михалева, А. Л. Черняев, О. Д. Мишнев, Н. М. Крупнов, Д. В. Калинин; под общ. ред. О. В. Зайратьянца. – М. : ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2020. – 140 с.

19. Патологическая анатомия COVID-19 : опыт 2000 аутопсий / О. В. Зайратьянц, М. В. Самсонова, А. Л. Черняев [и др.] // Судебная медицина. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 10–23.

20. Патоморфологические изменения в легких при COVID-19 : клинические и терапевтические параллели / О. В. Зайратьянц, А. Г. Малявин, М. В. Самсонова [и др.] // Терапия. – 2020. – Т. 6, № 5(39). – С. 35–46.

21. Патоморфологические проявления воспалительного микротромбоза при COVID-19 / Р. Р. Хисматуллин, Р. А. Иваева, Ш. Абдуллаева [и др.] // Казанский медицинский журнал. – 2022. – Т. 103, № 4. – С. 575–586.

22. Перепелица, С. А. Иммуно-клеточная реакция селезенки при COVID-19 // Общая реаниматология. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 15–23.

23. Петров, С. В. Руководство по иммуногистохимической диагностике опухолей человека / С. В. Петров, Н. Т. Райхлин. – 4-е изд., доп. и перераб. – Казань, 2012. – 624 с.

24. Предикторы летальности у пациентов с коронавирусной инфекцией COVID-19 / А. Э. Евдокимова, Х. С. Хаертынов, В. А. Анохин [и др.] // РМЖ. Медицинское обозрение. – 2025. – Т. 9, № 12. – С. 853–859.

25. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19), версия 18 (26.10.2023) : Временные методические

рекомендации МЗ РФ // Контур Норматив : сайт. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=458540> (дата обращения: 30.04.2026).

26. Саркисов, Д. С. Микроскопическая техника : руководство для врачей и лаборантов / Д. С. Саркисов, Ю. Л. Перов. – М. : Медицина, 1996. – 544 с.

27. Сваровская, А. В. Индекс коморбидности Чарлсона в прогнозировании летальных исходов у пациентов с COVID-19 / А. В. Сваровская, А. О. Шабельский, А. В. Левшин // Российский кардиологический журнал. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 26–31.

28. Семейство каспаз : молекулярные основы взаимодействия при апоптозе и пироптозе / В. В. Шишкина, И. П. Мошуров, О. А. Герасимова [и др.] // Гены и клетки. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 153–168.

29. Стефанов, С. Б. Морфометрическая сетка случайного шага как средство ускоренного измерения элементов морфогенеза // Цитология. – 1974. – № 6. – С. 785–787.

30. Субпопуляционный состав лимфоцитов периферической крови при COVID-19 / Е. В. Свирщевская, М. В. Коновалова, В. Ф. Садыков [и др.] // Медицинская иммунология. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 155–166.

31. Тополянская, С. В. Фактор некроза опухоли-альфа и возраст-ассоциированная патология / С. В. Тополянская // Архивъ внутренней медицины. – 2020. – Т. 10, № 6(56). – С. 414–421.

32. Тромботический шторм, нарушения гемостаза и тромбовоспаление в условиях COVID-19 / А. Д. Макацария, Е. В. Слуханчук, В. О. Бицадзе [и др.] // Акушерство, гинекология и репродукция. – 2021. – Т. 15, № 5. – С. 499–514.

33. Участие интерлейкина 6 в формировании патогенетических механизмов иммуновоспалительных заболеваний / В. И. Мазуров, И. Б. Беляева, Р. Р. Самигуллина [и др.] // Эффективная фармакотерапия. – 2022. – Т. 18, № 8. – С. 22–31.

34. Фесенко, О. В. Современные системы оценки внебольничной пневмонии тяжелого течения : перспективы и ограничения / О. В. Фесенко, А. И.

Синопальников // Клиническая микробиология и антимикробная химиотерапия. – 2011. – Т. 13, № 3. – С. 204–213.

35. Эндотелиальная дисфункция у пациентов с коронавирусной инфекцией COVID-19 / Х. С. Хаертынов, В. А. Анохин, О. В. Жемкова [и др.] // Практическая медицина. – 2024. – Т. 22, № 2. – С. 77–83.

36. COVID-19 – индуцированный «цитокиновый шторм» – особая форма синдрома активации макрофагов / Е. И. Алексеева, Р. Ф. Тепаев, И. Ю. Шилькрот [и др.] // Вестник РАМН. – 2021. – Т. 76, № 1. – С. 51–66.

37. COVID-19-ассоциированная коагулопатия : обзор современных рекомендаций по диагностике, индивидуальных и клинических проявлениях / К. В. Лобастов, И. В. Счастливцев, О. Я. Порембская [и др.] // Стационароразмещающие технологии: Амбулаторная хирургия. – 2020. – № 3–4. – С. 36–51.

38. A challenging complication following SARS-CoV-2 infection : A case of pulmonary mucormycosis / D. Pasero, S. Sanna, C. Liperi [et al.] // Infection. – 2021. – Vol. 49, № 5. – P. 1055–1060.

39. A dynamic COVID-19 immune signature includes associations with poor prognosis / A. G. Laing, A. Lorenc, I. Del Molino Del Barrio [et al.] // Nat. Med. – 2020. – Vol. 26, № 12. – P. 1623–1635.

40. A narrative review of COVID-19-related acute respiratory distress syndrome (CARDS) : «typical» or «atypical» ARDS? / D. Pu, X. Zhai, Y. Zhou [et al.] // Ann Transl Med. – 2022. – Vol. 10, № 16. – P. 908.

41. A novel severity score to predict inpatient mortality in COVID-19 patients / D. J. Altschul, S. R. Unda, J. Benton [et al.] // Sci Rep. – 2020. – Vol. 10. – P. 16726.

42. A pneumonia outbreak associated with a new coronavirus of probable bat origin / P. Zhou, X. L. Yang, X. G. Wang [et al.] // Nature. – 2020. – Vol. 579, № 7798. – P. 270–273.

43. A recombinant human G-CSF/GM-CSF fusion protein from E. coli showing colony stimulating activity on human bone marrow cells / A. Y. Lee, H. K. Chung, E. K. Bae [et al.] // Biotechnol Lett. – 2003. – Vol. 25, № 3. – P. 205–211.

44. A risk score based on baseline risk factors for predicting mortality in COVID-19 patients / Z. Chen, J. Chen, J. Zhou [et al.] // Current medical research and opinion. – 2021. – Vol. 37, № 2. – P. 1–11.
45. Abbas, A. K. Die and let live : eliminating dangerous lymphocytes / A. K. Abbas // Cell. – 1996. – Vol. 84, № 5. – P. 655–657.
46. Abnormal coagulation parameters are associated with poor prognosis in patients with novel coronavirus pneumonia / N. Tang, D. Li, X. Wang, Z. Sun // J Thromb Haemost. – 2020. – Vol. 18, № 4. – P. 844–847.
47. ACE2-independent infection of T lymphocytes by SARS-CoV-2 / X. R. Shen, R. Geng, Q. Li [et al.] // Signal Transduct Target Ther. – 2022. – № 7. – P. 83.
48. Acute respiratory distress syndrome : the Berlin Definition / ARDS Definition Task Force // JAMA. – 2012. – Vol. 307, № 23. – P. 2526–2533.
49. Acute SARS-CoV-2 Infection Impairs Dendritic Cell and T Cell Responses / R. Zhou, K. K. To, Y. C. Wong [et al.] // Immunity. – 2020. – Vol. 53, № 4. – P. 864–877.
50. An inflammatory cytokine signature predicts COVID-19 severity and survival / D. M. Del Valle, S. Kim-Schulze, H. H. Huang [et al.] // Nat. Med. – 2020. – Vol. 26. – P. 1636–1643.
51. Antibiotic use and bacterial Infection among Inpatients in the first wave of COVID-19 : a retrospective cohort study of 64,691 patients / J. D. Baghdadi, K. C. Coffey, T. Adediran [et al.] // Antimicrob. Agent Chemother. – 2021. – Vol. 65, № 11. – P. e0134121.
52. Antibody responses to SARS-CoV-2 in patients with COVID-19 / Q. X. Long, B. Z. Liu, H. J. Deng [et al.] // Nat Med. – 2020. – Vol. 26, № 6. – P. 845–848.
53. Antigen-Specific Adaptive Immunity to SARS-CoV-2 in Acute COVID-19 and Associations with Age and Disease Severity / C. Rydzynski Moderbacher, S. I. Ramirez, J. M. Dan [et al.] // Cell. – 2020. – Vol. 183, № 4. – P. 996–1012.
54. Apoptosis and immunophenotyping of peripheral blood lymphocytes in Iranian COVID-19 patients : Clinical and laboratory characteristics / S. Taghiloo, M. Aliyali, S. Abedi [et al.] // J Med Virol. – 2021. – Vol. 93, № 3. – P. 1589–1598.

55. Apoptosis-induced T-cell lymphopenia is related to COVID-19 severity / A. Cizmecioglu, H. Akay Cizmecioglu, M. H. Goktepe [et al.] // J Med Virol. – 2021. – Vol. 93, № 5. – P. 2867–2874.
56. Association of pre-existing comorbidities with mortality and disease severity among 167,500 individuals with COVID-19 in Canada : A population-based cohort study / E. Ge, Y. Li, S. Wu [et al.] // PLoS ONE. – 2021. – Vol. 16, № 10. – P. e0258154.
57. Association of Public Health Interventions With the Epidemiology of the COVID-19 Outbreak in Wuhan, China / A. Pan, L. Liu, C. Wang [et al.] // JAMA. – 2020. – Vol. 323. – P. 1915–1923.
58. Autophagy Hijacking in PBMC From COVID-19 Patients Results in Lymphopenia / C. Barbati, A. I. Celia, T. Colasanti [et al.] // Front. Immunol. – 2022. – Vol. 13. – P. 903498.
59. Ballas, S. K. Lactate dehydrogenase and hemolysis in sickle cell disease / S. K. Ballas // Blood. – 2013. – Vol. 121, № 1. – P. 243–244.
60. Behzadi, F. Multisystem inflammatory syndrome in adults : a case report and review of the literature / F. Behzadi, N. A. Ulloa, M. Danckers // J Med Case Rep. – 2022. – Vol. 16, № 1. – P. 102.
61. Body Localization of ACE-2 : On the Trail of the Keyhole of SARS-CoV-2 / F. Salamanna, M. Maglio, M. P. Landini, M. Fini // Front Med. – 2020. – № 7. – P. 594495.
62. Caramaschi, S. Histopathological findings and clinicopathologic correlation in COVID-19 : a systematic review / S. Caramaschi, M. E. Kapp, S. E. Miller [et al.] // Modern Pathology. – 2021. – Vol. 34. – P. 1614–1633.
63. Carcillo, J. A. Cytokine storm and sepsis-induced multiple organ dysfunction syndrome / J. A. Carcillo, B. Shakoory // Adv Exp Med Biol. – 2024. – Vol. 1448. – P. 441–457.
64. Case fatality rates of COVID-19 during epidemic periods of variants of concern : A meta-analysis by continents / Q. Xia, Y. Yang, F. Wang [et al.] // Int J Infect Dis. – 2024. – Vol. 141. – P. 106950.

65. Case series of multisystem inflammatory syndrome in adults associated with SARS-CoV-2 infection – United Kingdom and United States, March-August 2020 / S. B. Morris, N. G. Schwartz, P. Patel [et al.] // *MMWR Morb Mortal Wkly Rep.* – 2020. – Vol. 69. – P. 1450–1456.
66. Caspase-9, caspase-3 and caspase-7 have distinct roles during intrinsic apoptosis / M. Brentnall, L. Rodriguez-Menocal, R. L. De Guevara [et al.] // *BMC Cell Biol.* – 2013. – Vol. 14. – P. 32.
67. Castelli, V. Cytokine Storm in COVID-19 : «When You Come Out of the Storm, You Won't Be the Same Person Who Walked in» / V. Castelli, A. Cimini, C. Ferri // *Front. Immunol.* – 2020. – № 11. – P. 2132.
68. CD147-spike protein is a novel route for SARS-CoV-2 infection to host cells / K. Wang, W. Chen, Z. Zhang [et al.] // *Signal Transduct Target Ther.* – 2020. – Vol. 5, № 1. – P. 283.
69. Cell-Type Apoptosis in Lung during SARS-CoV-2 Infection / Y. Liu, T. M. Garron, Q. Chang [et al.] // *Pathogens.* – 2021. – Vol. 10. – P. 509.
70. Changes in thrombus composition and profilin-1 release in acute myocardial infarction / I. Ramaiola, T. Padró, E. Peña [et al.] // *Eur Heart J.* – 2015. – Vol. 36. – P. 965–975.
71. Characterisation of the pro-inflammatory cytokine signature in severe COVID-19 / H. C. Hawerkamp, A. H. Dyer, N. D. Patil [et al.] // *Front. Immunol.* – 2020. – Vol. 14. – P. 1170012.
72. Characteristics and outcomes of 21 critically ill patients with COVID-19 in Washington state / M. Arentz, E. Yim, L. Klaff [et al.] // *JAMA.* – 2020. – Vol. 323. – P. 1612.
73. Characteristics of Peripheral Lymphocyte Subset Alteration in COVID-19 Pneumonia / F. Wang J. Nie, H. Wang [et al.] // *J Infect Dis.* – 2020. – Vol. 221, № 11. – P. 1762–1769.
74. Charlson comorbidity index and a composite of poor outcomes in COVID-19 patients : A systematic review and meta-analysis / R. A. Tuty Kuswardhani, J.

Henrina, R. Pranata [et al.] // *Diabetes Metab Syndr.* – 2020. – Vol. 14, № 6. – P. 2103–2109.

75. Chi, H. Principles and therapeutic applications of adaptive immunity / H. Chi, M. Pepper, P. G. Thomas // *Cell.* – 2024. – Vol. 187, № 9. – P. 2052–2078.

76. Cho, S. I. Impact of comorbidity burden on mortality in patients with COVID-19 using the Korean health insurance database / S. I. Cho, S. Yoon, H. J. Lee // *Sci Rep.* – 2021. – Vol. 11. – P. 6375.

77. Choi, Y. Autophagy during viral infection – a double-edged sword / Y. Choi, J. W. Bowman, J. U. Jung // *Nat Rev Microbiol.* – 2018. – Vol. 16, № 6. – P. 340–353.

78. Chousterman, B. G. Cytokine storm and sepsis disease pathogenesis / B. G. Chousterman, F. K. Swirski, G. F. Weber // *Semin Immunopathol.* – 2017. – Vol. 39. – P. 517–528.

79. Clinical and immunological features of severe and moderate coronavirus disease 2019 / G. Chen, D. Wu, W. Guo [et al.] // *J Clin Invest.* – 2020. – Vol. 130, № 5. – P. 2620–2629.

80. Clinical characteristics of 138 hospitalized patients with 2019 novel coronavirus-infected pneumonia in Wuhan, China / D. Wang, B. Hu, C. Hu [et al.] // *JAMA.* – 2020. – Vol. 323. – P. 1061–1069.

81. Clinical course and outcomes of critically ill patients with SARS-CoV-2 pneumonia in Wuhan, China : a single-centered, retrospective, observational study / X. Yang, Y. Yu, J. Xu [et al.] // *Lancet Respir Med.* – 2020. – Vol. 8. – P. 475–481.

82. Clinical course and risk factors for mortality of adult inpatients with COVID-19 in Wuhan, China : a retrospective cohort study / F. Zhou, T. Yu, R. Du [et al.] // *Lancet.* – 2020. – Vol. 395, № 10229. – P. 1054–1062.

83. Clinical criteria for COVID-19-associated hyperinflammatory syndrome : a cohort study / B. J. Webb, I. D. Peltan, P. Jensen [et al.] // *Lancet Rheumatol.* – 2020. – Vol. 2, № 12. – P. e754-e763.

84. Clinical features of patients infected with 2019 novel coronavirus in Wuhan, China / C. Huang, Y. Wang, X. Li [et al.] // *Lancet*. – 2020. – Vol. 395, № 10223. – P. 497–506.
85. Clinical laboratory parameters associated with severe or critical novel coronavirus disease 2019 (COVID-19) : A systematic review and meta-analysis / J. Moutchia, P. Pokharel, A. Kerri [et al.] // *PLoS ONE*. – 2020. – Vol. 15, № 10. – P. e0239802.
86. Clinical predictors of mortality due to COVID-19 based on an analysis of data of 150 patients from Wuhan, China / Q. Ruan, K. Yang, W. Wang [et al.] // *Intensive Care Med*. – 2020. – Vol. 46, № 5. – P. 846–848.
87. Clinical Significance of Plasma D-Dimer in COVID-19 Mortality / Y. Li, Y. Deng, L. Ye [et al.] // *Front Med (Lausanne)*. – 2021. – Vol. 8. – P. 638097.
88. Clinical value of blood markers to assess the severity of coronavirus disease 2019 / L. N. Xiao, X. Ran, Y. X. Zhong [et al.] // *BMC Infect Dis*. – 2021. – № 21. – P. 921.
89. Comoglu, S. Does the Charlson comorbidity index help predict the risk of death in COVID-19 patients? / S. Comoglu, A. Kant // *North Clin Istanbul*. – 2022. – Vol. 9, № 2. – P. 117–121.
90. Comparison of C-reactive protein with distinct hyperinflammatory biomarkers in association with COVID-19 severity, mortality and SARS-CoV-2 variants / T. G. Paranga, M. Pavel-Tanasa, D. Constantinescu [et al.] // *Front. Immunol*. – 2023. – Vol. 14. – P. 1213246.
91. Complex immune dysregulation in COVID-19 patients with severe respiratory failure / E. J. Giamarellos-Bourboulis, M. G. Netea, N. Rovina [et al.] // *Cell Host Microbe*. – 2020. – Vol. 27. – P. 992–1000.
92. Comprehensive mapping of immune perturbations associated with severe COVID-19 / L. Kuri-Cervantes, M. B. Pampena, W. Meng [et al.] // *Sci. Immunol*. – 2020. – Vol. 5, № 49. – P. eabd7114.

93. COVID-19 and comorbidities : a systematic review and meta-analysis / M. S. Gold, D. Sehayek, S. Gabrielli [et al.] // *Postgrad Med.* – 2020. – Vol. 132, № 8. – P. 749–755.
94. COVID-19 : consider cytokine storm syndromes and immunosuppression / P. Mehta, D. F. McAuley, M. Brown [et al.] // *Lancet.* – 2020. – Vol. 395. – P. 1033–1034.
95. COVID-19 immune features revealed by a large-scale single-cell transcriptome atlas / X. Ren, W. Wen, X. Fan [et al.] // *Cell.* – 2021. – Vol. 184, № 7. – P. 1895–1913.
96. COVID-19 Pathology in the Lung, Kidney, Heart and Brain : The Different Roles of T-Cells, Macrophages, and Microthrombosis / T. E. Poloni, M. Moretti, V. Medici [et al.] // *Cells.* – 2022. – Vol. 11, № 19. – P. 3124.
97. COVID-19-associated coagulopathy / M. Franchini, G. Marano, M. Cruciani [et al.] // *Diagnosis (Berl).* – 2020. – Vol. 7, № 4. – P. 357–363.
98. Crotty, S. T. Follicular Helper Cell Biology : A Decade of Discovery and Diseases / S. T. Crotty // *Immunity.* – 2019. – Vol. 50, № 5. – P. 1132–1148.
99. Cytokine profiles associated with acute COVID-19 and long COVID-19 syndrome / M. A. F. Queiroz, P. F. Neves, S. S. Lima [et al.] // *Front. Cell. Infect. Microbiol.* – 2022. – Vol. 12. – P. 922422.
100. Cytokine Response Patterns in Severe Pandemic 2009 H1N1 and Seasonal Influenza among Hospitalized Adults / N. Lee, C. K. Wong, P. K. S. Chan [et al.] // *PLoS ONE.* – 2011. – Vol. 6, № 10. – P. e26050.
101. Cytokine storm and histopathological findings in 60 cases of COVID-19-related death : from viral load research to immunohistochemical quantification of major players IL-1 β , IL-6, IL-15 and TNF- α / P. Frisoni, M. Neri, S. D'Errico [et al.] // *Forensic Sci Med Pathol.* – 2022. – Vol. 18, № 1. – P. 4–19.
102. Cytokine Storm in COVID19-Immunopathological Mechanisms, Clinical Considerations, and Therapeutic Approaches : The REPROGRAM Consortium Position Paper / S. Bhaskar, A. Sinha, M. Banach [et al.] // *Front Immunol.* – 2020. – № 11. – P. 1648.

103. da Silva, F. P. Cell death during sepsis : integration or disintegration in the inflammatory response to overwhelming infection / F. P. da Silva, V. Nizet // *Apoptosis*. – 2009. – Vol. 14. – P. 509–521.
104. D-dimer, disease severity, and deaths (3D-study) in patients with COVID-19 : a systematic review and meta-analysis of 100 studies / S. R. Varikasuvu, S. Varshney, N. Dutt [et al.] // *Sci Rep*. – 2021. – Vol. 11. – P. 21888.
105. D-dimer level is a useful predictor for mortality in patients with COVID-19 : Analysis of 483 cases / M. Soni, R. Gopalakrishnan, R. Vaishya, P. Prabu // *Diabetes Metab Syndr*. – 2020. – Vol. 14, № 6. – P. 2245–2249.
106. D-dimer levels on admission to predict in-hospital mortality in patients with Covid-19 / L. Zhang, X. Yan, Q. Fan [et al.] // *J Thromb Haemostasis*. – 2022. – Vol. 18, № 6. – P. 1324.
107. Defining the correlates of lymphopenia and independent predictors of poor clinical outcome in adults hospitalized with COVID-19 in Australia / P. Hastak, D. Cromer, J. Malycha [et al.] // *Sci Rep*. – 2024. – Vol. 14, № 1. – P. 11102.
108. Dessie, Z. G. Mortality-related risk factors of COVID-19 : a systematic review and meta-analysis of 42 studies and 423,117 patients / Z. G. Dessie, T. Zewotir // *BMC Infect Dis*. – 2021. – Vol. 21. – P. 855.
109. Diagnostic Utility of Clinical Laboratory Data Determinations for Patients with the Severe COVID-19 / Y. Gao, T. Li, M. Han [et al.] // *J. Med. Virol*. – 2020. – Vol. 92, № 7. – P. 791–796.
110. Differences of blood cells, lymphocyte subsets and cytokines in COVID-19 patients with different clinical stages : a network meta-analysis / V. Yan, D. Chen, F. M. Bigambo [et al.] // *BMC Infectious Diseases*. – 2021. – Vol. 21. – P. 156.
111. Differential diagnoses of acute ground-glass opacity in chest computed tomography : pictorial essay / M. J. R. Matos, M. E. E. Rosa, V. M. Brito [et al.] // *Einstein (Sao Paulo)*. – 2021. – Vol. 19. – P. eRW5772.
112. Diffuse alveolar damage (DAD) resulting from coronavirus disease 2019 Infection is Morphologically Indistinguishable from Other Causes of DAD / K. E.

Konopka, T. Nguyen, J. M. Jentzen [et al.] // *Histopathology*. – 2016. – Vol. 77, № 4. – P. 570–578.

113. Dysregulation of immune response in patients with COVID-19 in Wuhan, China / C. Qin, L. Zhou, Z. Hu [et al.] // *Clin Infect Dis*. – 2020. – Vol. 71. – P. 762–768.

114. Early administration of tocilizumab in hospitalized COVID-19 patients with elevated inflammatory markers; COVIDSTORM – a prospective, randomized, single-centre, open-label study / N. Broman, T. Feuth, T. Vuorinen [et al.] // *Clin Microbiol Infect*. – 2022. – Vol. 28, № 6. – P. 844–851.

115. Early identification of COVID-19 cytokine storm and treatment with anakinra or tocilizumab / A. Langer-Gould, J. B. Smith, E. G. Gonzales [et al.] // *Int J Infect Dis*. – 2020. – Vol. 99. – P. 291–297.

116. Early induction of functional SARS-CoV-2-specific T cells associates with rapid viral clearance and mild disease in COVID-19 patients / A. T. Tan, M. Linster, C. W. Tan [et al.] // *Cell Rep*. – 2021. – Vol. 34, № 6. – P. 108728.

117. Ebola virus-mediated T-lymphocyte depletion is the result of an abortive infection / P. Younan, R. I. Santos, P. Ramanathan [et al.] // *PLoS Pathog*. – 2019. – Vol. 15. – P. e1008068.

118. EBV DNA increase in COVID-19 patients with impaired lymphocyte subpopulation count / S. Paolucci, I. Cassaniti, F. Novazzi [et al.] // *Int J Infect Dis*. – 2021. – Vol. 104. – P. 315–319.

119. Effect of Comorbidities on the Mortality of Patients With COVID-19 : A Systematic Review of Reviews and Meta-Analyses / K. L. T. Ganaza-Domingues, Á.C. F. H. Ramos-Milaré, D. S. S. L. Lera-Nonose [et al.] // *Rev Med Virol*. – 2025. – Vol. 35, № 2. – P. e70024.

120. Effects of severe acute respiratory syndrome (SARS) coronavirus infection on peripheral blood lymphocytes and their subsets / Z. He, C. Zhao, Q. Dong [et al.] // *Int J Infect Dis*. – 2005. – Vol. 9, № 6. – P. 323–330.

121. Effects of TNF-alpha on leukocyte adhesion molecule expressions in cultured human lymphatic endothelium / Y. Sawa, Y. Sugimoto, T. Ueki [et al.] // *J Histochem Cytochem.* – 2007. – Vol. 55, № 7. – P. 721–733.
122. Elevated C-reactive protein in early COVID-19 predicts worse survival among hospitalized geriatric patients / A. Villoteau, M. Asfar, M. Otekpo [et al.] // *PLoS ONE.* – 2021. – Vol. 16, № 9. – P. e0256931.
123. Elmore, S. Apoptosis : A review of programmed cell death / S. Elmore // *Toxicol Pathol.* – 2007. – Vol. 35, № 4. – P. 495–516.
124. Endothelial cell infection and endotheliitis in COVID-19 / Z. Varga, A. J. Flammer, P. Steiger [et al.] // *Lancet.* – 2020. – Vol. 395, № 10234. – P. 1417–1418.
125. Endothelial dysfunction and immunothrombosis as key pathogenic mechanisms in COVID-19 / A. Bonaventura, A. Vecchié, L. Dagna [et al.] // *Nat Rev Immunol.* – 2021. – Vol. 21, № 5. – P. 319–329.
126. Endothelial Dysfunction in Atherosclerotic Cardiovascular Diseases and Beyond : From Mechanism to Pharmacotherapies / S. Xu, I. Ilyas, P. J. Little [et al.] // *J. Pharmacol Rev.* – 2021. – Vol. 73, № 3. – P. 924–967.
127. Engelmann, B. Thrombosis as an intravascular effector of innate immunity / B. Engelmann, S. Massberg // *Nat. Rev. Immunol.* – 2013. – Vol. 13, № 1. – P. 34–45.
128. Estimates of the severity of coronavirus disease 2019 : a model-based analysis / R. Verity, L. C. Okell, I. Dorigatti [et al.] // *Lancet Infect Dis.* – 2020. – Vol. 20. – P. 669–677.
129. Expression of the SARS-CoV-2 cell receptor gene ACE2 in a wide variety of human tissues / Y. Li, M. L. Li, Y. Zhang, X. S. Wang // *Infect Dis Poverty.* – 2020. – № 9. – P. 45.
130. Extremely high incidence of lower extremity deep venous thrombosis in 48 Patients with severe COVID-19 in Wuhan / B. Ren, F. Yan, Z. Deng [et al.] // *Circulation.* – 2020. – Vol. 142, № 2. – P. 181–183.
131. Fajgenbaum, D. C. Cytokine Storm / D. C. Fajgenbaum, C. H. June // *N Engl J Med.* – 2020. – Vol. 383, № 23. – P. 2255–2273.

132. Fas ligand and Fas are expressed constitutively in human astrocytes and the expression increases with IL-1, IL6, TNF-alpha, or IFN-gamma / C. Choi, J. Y. Park, J. Lee [et al.] // J Immunol. – 1999. – Vol. 162. – P. 1889–1895.
133. FcgammaR-mediated SARS-CoV-2 infection of monocytes activates inflammation / C. Junqueira, A. Crespo, S. Ranjbar [et al.] // Nature. – 2022. – Vol. 606. – P. 576–584.
134. Feng, Z. The novel severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 (SARS-CoV-2) directly decimates human spleens and lymph nodes / Z. Feng, B. Diao, R. Wang [et al.] // medRxiv. – 2020.
135. Ferritin is associated with the severity of lung involvement but not with worse prognosis in patients with COVID-19 : data from two Italian COVID-19 units / F. Carubbi, L. Salvati, A. Alunno [et al.] // Sci Rep. – 2021. – № 11. – P. 4863.
136. Ferritin level : A predictor of severity and mortality in hospitalized COVID-19 patients / M. Alroomi, R. Rajan, A. A. Omar [et al.] // Immun Inflamm Dis. – 2021. – Vol. 9, № 4. – P. 1648–1655.
137. Fine Analysis of Lymphocyte Subpopulations in SARS-CoV-2 Infected Patients : Differential Profiling of Patients With Severe Outcome / T. Raskovalova, A. Vilotitch, M. Pernollet [et al.] // Front. Immunol. – 2022. – Vol. 13. – P. 889813.
138. Flow Cytometric Analysis of Lymphocyte Subsets of Covid-19 Patients from A Single Centre in Turkey / T. Elverdi, A. Erçalışkan, R. Karaal [et al.] // Acıbadem Univ. Sağlık Bilim. Derg. – 2023. – Vol. 14, № 4. – P. 534–541.
139. Gerstner, G. Case Report of Multisystem Inflammatory Syndrome in Adults (MIS-A) : A 31-Year-Old Man with Fever, Rash, and Cardiac Symptoms 6 Weeks Following SARS-CoV-2 Infection, Successfully Resuscitated Following Cardiac Arrest / G. Gerstner, T. A. Rafalski, D. Pankiewicz // Am J Case Rep. – 2022. – Vol. 23. – P. e938127.
140. Global mortality impact of the 1957-1959 influenza pandemic / C. Viboud, L. Simonsen, R. Fuentes [et al.] // J Infect Dis. – 2016. – Vol. 213, № 5. – P. 738–745.

141. Global prevalence of COVID-19-induced acute respiratory distress syndrome : systematic review and meta-analysis / A. W. Azagew, Z. W. Beko, Y. M. Ferede [et al.] // *Syst Rev.* – 2023. – Vol. 12. – P. 212.
142. Ground-glass opacity (GGO) : a review of the differential diagnosis in the era of COVID-19 / D. Cozzi, E. Cavigli, C. Moroni [et al.] // *Jpn J Radiol.* – 2021. – Vol. 39, № 8. – P. 721–732.
143. Gupta, S. Tumor necrosis factor-alpha-induced apoptosis in T cells from aged humans : A role of TNFR-I and downstream signaling molecules / S. Gupta // *Exp Gerontol.* – 2002. – Vol. 37, № 2–3. – P. 293–299.
144. Hacker, G. The morphology of apoptosis / G. Hacker // *Cell Tissue Res.* – 2000. – Vol. 301, № 1. – P. 5–17.
145. Haemophagocytic syndrome and COVID-19 / S. Retamozo, P. Brito-Zerón, A. Sisó-Almirall [et al.] // *Clin Rheumatol.* – 2021. – Vol. 40, № 4. – P. 1233–1244.
146. Hamidi, A. A. Mild/moderate and severe COVID-19 pneumonia : Can the clinical course be predicted / A. A. Hamidi, Y. Ulu // *Maltepe Tıp Dergisi.* – 2021. – Vol. 13, № 3. – P. 92–96.
147. Hantavirus cardiopulmonary syndrome : immune response and pathogenesis / A. A. Borges, G. M. Campos, M. L. Moreli [et al.] // *Microbes Infect.* – 2006. – Vol. 8, № 8. – P. 2324–2330.
148. Hermida, M. Histological disorganization of spleen compartments and severe visceral leishmaniasis / M. Hermida, C. V. B. de Melo, I. Lima, G. Oliveira, W. L. C. dos-Santos // *Frontiers in Cellular and Infection Microbiology.* – 2018. – Vol. 8. – Art. 394.
149. Highly functional virus-specific cellular immune response in asymptomatic SARS-CoV-2 infection / N. Le Bert, H. E. Clapham, A. T. Tan [et al.] // *J. Exp. Med.* – 2021. – Vol. 218, № 5. – P. e20202617.
150. Hildebrandt, X. Cell Death and Inflammation During Obesity : Know My Methods, WAT(son) / X. Hildebrandt, M. Ibrahim, N. Peltzer // *Cell Death & Differentiation.* – 2023. – Vol. 30, № 2. – P. 279–292.

151. HLH-2004 : Diagnostic and therapeutic guidelines for hemophagocytic lymphohistiocytosis / J.-I. Henter, A. C. Horne, M. Arico' [et al.] // *Pediatr Blood Cancer*. – 2007. – Vol. 48. – P. 124–131.
152. Hotchkiss, R. S. Prevention of Lymphocyte Apoptosis – A potential Treatment of Sepsis? / R. S. Hotchkiss, C. M. Coopersmith, I. E. Karl // *Clin. Inf. Diseases*. – 2005. – Vol. 41, Supl. 7 – P. 465–469.
153. Hyperferritinemia in critically ill COVID-19 patients – Is ferritin the product of inflammation or a pathogenic mediator? / J. Gómez-Pastora, M. Weigand, J. Kim [et al.] // *Clinica Chimica Acta*. – 2020. – Vol. 509. – P. 249–251.
154. Hyperglycemic Condition Causes Pro-Inflammatory and Permeability Alterations Associated With Monocyte Recruitment and Deregulated NFκB/PPARγ Pathways on Cerebral Endothelial Cells : Evidence for Polyphenols Uptake and Protective Effect / J. Taïlé, J. Patché, B. Veeren, M. P. Gonthier // *International Journal of Molecular Sciences*. – 2021. – Vol. 22, № 3. – P. 1385.
155. Iba, T. Viral-Induced Inflammatory Coagulation Disorders : Preparing for Another Epidemic / T. Iba, J. H. Levy, M. Levi // *Thromb Haemost.* – 2022. – Vol. 122, № 1. – P. 8–19.
156. IL-19 Induces Production of IL-6 and TNF-α and Results in Cell Apoptosis Through TNF-α / Y.-C. Liao, W.-G. Liang, F.-W. Chen [et al.] // *J. Immunol.* – 2002. – Vol. 169. – P. 4288–4297.
157. Immune Cells Profiles In The Peripheral Blood Of Patients With Moderate To Severe COVID-19 And Healthy Subjects With And Without Vaccination With The Pfizer-BioNTech mRNA Vaccine / R. Al-Attiah, H. A. Safar, L. Botras [et al.] // *Front. Immunol.* – 2022. – Vol. 13. – P. 851765.
158. Immune Response and COVID-19 : A mirror image of Sepsis / E. López-Collazo, J. Avendaño-Ortiz, A. Martín-Quirós, L. A. Aguirre // *Aguirre Int J Biol Sci.* – 2020. – Vol. 16, № 14. – P. 2479–2489.
159. Immunological memory cells / W. Ratajczak, P. Niedźwiedzka-Rystwej, B. Tokarz-Deptuła, W. Deptuła // *Cent. Eur. J. Immunol.* – 2018. – Vol. 43. – P. 194–203.

160. Immunology of COVID-19 : Current State of the Science / N. Vabret, G. J. Britton, C. Gruber [et al.] // *Immunity*. – 2020. – Vol. 52, № 6. – P. 910–941.
161. Immunothrombosis in Acute Respiratory Dysfunction of COVID-19 / X.-Z. Fang, Y.-X. Wang, J.-Q. Xu [et al.] // *Front. Immunol.* – 2021. – № 12. – P. 651545.
162. Impact of sepsis on CD4 T cell immunity / J. Cabrera-Perez, S. A. Condotta, V. P. Badovinac, T. S. Griffith // *J Leukoc Biol.* – 2014. – Vol. 96, № 5. – P. 767–777.
163. Impact of Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2 Viral Load on Risk of Intubation and Mortality Among Hospitalized Patients With Coronavirus Disease 2019 / R. Magleby, L. F. Westblade, A. Trzebucki [et al.] // *Clin Infect Dis.* – 2021. – Vol. 73, № 11. – P. e4197-e4205.
164. Impact of severe lymphopenia on the early prediction of clinical outcome in hospitalized patients with pneumococcal community-acquired pneumonia / L. A. Ruiz, L. Serrano, S. Pérez [et al.] // *Infection*. – 2023. – Vol. 51. – P. 1319–1327.
165. Increased age, neutrophil-to-lymphocyte ratio (NLR) and white blood cells count are associated with higher COVID-19 mortality / E. Vafadar Moradi, A. Teimouri, R. Rezaee [et al.] // *Am J Emerg Med.* – 2021. – Vol. 40. – P. 11–14.
166. Infections, hospitalisations, and deaths averted via a nationwide vaccination campaign using the Pfizer-BioNTech BNT162b2 mRNA COVID-19 vaccine in Israel : a retrospective surveillance study / E. J. Haas., J. M. McLaughlin, F. Khan [et al.] // *Lancet Infect Dis.* – 2022. – Vol. 22. – P. 357–366.
167. Integrated longitudinal immunophenotypic, transcriptional and repertoire analyses delineate immune responses in COVID-19 patients / S. Notarbartolo, V. Ranzani, A. Bandera [et al.] // *Sci. Immunol.* – 2021. – Vol. 6, № 62. – P. eabg5021.
168. Investigation of CYP2E1 and Caspase-3 Gene Expressions in COVID-19 patients / S. Karabulut Uzuncakmak, E. Dirican, M. E. Naldan [et al.] // *Gene Rep.* – 2022. – Vol. 26. – P. 101497.
169. Jialal, I. Clinical Utility of Lactate Dehydrogenase : A Historical Perspective / I. Jialal, L. J. Sokoll // *American Journal of Clinical Pathology*. – 2015. – Vol. 143. – P. 158–159.

170. Johnson, N. P. Updating the accounts : global mortality of the 1918-1920 "Spanish" influenza pandemic / N. P. Johnson, J. Mueller // *Bull Hist Med.* – 2002. – Vol. 76. – P. 105e15.
171. Kain, T. Preparing intensive care for the next pandemic influenza / T. Kain, R. Fowler // *Crit Care.* – 2019. – № 23. – P. 337.
172. Kany, S. Cytokines in inflammatory disease / S. Kany, J. T. Vollrath, B. Relja // *International Journal of Molecular Sciences.* – 2019. – Vol. 20, № 23. – P. 6008.
173. Kupferschmidt, K. Evolving threat / K. Kupferschmidt // *Science.* – 2021. – Vol. 373, № 6557. – P. 844–849.
174. Laboratory Biomarkers for Diagnosis and Prognosis in COVID-19 / D. Battaglini, M. Lopes-Pacheco, H. C. Castro-Faria-Neto [et al.] // *Front. Immunol.* – 2022. – № 13. – P. 857573.
175. Lactate dehydrogenase levels predict coronavirus disease 2019 (COVID-19) severity and mortality : A pooled analysis / B. M. Henry, G. Aggarwal, J. Wong [et al.] // *Am J Emerg Med.* – 2020. – Vol. 38, № 9. – P. 1722–1726.
176. Lactate dehydrogenase predicts disease progression outcome in COVID-19 patients treated with Azvudine / M. Mao, Y. Dian, Y. Sun [et al.] // *Front. Cell. Infect. Microbiol.* – 2023. – Vol. 13. – P. 1237277.
177. Lactic dehydrogenase-lymphocyte ratio for predicting prognosis of severe COVID-19 / G. Li, F. Xu, X. Yin [et al.] // *Medicine.* – 2021. – Vol. 100, № 4. – P. e2444.
178. Lagunas-Rangel, F. A. Neutrophil-to-lymphocyte ratio and lymphocyte-to-C-reactive protein ratio in patients with severe coronavirus disease 2019 (COVID-19) : A meta-analysis / F. A. Lagunas-Rangel // *J Med Virol.* – 2020. – Vol. 92, № 10. – P. 1733–1734.
179. Lamers, M. M. SARS-CoV-2 pathogenesis / M. M. Lamers, B. L. Haagmans // *Nat Rev Microbiol.* – 2022. – Vol. 20. – P. 270–284.
180. Letko, M. Functional assessment of cell entry and receptor usage for SARS-CoV-2 and other lineage B betacoronaviruses / M. Letko, A. Marzi, V. Munster // *Nat Microbiol.* – 2020. – № 5. – P. 562–569.

181. Liu, Y. C. COVID-19 : The first documented coronavirus pandemic in history / Y. C. Liu, R. L. Kuo, S. R. Shih // *Biomed J.* – 2020. – Vol. 43, № 4. – P. 328–333.
182. Longitudinal analysis reveals that delayed bystander CD8⁺ T cell activation and early immune pathology distinguish severe COVID-19 from mild disease / L. Bergamaschi, F. Mescia, L. Turner [et al.] // *Immunity.* – 2021. – Vol. 54, № 6. – P. 1257–1275.
183. Longitudinal characteristics of lymphocyte responses and cytokine profiles in the peripheral blood of SARS-CoV-2 infected patients / J. Liu, S. Li, J. Liu [et al.] // *EBioMedicine.* – 2020. – Vol. 55. – P. 102763.
184. Lossi, L. The concept of intrinsic versus extrinsic apoptosis / L. Lossi // *Biochem J.* – 2022. – Vol. 479, № 3. – P. 357–384.
185. Lymphocyte Population Changes at Two Time Points during the Acute Period of COVID-19 Infection / G. Scalia, M. Raia, M. Gelzo [et al.] // *J. Clin. Med.* – 2022. – Vol. 11. – P. 4306.
186. Lymphopenia an important immunological abnormality in patients with covid-19 : possible mechanisms / A. Jafarzadeh, S. Jafarzadeh, P. Nozari [et al.] // *Scand J Immunol.* – 2021. – Vol. 93. – P. e12967.
187. Lymphopenia and neutrophilia at admission predicts severity and mortality in patients with COVID-19 : A meta-analysis / B. Henry, I. Cheruiyot, J. Vikse [et al.] // *Acta Bio Med. Atenei Parm.* – 2020. – Vol. 91. – P. e2020008.
188. Lymphopenia and risk of infection and infection-related death in 98,344 individuals from a prospective Danish population-based study / M. Warny, J. Helby, B. G. Nordestgaard [et al.] // *PLoS Med.* – 2018. – Vol. 15, № 11. – P. e1002685.
189. Lymphopenia as a Biological Predictor of Outcomes in COVID-19 Patients : A Nationwide Cohort Study / J. Lee, S.-S. Park, T. Y. Kim [et al.] // *Cancers.* – 2021. – Vol. 13. – P. 471.
190. Lymphopenia as a prognostic factor for overall survival in advanced carcinomas, sarcomas, and lymphomas / I. Ray-Coquard, M. Van Glabbeke, C. Sebban [et al.] // *Cancer Res.* – 2009. – Vol. 69. – P. 5383–5391.

191. Lymphopenia Caused by Virus Infections and the Mechanisms Beyond / Z. Guo, Z. Zhang, M. Prajapati, Y. Li // *Viruses*. – 2021. – Vol. 13. – P. 1876.
192. Lymphopenia in sepsis : a narrative review / Z. Wang, W. Zhang, L. Chen [et al.] // *Crit Care*. – 2024. – Vol. 28, № 1. – P. 315.
193. Lymphopenia in sepsis – an acquired immunodeficiency? / S. Finfer, B. Venkatesh, R. S. Hotchkiss, S. C. Sasson // *Immunology & Cell Biology*. – 2023. – Vol. 101, № 6. – P. 535–544.
194. Lymphopenia is an important prognostic factor in peripheral T cell lymphoma (NOS) treated with anthracycline-containing chemotherapy / Y. R. Kim, S. J. Kim, H. A. Jung [et al.] // *J. Hematol. Oncol.* – 2011. – № 4. – P. 34.
195. Lymphopenia is associated with broad host response aberrations in community-acquired pneumonia / S. E. Doleman, T. D. Y. Reijnders, S. C. M. Joosten [et al.] // *J Infect.* – 2024. – Vol. 88, № 4. – P. 106131.
196. Lymphopenia is associated with severe coronavirus disease 2019 (COVID-19) infections : A systemic review and meta-analysis / Q. Zhao, M. Meng, R. Kumar [et al.] // *International Journal of Infectious Diseases*. – 2020. – Vol. 96. – P. 131–135.
197. Lymphopenic Community Acquired Pneumonia (L-CAP), an Immunological Phenotype Associated with Higher Risk of Mortality / J. F. Bermejo-Martin, C. Cilloniz, R. Mendez [et al.] // *EBioMedicine*. – 2017. – Vol. 24. – P. 231–236.
198. Majrashi, N. A. A. The value of chest X-ray and CT severity scoring systems in the diagnosis of COVID-19 : A review / N. A. A. Majrashi // *Front. Med.* – 2023. – № 9. – P. 1076184.
199. Malireddi, R. K. S. Innate Immunity in Protection and Pathogenesis During Coronavirus Infections and COVID-19 / R. K. S. Malireddi, B. R. Sharma, T. D. Kanneganti // *Annu Rev Immunol.* – 2024. – Vol. 42, № 1. – P. 615–645.
200. Mebius, R. E. Structure and function of the spleen / R. E. Mebius, G. Kraal // *Nature Reviews Immunology*. – 2005. – Vol. 5. – P. 606–616.

201. Mechanisms Contributing to Adverse Outcomes of COVID-19 in Obesity / M. Sudhakar, S. B. Winfred, G. Meiyazhagan, D. P. Venkatachalam // *Molecular and Cellular Biochemistry*. – 2022. – Vol. 477, № 4. – P. 1155–1193.
202. Mechanisms of endothelial activation, hypercoagulation and thrombosis in COVID-19 : a link with diabetes mellitus / I. Valencia, J. Lumpuy-Castillo, G. Magalhaes [et al.] // *Cardiovasc Diabetol*. – 2024. – Vol. 23, № 1. – P. 75.
203. Mechanisms of SARS-CoV-2 entry into cells / C. B. Jackson, M. Farzan, B. Chen, H. Choe // *Nat Rev Mol Cell Biol*. – 2022. – Vol. 23, № 1. – P. 3–20.
204. Merad, M. Pathological Inflammation in Patients With Covid-19 : A Key Role for Monocytes and Macrophages / M. Merad, J. C. Martin // *Nat Rev Immunol*. – 2020. – Vol. 20, № 6. – P. 355–362.
205. Mesquita, B. R. Lymphocyte loss and plasmacytosis are associated with IL-6- and TNF-producing cells in the spleens of fatal COVID-19 cases / B. R. Mesquita, L. V. D. S. Carvalho, L. C. G. Baqueiro [et al.] // *Frontiers in Cellular and Infection Microbiology*. – 2025. – Vol. 15.
206. Meyer, N. J. Acute respiratory distress syndrome / N. J. Meyer, L. Gattinoni, C. S. Calfee // *Lancet*. – 2021. – Vol. 398, № 10300. – P. 622–637.
207. Monocyte Chemoattractant Protein-1 (MCP-1) : An Overview / S. L. Deshmane, S. Kremlev, S. Amini, B. Sawaya // *J Interferon Cytokine Res*. – 2009. – Vol. 29, № 6. – P. 313–326.
208. Moore, J. B. Cytokine release syndrome in severe COVID-19 / J. B. Moore, C. H. June // *Science*. – 2020. – Vol. 368, № 6490. – P. 473–474.
209. Mortality in COVID-19 patients with acute respiratory distress syndrome and corticosteroids use : a systematic review and meta-analysis / S. S. Hasan, T. Capstick, R. Ahmed [et al.] // *Expert Rev Respir Med*. – 2020. – Vol. 14, № 11. – P. 1149–1163.
210. Neutrophil to lymphocyte ratio as prognostic and predictive factor in patients with coronavirus disease 2019 : A retrospective cross-sectional study / X. Yan, F. Li, X. Wang [et al.] // *J Med Virol*. – 2020. – Vol. 9, № 11. – P. 2573–2581.

211. Nonviral infection-related lymphocytopenia for the prediction of adult sepsis and its persistence indicates a higher mortality / J. Jiang, H. Du, Y. Su [et al.] // *Medicine*. – 2019. – Vol. 98, № 29. – P. e16535.
212. Obesity and Inflammation : The Linking Mechanism and the Complications / M. S. Ellulu, I. Patimah, H. Khaza'ai [et al.] // *Archives of Medical Science*. – 2017. – Vol. 13, № 4. – P. 851–863.
213. Older age and comorbidity are independent mortality predictors in a large cohort of 1305 COVID-19 patients in Michigan, United States / Z. Imam, F. Odish, I. Gill [et al.] // *J Intern Med*. – 2020. – Vol. 288, № 4. – P. 469–476.
214. Opportunistic Infections in COVID-19 : A Systematic Review and Meta-Analysis / N. Kurra, P. I. Woodard, N. Gandrakota [et al.] // *Cureus*. – 2022. – Vol. 14, № 3. – P. e23687.
215. Orthogonal SARS-CoV-2 Serological Assays Enable Surveillance of Low-Prevalence Communities and Reveal Durable Humoral Immunity / T. J. Ripberger, J. L. Uhrlaub, M. Watanabe [et al.] // *Immunity*. – 2020. – Vol. 53, № 5. – P. 925–933.
216. Pandemic versus epidemic influenza mortality : a pattern of changing age distribution / L. Simonsen, M. J. Clarke, L. B. Schonberger [et al.] // *J Infect Dis*. – 1998. – Vol. 178, № 1. – P. 53–60.
217. Pathophysiology of COVID-19-associated acute respiratory distress syndrome : a multicentre prospective observational study / G. Grasselli, T. Tonetti, A. Protti [et al.] // *The Lancet Respiratory Medicine*. – 2020. – Vol. 8, № 12. – P. 1201–1208.
218. Patterns of Comorbidity and In-Hospital Mortality in Older Patients With COVID-19 Infection / M. Mahmoud, L. Carmisciano, L. Tagliafico [et al.] // *Front. Med*. – 2021. – Vol. 8. – P. 726837.
219. Peripheral and lung resident memory T cell responses against SARS-CoV-2 / J. Grau-Expósito, N. Sánchez-Gaona, N. Massana [et al.] // *Nat. Commun*. – 2021. – Vol. 12, № 1. – P. 3010.
220. Persistent lymphopenia after diagnosis of sepsis predicts mortality / A. M. Drewry, N. Samra, L. P. Skrupky [et al.] // *Shock*. – 2014. – Vol. 42. – P. 383–391.

221. PIMS-TS National Consensus Management Study Group. A national consensus management pathway for paediatric inflammatory multisystem syndrome temporally associated with COVID-19 (PIMS-TS) : results of a national Delphi process / R. Harwood, B. Allin, C. E. Jones [et al.] // *Lancet Child Adolesc Health*. – 2021. – Vol. 5, № 2. – P. 133–141.
222. Population risk factors for severe disease and mortality in COVID19 : A global systematic review and meta-analysis / A. Booth, A. B. Reed, S. Ponzo [et al.] // *PLoS ONE*. – 2021. – Vol. 16, № 3. – P. e0247461.
223. Postmortem Findings Associated With SARS-CoV-2 : Systematic Review and Meta-analysis / S. Satturwar, M. Fowkes, C. Farver [et al.] // *Am J Surg Pathol*. – 2021. – Vol. 45, № 5. – P. 587–603.
224. Postmortem findings in COVID-19 fatalities : A systematic review of current evidence / R. G. Menezes, T. Rizwan, S. Saad Ali [et al.] // *Leg Med (Tokyo)*. – 2022. – Vol. 54. – P. 102001.
225. Predictive value of C-reactive protein for disease severity and survival in COVID-19 patients : a systematic review and meta-analysis / L. Chi, S. Wang, X. Wang [et al.] // *Clin Exp Med*. – 2023. – Vol. 23. – P. 2001–2008.
226. Predictive values of neutrophil-to-lymphocyte ratio on disease severity and mortality in COVID-19 patients : a systematic review and meta-analysis / X. Li, C. Liu, Z. Mao [et al.] // *Crit Care*. – 2020. – Vol. 24. – P. 647.
227. Predictors of mortality among hospitalized COVID-19 patients and risk score formulation for prioritizing tertiary care – An experience from South India / N. Gopalan, S. Senthil, N. L. Prabakar [et al.] // *PLoS ONE*. – 2022. – Vol. 17, № 2. – P. e0263471.
228. Predictors of mortality in patients with coronavirus disease 2019 : a systematic review and meta-analysis / C. Shi, L. Wang, J. Ye [et al.] // *BMC Infect Dis*. – 2021. – Vol. 21. – P. 663.
229. Preliminary predictive criteria for COVID-19 cytokine storm / R. Caricchio, M. Gallucci, C. Dass [et al.] // *Annals of the Rheumatic Diseases*. – 2021. – Vol. 80, № 1. – P. 88–95.

230. Prevalence of venous thromboembolism in patients with severe novel coronavirus pneumonia / S. Cui, S. Chen, X. Li [et al.] // *J Thromb Haemost.* – 2020. – Vol. 18, № 6. – P. 1421–1424.
231. Prognostic implications of neutrophil-lymphocyte ratio in COVID-19 / S. Jimeno, P. S. Ventura, J. M. Castellano [et al.] // *Eur J Clin Invest.* – 2021. – Vol. 51, № 1. – P. e13404.
232. Prognostic value of neutrophil-to-lymphocyte ratio in COVID-19 compared with Influenza and respiratory syncytial virus infection / L. Prozan, E. Shusterman, J. Ablin [et al.] // *Sci Rep.* – 2021. – Vol. 11. – P. 21519.
233. Pulmonary post-mortem findings in a series of COVID-19 cases from northern Italy : a two-centre descriptive study / L. Carsana, A. Sonzogni, A. Nasr [et al.] // *Lancet Infect. Dis.* – 2020. – Vol. 20. – P. 1135–1140.
234. Pulmonary Vascular Endothelialitis, Thrombosis, and Angiogenesis in Covid-19 / M. Ackermann, S. E. Verleden, M. Kuehnel [et al.] // *N Engl J Med.* – 2020. – Vol. 383, № 2. – P. 120–128.
235. Putter, J. S. T-cell lymphocytopenia : An omnipresent predictor of morbidity and mortality in consequence of SARS-CoV disease and influenza A infections / J. S. Putter, J. Seghatchian // *Cytokine.* – 2023. – Vol. 165. – P. 156163.
236. Pyroptosis in the lung and spleen of patients died from COVID-19 / X. Tong, H. Ping, X. Gong [et al.] // *European Journal of Inflammation.* – 2022. – Vol. 20. – P. 1–12.
237. Pyroptotic macrophages stimulate the SARS-CoV-2-associated cytokine storm / J. Zhang, H. Wu, X. Yao [et al.] // *Cellular & molecular immunology.* – 2021. – Vol. 18. – P. 1305–1307.
238. Pyroptotic Patterns in Blood Leukocytes Predict Disease Severity and Outcome in COVID-19 Patients / Y. Tang, P. Zhang, Q. Liu [et al.] // *Front. Immunol.* – 2022. – Vol. 13. – P. 888661.
239. Rapid Generation of Neutralizing Antibody Responses in COVID-19 Patients / M. S. Suthar, M. G. Zimmerman, R. C. Kauffman [et al.] // *Cell Rep Med.* – 2020. – Vol. 1, № 3. – P. 100040.

240. Raut, D. Causes of death in COVID-19 patients : A literature review / D. Raut, P. Shrivastav, S. Parwe // International Journal of Research in Pharmaceutical Sciences. – 2021. – Vol. 11, № 1. – P. 1918–1924.
241. Recombinant interleukin-2 stimulates lymphocyte recovery in patients with severe COVID-19 / M.-E. Zhu, Q. Wang, S. Zhou [et al.] // Experimental and Therapeutic Medicine. – 2021. – Vol. 21. – P. 227.
242. Reduction and Functional Exhaustion of T Cells in Patients With Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) / B. Diao, C. Wang Y. Tan [et al.] // Front. Immunol. – 2020. – Vol. 11. – P. 827.
243. Revisiting IL-2 : Biology and therapeutic prospects / A. K. Abbas, E. Trotta, D. R. Simeonov [et al.] // Sci. Immunol. – 2018. – Vol. 3, № 25. – P. eaat1482.
244. Risk and Protective Factors for COVID 19 Morbidity, Severity, and Mortality / J. J. Zhang, X. Dong, G. H. Liu, Y. D. Gao // Clinical Reviews in Allergy & Immunology. – 2023. – Vol. 64. – P. 90–107.
245. Role and clinical implication of autophagy in COVID-19 / T. Shan, L.-Y. Li, M. Yang [et al.] // Virol J. – 2023. – Vol. 20. – P. 125.
246. Saguil, A. Acute Respiratory Distress Syndrome : Diagnosis and Management / A. Saguil, M. V. Fargo // Am Fam Physician. – 2020. – Vol. 101, № 12. – P. 730–738.
247. SARS-CoV-2 cell entry depends on ACE2 and TMPRSS2 and is blocked by a clinically proven protease inhibitor / M. Hoffmann, H. Kleine-Weber, S. Schroeder [et al.] // Cell. – 2020. – Vol. 181, № 2. – P. 271–280.
248. SARS-CoV-2 induces lymphocytopenia by promoting inflammation and decimates secondary lymphoid organs / Q. Xiang, Z. Feng, B. Diao [et al.] // Front. Immunol. – 2021. – Vol. 12. – P. 661052.
249. SARS-CoV-2 infection of thymus induces loss of function that correlates with disease severity / M. Rosichini, V. Bordoni, D. F. Silvestris [et al.] // J Allergy Clin Immunol. – 2023. – Vol. 151, № 4. – P. 911–921.

250. SARS-CoV-2, inflammatory apoptosis, and cytokine storm syndrome / C. A. A. Hu, I. Murphy, S. Klimaj [et al.] // *Open COVID Journal*. – 2021. – № 1. – P. 22–31.
251. SARS-CoV-2 Mutations and their Viral Variants / B. Cosar, Z. Y. Karagulleoglu, S. Unal [et al.] // *Cytokine Growth Factor Rev*. – 2022. – Vol. 63. – P. 10–22.
252. SARS-CoV-2 : Structure, Biology, and Structure-Based Therapeutics Development / M.-Y. Wang, R. Zhao, L.-J. Gao [et al.] // *Front Cell Infect Microbiol*. – 2020. – № 10. – P. 587269.
253. SARS-CoV-2 viral load in upper respiratory specimens of infected patients / L. Zou, F. Ruan, M. Huang [et al.] // *N. Engl. J. Med*. – 2020. – Vol. 382. – P. 1177–1179.
254. SARS-CoV-2-reactive T cells in healthy donors and patients with COVID-19 / J. Braun, L. Loyal, M. Frentsch [et al.] // *Nature*. – 2020. – Vol. 587. – P. 270–274.
255. SARS-CoV-2's Variants of Concern : A Brief Characterization / A. M. Scovino, E. C. Dahab, G. F. Vieira [et al.] // *Histopathology*. – 2022. – Vol. 13. – P. 834098.
256. Schulte, W. Cytokines in sepsis : potent immunoregulators and potential therapeutic targets--an updated view / W. Schulte, J. Bernhagen, R. Bucala // *Mediators Inflamm*. – 2013. – Vol. 2013. – P. 165974.
257. Secondary infections in patients hospitalized with COVID-19 : incidence and predictive factors / M. Ripa, L. Galli, A. Poli [et al.] // *Clin Microbiol Infect*. – 2021. – Vol. 27, № 3. – P. 451–457.
258. Sette, A. Adaptive immunity to SARS-CoV-2 and COVID-19 / A. Sette, S. Crotty // *Cell*. – 2021. – Vol. 184, № 4. – P. 861–880.
259. Severe lymphopenia in hospitalized patients with influenza virus infection as a marker of a poor outcome / A. Lalueza, D. Folgueira, C. Díaz-Pedroche [et al.] // *Infect Dis (Lond)*. – 2019. – Vol. 51, № 7. – P. 543–546.

260. Severe lymphopenia is associated with elevated plasma interleukin-15 levels and increased mortality during severe sepsis / K. P. Chung, H. T. Chang S. C. Lo [et al.] // Shock. – 2015. – Vol. 43, № 6. – P. 569–575.
261. Severe Pandemic H1N1 2009 Infection Is Associated with Transient NK and T Deficiency and Aberrant CD8 Responses / A. Fox, L. N. M. Hoa, P. Horby [et al.] // PLoS ONE. – 2012. – Vol. 7, № 2. – P. e31535.
262. Sharing CD4+ T Cell Loss : When COVID-19 and HIV Collide on Immune System / X. Peng, J. Ouyang, S. Isnard [et al.] // Front. Immunol. – 2011. – Vol. 11. – P. 596631.
263. Shekhanawar, M. Role of D-Dimer and LDH in Assessment of Severity of Covid-19 / M. Shekhanawar, H. T. Sarala, R. A. Shaik // Asian Journal of Medical Research. – 2021. – Vol. 10, № 2. – P. 1–8.
264. Single-cell RNAseq data analysis on the receptor ACE2 expression reveals the potential risk of different human organs vulnerable to 2019-nCoV infection / X. Zou, K. Chen, J. Zou [et al.] // Front Med. – 2020. – № 14. – P. 185–192.
265. Srikiatkachorn, A. Immune-mediated cytokine storm and its role in severe dengue / A. Srikiatkachorn, A. Mathew, A. L. Rothman // Semin Immunopathol. – 2017. – Vol. 39, № 5. – P. 563–574.
266. Structural and functional basis of SARS-CoV-2 entry by using human ACE2 / Q. Wang, Y. Zhang, L. Wu [et al.] // Cell. – 2020. – Vol. 181, № 4. – P. 894–904.
267. Structure, Function, and Antigenicity of the SARS-CoV-2 Spike Glycoprotein / A. C. Walls, Y. J. Park, M. A. Tortorici [et al.] // Cell. – 2020. – Vol. 181, № 2. – P. 281–292.
268. T cell apoptosis characterizes severe COVID-19 disease / S. André, M. Picard, R. Cezar [et al.] // Cell Death Differ. – 2021. – Vol. 29, № 8. – P. 1486–1499.
269. The common risk factors for progression and mortality in COVID-19 patients : a meta-analysis / L. Zhang, J. Hou, F. Z. Ma [et al.] // Arch Virol. – 2021. – Vol. 166, № 8. – P. 2071–2087.

270. The evaluation of both the expression and serum protein levels of caspase-3 gene in patients with different degrees of SARS-CoV-2 infection / P. Yildiz Gulhan, R. Erozu, O. Ataoglu [et al.] // J Med Virol. – 2022. – Vol. 94, № 3. – P. 897–905.
271. The IL-6-Soluble IL-6Ralpha Autocrine Loop of Endothelial Activation as an Intermediate Between Acute and Chronic Inflammation : An Experimental Model Involving Thrombin / V. Marin, F. A. Montero-Julian, S. Grès [et al.] // J. Immunol. – 2001. – Vol. 167. – P. 3435–4342.
272. The immune response to SARS-CoV-2 and COVID-19 immunopathology. Current perspectives / J. L. Boechat, I. Chora, A. Morais, L. Delgado // Pulmonology. – 2021. – Vol. 27, № 5. – P. 423–437.
273. The Importance of Understanding the Stages of COVID-19 in Treatment and Trials / D. O. Griffin, D. Brennan-Rieder, B. Ngo [et al.] // AIDS Rev. – 2021. – Vol. 23, № 1. – P. 40–47.
274. The Important Role of Interleukin-2 in COVID-19 / L. G. Naeini, L. Abbasi, F. Karimi [et al.] // J. Immunol. Res. – 2023. – Vol. 2023. – P. 7097329.
275. The Interplay Between Coagulation and Inflammation Pathways in COVID-19-Associated Respiratory Failure : A Narrative Review / R. Bhattacharyya, P. Iyer, Gh. Ch. Phua, J. H. Lee // Pulm Ther. – 2020. – Vol. 6, № 2. – P. 215–231.
276. The Johns Hopkins coronavirus resource center, 2025. – URL: <https://www.coronavirus.jhu.edu> (accessed: 30.04.2026).
277. The main causes of death in patients with COVID-19 / P. Oboza, N. Ogarek, M. Olszanecka-Glinianowicz, P. Kocelak // Eur Rev Med Pharmacol Sci. – 2023. – № 27. – P. 2165–2172.
278. The ORF3a protein of SARS-CoV-2 induces apoptosis in cells / Y. Ren, T. Shu, D. Wu [et al.] // Cell Mol Immunol. – 2020. – Vol. 17. – P. 881–883.
279. The prognostic significance of lymphopenia in peripheral T cell and natural killer/T cell lymphomas : A study of 826 cases from the International Peripheral T cell Lymphoma Project / Z. Mitrovic, J. Suzumiya, J. O. Armitage [et al.] // Am. J. Hematol. – 2012. – Vol. 87. – P. 790–794.

280. The role of C-reactive protein as a prognostic marker in COVID-19 / D. Stringer, P. Braude, P. K. Myint [et al.] // *Int J Epidemiol.* – 2021. – Vol. 50, № 2. – P. 420–429.
281. The Role of Cytokines and Chemokines in Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2 Infections / S. Y. Hu, P. C. T. Chong, K. Y. Yap [et al.] // *Front. Immunol.* – 2022. – № 13. – P. 832394.
282. The signal pathways and treatment of cytokine storm in COVID-19 / L. Yang, X. Xie, Z. Tu [et al.] // *Signal Transduct Target Ther.* – 2021. – Vol. 6, № 1. – P. 255.
283. Three fatal cases of pandemic 2009 influenza A virus infection in Shenzhen are associated with cytokine storm / X. W. Cheng, J. Lu, C. L. Wu [et al.] // *Respir Physiol Neurobiol.* – 2011. – Vol. 175, № 1. – P.185-187.
284. Thrombocytopathy and endotheliopathy : crucial contributors to COVID-19 thromboinflammation / S. X. Gu, T. Tyagi, K. Jain [et al.] // *Nat Rev Cardiol.* – 2021. – Vol. 18, № 3. – P. 194–209.
285. Thrombus Structural Composition in Cardiovascular Disease / G. Alkarithi, C. Duval, Y. Shi [et al.] // *Arterioscler Thromb Vasc Biol.* – 2021. – Vol. 41, № 9. – P. 2370–2383.
286. Tocilizumab in hospitalized patients with severe covid-19 pneumonia / I. O. Rosas, N. Bräu, M. Waters [et al.] // *N Engl J Med.* – 2021. – Vol. 384, № 16. – P. 1503–1516.
287. Treatment of endothelial cell dysfunction in atherosclerosis : a new perspective integrating traditional and modern approaches / L. Yang, X. Li, L. Ni, Y. Lin // *Front. Physiol.* – 2025. – Vol. 16. – P. 1555118.
288. TREC/KREC Levels and T and B Lymphocyte Subpopulations in COVID-19 Patients at Different Stages of the Disease / A. A. Savchenko, E. Tikhonova, I. Kudryavtsev [et al.] // *Viruses.* – 2022. – Vol. 14. – P. 646.
289. TREC/KREC Levels in Young COVID-19 Patients / M. B. Khadzhieva, E. V. Kalinina, S. S. Larin [et al.] // *Diagnostics.* – 2021. – Vol. 11. – P. 1486.

290. Understanding COVID-19-associated coagulopathy / E. M. Conway, N. Mackman, R. Q. Warren [et al.] // *Nat Rev Immunol.* – 2022. – № 22. – P. 639–649.
291. Viral Load Difference between Symptomatic and Asymptomatic COVID-19 Patients : Systematic Review and Meta-Analysis / M. Zuin, V. Gentili, C. Cervellati [et al.] // *Infect Dis Rep.* – 2021. – Vol. 13, № 3. – P. 645–653.
292. Virology, transmission, and pathogenesis of SARS-CoV-2 / M. Cevik, K. Kuppalli, J. Kindrachuk, M. Peiris // *BMJ.* – 2020. – Vol. 23. – P. 371.
293. Wang, M. Pyroptotic cell death in SARS-CoV-2 infection : revealing its roles during the immunopathogenesis of COVID-19 / M. Wang, W. Chang, L. Zhang // *Int J Biol Sci.* – 2022. – Vol. 18, № 15. – P. 5827–5848.
294. Wu, Z. Characteristics of and important lessons from the coronavirus disease 2019 (COVID-19) outbreak in China : summary of a Report of 72314 Cases From the Chinese Center for Disease Control and Prevention / Z. Wu, J. M. McGoogan // *JAMA.* – 2020. – Vol. 323, № 13. – P. 1239–1242.
295. Yamaoka-Tojo, M. Vascular Endothelial Glycocalyx Damage in COVID-19 / M. Yamaoka-Tojo // *Int J Mol Sci.* – 2020. – Vol. 21, № 24. – P. 9712.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Рисунок 1 - Стадии тяжелого течения коронавирусной инфекции COVID-19	19
Таблица 1 - Критерии гипервоспалительного синдрома при COVID-19	20
Рисунок 2 - Иммунный ответ при коронавирусной инфекции COVID-19	24
Рисунок 3 – Возможные причины лимфопении при COVID-19	26
Рисунок 4 – Пути активации апоптоза клетки.....	29
Таблица 2 - Характеристика выбранных групп и дизайны исследования	45
Таблица 3 - Характеристика используемых МКАТ.	50
Таблица 4 – Клиническая характеристика пациентов с COVID-19	53
Таблица 5 – Лабораторная характеристика пациентов с COVID-19.....	55
Таблица 6 – Характеристика пациентов со среднетяжелым и тяжелым течением COVID-19	57
Таблица 7 – Динамика абсолютного числа лимфоцитов периферической крови ($10 \times 9 / \text{л}$) у пациентов с COVID-19, Ме [МКР]	59
Таблица 8 – Абсолютное количество лимфоцитов периферической крови и объем поражения легких у пациентов с COVID-19	61
Таблица 9 – Уровень лактатдегидрогеназы крови у пациентов с COVID-19 при различных объемах поражения легких	62
Таблица 10 – Лимфопения у пациентов с различными исходами COVID-19 при госпитализации	63
Таблица 11 – Лимфопения у пациентов с различными исходами COVID-19 в финале заболевания	64
Таблица 12 – Характеристика обследованных пациентов	65
Таблица 13 – Показатели цитокинов в сыворотке крови у пациентов с COVID-19 (Ме; МКР).....	67
Таблица 14 – Показатели цитокинов в сыворотке крови у пациентов с COVID-19 с учетом объема поражения легких (Ме; МКР)	68

Таблица 15 – Корреляционный анализ между уровнем провоспалительных цитокинов и лимфоцитов в крови у пациентов с COVID-19.....	69
Таблица 16 – Показатели маркеров воспаления у пациентов с COVID-19 в динамике заболевания (Me, [МКР]).....	70
Таблица 17 – Корреляционный анализ между показателями маркеров воспаления и числом лимфоцитов в крови у пациентов с COVID-19	71
Таблица 18 – Клинико-лабораторная характеристика пациентов.....	72
Рисунок 5 – Апоптоз лимфоцитов крови у пациентов с COVID-19 и контрольной группы.....	73
Рисунок 6 – Результаты исследования апоптоза лимфоцитов методом проточной цитометрии (А – контроль; В – пациент с COVID-19)	74
Таблица 19 – Показатели апоптоза лимфоцитов крови у пациентов с COVID-19 различных возрастных групп, Me [МКР].....	74
Таблица 20 – Показатели апоптоза лимфоцитов крови у пациентов с COVID-19 в зависимости от тяжести заболевания, Me [МКР].....	75
Таблица 21 – Показатели апоптоза лимфоцитов крови у пациентов с COVID-19 в зависимости от исхода заболевания, Me [МКР].....	75
Таблица 22 – Апоптоз лимфоцитов и риск летальности при COVID-19	76
Таблица 23 - Клинико-лабораторная характеристика умерших пациентов	77
Таблица 24 – Площадь кровеносных сосудов легкого (в % от общей площади среза, M+m)	78
Рисунок 7 – Расширение просвета, полнокровие и тромбообразование в кровеносных сосудах легкого у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином. Увеличение × 200.	80
Рисунок 8 – Высокая экспрессия МКАТ против CD31 в эндотелии сосудов легкого у пациента с COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение × 200.	80
Рисунок 9 – Деталь рисунка 8. Увеличение × 400.....	80
Рисунок 10 – Скопление мононуклеаров в кровеносном сосуде легкого у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином. Увеличение × 200.	81

Рисунок 11 – Деталь рисунка 10. Увеличение $\times 400$	81
Рисунок 12 – Деструкция и десквамация эпителия бронха у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином. Увеличение $\times 200$	82
Рисунок 13 – Экссудативная стадия диффузного альвеолярного повреждения легких у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином. Увеличение $\times 200$	83
Рисунок 14 – Деталь рисунка 13. Увеличение $\times 400$	83
Таблица 25 – Содержание иммунокомпетентных клеток в легком (в % от общего числа клеточных элементов, M+m).....	84
Рисунок 15 – CD3+ Т-лимфоциты в легком у пациента с COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 400$	84
Рисунок 16 – CD68+ макрофаги в легком у пациента с COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 400$	85
Рисунок 17 – Фолликулярная структура из CD20+ В-лимфоцитов в легком у пациента с COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 400$	86
Рисунок 18 – Пролиферативная стадия диффузного альвеолярного повреждения легких у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином. Увеличение $\times 200$	87
Рисунок 19 – Деталь рисунка 18. Увеличение $\times 400$	87
Рисунок 20 – Выраженное полнокровие и кровоизлияния в красной пульпе селезенки у пациента с COVID-19. Окраска гематоксилином и эозином. Увеличение $\times 200$	87
Таблица 26 – Площади Т- и В-зависимых зон селезенки (в % от общей площади среза, M+m).	88
Таблица 27 – Содержание иммунокомпетентных клеток в селезенке (в % от общего числа клеточных элементов, M+m).....	88
Рисунок 21 – CD3+ клетки в Т-зависимой периартериальной зоне селезенки у пациента без COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 200$	89

Рисунок 22 – Деталь рисунка 21. Увеличение $\times 400$	89
Рисунок 23 – Уменьшение содержания CD3+ клеток в Т-зависимой периартериальной зоне селезенки у пациента с COVID-19. Реакция с МКАТ против CD3. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 200$	90
Рисунок 24 – Деталь рисунка 23. Увеличение $\times 400$	91
Рисунок 25 – В-зависимая зона - лимфоидный фолликул селезенки у пациента без COVID-19. Реакция с МКАТ против CD20. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 200$	91
Рисунок 26 – Атрофия лимфоидного фолликула селезенки у пациента с COVID-19. Реакция с МКАТ против CD20. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 200$	91
Рисунок 27 – CD68+ макрофаги в селезенке у пациента с COVID-19. LSAB-метод с докраской гематоксилином. Увеличение $\times 200$	92
Рисунок 28 – Деталь рисунка 27. Увеличение $\times 400$	92
Таблица 28 – Частота развития вторичных инфекций у пациентов с COVID-19 в зависимости от уровня лимфоцитов в крови.....	94
Таблица 29 – Частота развития вторичных инфекций у пациентов с COVID-19 с тяжелой лимфопенией.....	95
Таблица 30 – Характеристики связи предикторов модели с шансами развития бактериальных инфекций у пациентов с COVID-19.....	96
Рисунок 29 – Оценки отношения шансов (ОШ и 95% ДИ) для изучаемых предикторов бактериальных инфекций.....	97
Рисунок 30 – ROC-кривая, характеризующая дискриминационную способность регрессионной модели при прогнозировании бактериальных инфекций.....	98
Таблица 31 – Характеристика связи предикторов модели с шансами развития грибковых инфекций.....	99
Рисунок 31 – Оценки отношения шансов с 95% ДИ для изучаемых предикторов грибковых инфекций.....	100
Рисунок 32 – ROC-кривая, характеризующая дискриминационную способность регрессионной модели при прогнозировании грибковых инфекций.....	100

Таблица 32 – Маркеры воспаления в крови у пациентов с COVID-19 (Ме, МКР) при госпитализации	102
Таблица 33 – Маркеры воспаления в крови у пациентов с COVID-19 (Ме, МКР) в финале заболевания	102
Таблица 34 – Биомаркеры воспаления при госпитализации и риск летальности при коронавирусной инфекции COVID-19.....	104
Таблица 35 – Характеристики связи предикторов модели с шансами выявления исхода заболевания	106
Рисунок 33 – Оценки отношения шансов с 95% ДИ для изучаемых предикторов исхода заболевания	108
Рисунок 34 – ROC-кривая, характеризующая дискриминационную способность регрессионной модели при прогнозировании исхода заболевания.....	109
Рисунок 35 – Механизмы формирования лимфопении при COVID-19.....	118